

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

А.А. Посохин

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ЛЕКСЕМООБРАЗОВАНИЯ
И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Монография

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2010

УДК 81-11'161.1(035.3)

ББК 81.2 Рус-2-2

П61

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка
и методики его преподавания ГОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

Н.А. Максимчук

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусского
и русского языков с методикой преподавания
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В.И. Сенкевич

Посохин, А.А.

П61 Проблема соотношения лексемообразования и словообразования :
монография / А.А. Посохин ; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. –
Брест : БрГУ, 2010. – 163 с.

ISBN 978-985-473-644-0.

Монография посвящена теоретическим вопросам русского языкознания, в частности, проблеме связи лексического значения с внутренней формой слова. Исследование продолжает традиции системного описания языковых явлений, заложенные классиками лингвистики. Целью исследования является попытка противопоставления понятия словообразования как процесса образования внутренней формы слова на базе морфемных значений и лексемообразования как механизма взаимодействия внутренней формы с выражаемым смыслом.

Книга адресована аспирантам, студентам, широкой научной общественности.

УДК 81-11'161.1(035.3)
ББК 81.2 Рус-2-2

ISBN 978-985-473-644-0

© УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», 2010

Введение.....	5
1. Внутренняя форма слова и её отношение к выражаемому смыслу.....	8
1.1 Смысл и значение языкового знака.....	8
1.2 Значение морфемы и внутренняя форма слова.....	14
1.3 Проблема выделения инвариантного значения аффикса.....	22
1.4 Внутренняя форма слова.....	29
Внутренняя детерминанта языка и её влияние на процесс образования внутренней формы слова.....	38
1.6 Членимость внешней формы слова.....	47
1.7 Роль корневых и аффиксальных морфем в образовании внутренней формы слова.....	53
1.8 Сочетаемость корня и аффикса.....	58
1.9 Отношения производности.....	63
1.10 О разграничении словообразования и лексеμοобразования.....	68
2. Субстантивация как явление лексеμοобразовательного и словообразова- тельного плана.....	77
2.1 Явление субстантивации как объект изучения в отечественном языко- знании.....	77
2.2 Концепция А.А. Потебни. Пути образования субстантиватов.....	84
2.3 Соотношение субстантиватов и имени существительного.....	89
2.4 Предпосылки к субстантивному использованию прилагательных и при- частий.....	91
2.4.1 Понятие носителя признака.....	91
2.4.2 Значение «носитель признака» у прилагательных и причастий. Осо- бенности внутренней формы прилагательных.....	94
2.4.3 Представление субстанции средствами русского существительно- го.....	97
2.4.4 Специфика представления субстанции прилагательными и причасти- ями.....	102
2.5 Условия субстантивного использования прилагательных и прича- стий.....	105
2.6 Дифференциация субстантиватов по степени инициативности.....	109
3. Классификация субстантиватов.....	112
3.1 Множество и подмножества.....	112
3.1.1 Множества.....	112
3.1.2 Подмножества.....	115

3.2 Типы носителей признаков.....	117
3.2.1 Носители предметно-мотивированных признаков.....	118
3.2.2 Носители акционально-мотивированных признаков	121
3.2.3 Носитель независимого признака	124
Заключение.....	126
Приложение.....	128
Литература.....	148

ВВЕДЕНИЕ

Тезис о системности языка безоговорочно разделяется всеми лингвистическими школами без исключений. Тем не менее, далеко не все направления в языкознании, объявляя своей целью именно системное описание языка, могут представить результаты своих исследований как подтверждение системного характера языка. Чаще всего (особенно это касается наиболее последовательных сторонников структурализма) понятие системы не отделяется от понятия структуры, и, поскольку всякая система обладает структурой, исследование системных особенностей подменяется изучением структуры. Это в конечном счете привело к накоплению большого количества детальных описаний структуры языковой системы, которые зачастую никак не интерпретируются с системных позиций и не укладываются в объяснительные модели, которые бы учитывали не только структуру, но и субстанцию системы. Безусловно, структура – это важнейшая характеристика системы, но не единственная. Субстанция системы – это другая существенная характеристика системы, которая исключается из научного рассмотрения при отождествлении системы и структуры.

Появление в этих условиях синтезирующих научных концепций, которые стремятся обобщить накопленный опыт на основе системного переосмысления полученных результатов, кажется вполне закономерным. К числу наиболее последовательных сторонников системного описания языка, безусловно, следует отнести Геннадия Прокопьевича Мельникова (1928–2000).

Геннадий Прокопьевич Мельников – создатель системной теории языка («системная лингвистика»), в которой системная типология языков рассматривается как основной компонент теории. основополагающим в системной лингвистике является обязательность учета сторон и свойств языкового целого, с выявлением принципов взаимодействий между ними и с выделением среди них ведущих, детерминантных свойств. Язык последовательно рассматривается как средство и как продукт коммуникативной деятельности. Формирующиеся при этом в языковой действительности типы языков являются, в конечном счете, результатом сложения специфических коммуникативных условий, которые Г.П. Мельникова рассматривал как «внешнюю детерминанту».

Работы Г.П. Мельникова по системной лингвистике продолжают великую интеллектуальную традицию, начатую работами Вильгельма фон Гумбольдта по поиску причин своеобразия различных языков. Понятие «внутренней формы» языка того или иного типа в работах Г.П. Мельникова и его учеников реализовано в виде идеи детерминанты – основной, ведущей черты устройства языка, сформировавшейся в ходе

длительной совместной адаптации различных свойств и сторон языкового целого друг к другу. Системная детерминантная типология языков является наиболее серьезным теоретическим достижением лингвистики конца XX века. Лингвистические исследования в русской системной лингвистике представлены не только более чем 300 печатными работами Г.П. Мельникова (среди которых пять монографий), но и работами его многочисленных учеников на материале индоевропейских, урало-алтайских, африканских языков, языков Юго-Восточной Азии.

Несмотря на настойчивость и непоколебимость в проведении своих идей, отличительной чертой исследовательского стиля Г.П. Мельникова было бережное отношение к полученному кем бы то ни было знанию: он всегда был внимателен к любой точке зрения, стараясь найти ей место в своей концепции языка. Такое отношение к другим взглядам на языковые явления стало результатом тех методологических установок, которые развивал Г.П. Мельников, одновременно вбирая в свою теорию языка все то ценное, что было накоплено всей предшествующей лингвистической наукой, в том числе и в методологически неприемлемых направлениях, к которым Геннадий Прокопьевич относил прежде всего структурализм, осознанно противопоставляя свое, системное представление структуралистскому. Лингвистическая концепция Г.П. Мельникова относится к тем весьма немногочисленным концепциям, которые, синтезируя достижения предшественников, предлагают вместо широко распространенных описательных моделей языка модели объяснительные, которые обнаруживают причинно-следственные связи структурных особенностей данного языка с другими уровнями организации социума. Результатом такого подхода является осознание встроенности данной языковой системы в систему культурных ценностей данного народа.

Предлагаемая читателю работа также написана в русле идей системной лингвистикой, что вполне объяснимо, так как была инициирована много лет назад Г.П. Мельниковым, когда автор под руководством Геннадия Прокопьевича пытался теоретически осознать частную словообразовательную проблему – проблему образования субстантиватов в рамках объяснительной модели. В частности, нас тогда заинтересовал вопрос о причинах субстантивного использования слов адъективного склонения и особенностях представления предметного содержания подобными словами.

По мере изучения проблемы оказалось, что получить ответы на эти вопросы, оставаясь в рамках синхронной словообразовательной теории, невозможно. Выяснилось, что при рассмотрении механизма образования субстантиватов постоянно смешиваются и не различаются такие понятия, как смысл и значение языкового знака. Это натолкнуло на идею разграничения двух уровней образования языковой единицы: уровня собственно

словообразования, на котором осуществляется взаимодействие морфемных значений, приводящее к образованию внутренней формы слова, и уровня лексемообразования, на котором устанавливается связь данной внутренней формы с узуальным смыслом.

Такой подход к решению проблемы потребовал переосмысления некоторых базовых понятий теории современного словообразования, которая фактически устранила понятие внутренней формы из словообразовательного процесса. Идея внутренней формы как результата взаимодействия морфемных значений занимает центральное место в предлагаемой концепции. Отталкиваясь от нее, формулируется понятие слова, устанавливаются его границы и дается понятие лексемы. Одним из главных преимуществ излагаемой точки зрения, на наш взгляд, является представление процессов словообразования и лексемообразования с учетом действия внутренней языковой детерминанты, действие которой, по нашему мнению, и создает своеобразие как русского слова, так и его применения.

Стремление представить процессы словообразования и лексемообразования с максимально системных позиций привело к тому, что в работе встречаются фрагменты, которые, на первый взгляд, не имеют непосредственного отношения к обсуждаемой проблеме. Но, так как они, с одной стороны, разъясняют общую методологическую позицию автора, а с другой – демонстрируют единство механизмов функционирования языковой системы на разных уровнях, я счел возможным включить эти отступления в основной текст работы.

Целью настоящей работы не является ниспровержение авторитетов и полное разрушение сложившихся представлений в области теории языка и словообразовательной теории, в частности. Предпринятая попытка – попытка системного осознания проблем, существующих в современной теории русского словообразования, и предложение возможного пути разрешения этих проблем с помощью методологического аппарата системной лингвистики. Предлагаемая концепция, как нам кажется, позволит существенно продвинуться не только в теории словообразования, но и в области морфемики как на уровне теории морфемного членения, так и в сфере морфемных значений.

1. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЫРАЖАЕМОМУ СМЫСЛУ

1.1 Смысл и значение языкового знака

Словообразование как раздел языкознания, имея в качестве объекта изучения собственно слово, не определяет его терминологически в достаточной мере, а пользуется скорее интуитивным представлением о границах слова. Отсутствие чёткого определения объекта изучения зачастую приводит к неоправданному расширению или чрезмерному сужению границ исследования, что, в свою очередь, искажает реальную картину языкового явления и, самое главное, разрушает системные представления о языке. Именно стремление к системному осознанию и описанию языка заставляет заново переосмыслить некоторые базовые понятия языка. Применительно к словообразованию к таковым мы относим понятия значения и смысла языкового знака, понятие внутренней и внешней формы слова и понятие лексемы

Идея Бодуэна де Куртене об онтологии языка как специализированного для осуществления знаковой коммуникации психического механизма, не тождественного механизму психической деятельности, приводит к необходимости чёткого, последовательного и постоянного противопоставления формы плана содержания, с одной стороны, субстанции плана содержания – с другой, то есть противопоставления значения смыслу.

Под смыслом в данном случае мы будем понимать фрагмент внеязыкового сознания, которое формируется под влиянием окружающей действительности независимо от того, выражаем мы его средствами языка или нет. Если исходить из того, что язык как знаковая система изначально развивается для передачи информации о некотором состоянии окружающей действительности, то под смыслом языкового знака следует понимать конкретное состояние идеальной системы, которая возникает в сознании индивида в процессе познания окружающего мира.

Под конкретным состоянием идеальной системы мы понимаем результат соотнесенности конкретного образа воспринимаемой действительности с системой обобщенных образов, формирующих индивидуальную картину мира. Даже если индивид воспринимает в данный момент абсолютно типичную для него ситуацию, такое восприятие всегда обладает конкретностью, которая отличает реальное восприятия данной ситуации от абстрактного, обобщенного представления о данной ситуации, которое сформировалось как результат жизненного опыта. Такое понимание смысла языкового знака, безусловно, относит его к области внеязыкового сознания, которое формируется в нас как результат систематиза-

ции образов, возникших и возникающих в психике в процессе отражения действительности.

Внеязыковое сознание как следствие упорядочивания и систематизации смыслов напрямую зависит от формирующей его реальности, следовательно, система и структура языкового сознания должны отражать существенные, с точки зрения индивида, элементы действительности. С одной стороны, для человека, как и для любого биологического вида, существенность элементов действительности напрямую зависит от их влияния на выживаемость в условиях данной действительности. С другой стороны, для человека, как ещё и существа социального, значимость элемента действительности также будет определяться его влиянием на социальный уклад, который обеспечивает максимальные возможности для выживания социума в целом.

В свою очередь, система внеязыкового сознания, которая и является для языка объектом выражения с помощью материальных элементов, должна определять особенности системы языкового сознания, образованной упорядоченной совокупностью образов материальных объектов, выбранных в качестве внешней формы языкового знака. Другими словами, особенности данной языковой системы определяются особенностями внеязыкового сознания, сформированного в конкретных условиях существования данного социума. Кроме того, особенности языковой системы будут зависеть и от степени актуальности для данного социума тех или иных смыслов, образующих внеязыковое сознание.

Степень актуальности, очевидно, будет зависеть от того, насколько регулярно этот смысл воспроизводится в пределах данного социума, и от того, какую системообразующую функцию данный смысл выполняет в мысленной картине мира. Совершенно очевидно, что смыслы, которые наиболее востребованы членами данного социума в силу того, что отражают наиболее существенные, с точки зрения группы, фрагменты действительности, в первую очередь стремятся к выраженности средствами коммуникации, в частности языковыми средствами. Именно для таких смыслов оформляются стандартизированные средства выражения, по которым эти смыслы легко опознаются.

Примером такой крайней стандартизации может служить система знаков дорожного движения, которые позволяют водителю легко опознавать смыслы, существенные с точки зрения безопасного для водителя и пешеходов движения, и руководствоваться этими смыслами при принятии решений. С другой стороны, смыслы, неактуальные с точки зрения безопасности движения (например, цвет салона автомобиля), не находят своего выражения средствами системы знаков дорожного движения.

Но в отличие от системы знаков дорожного движения, языковая система, располагая стандартными средствами выражения наиболее типичных смыслов, способна выразить и более частные, нерегулярные смыслы средствами стандартного выражения, так как любой смысл существует в сознании не изолированно, а в системных связях с другими смыслами. Эти связи могут отражать реальные связи между фрагментами действительности или связи, установленные в рамках данного социума. Понимание наличия связи между смыслами также является смыслом определенного рода, а значит, этот смысл также может иметь регулярное, стандартизированное формальное выражение.

Таким образом, имея возможность стандартным способом выразить два смысла и отношение между этими смыслами, мы можем выразить смысл, для которого отсутствуют стандартные средства формального выражения. Следовательно, из всей совокупности смыслов, образующих область внеязыкового сознания, в языковом отношении оказываются востребованными ограниченное количество смыслов, существенных с точки зрения данного социума. Причем среди данных смыслов можно выделить две наиболее противопоставленные группы: смыслы, отражающие реальные элементы действительности, и смыслы, отражающие разноуровневые системные связи между этими элементами. Именно эта ограниченная совокупность смыслов и образует систему значений данного языка.

Сказанное выше подводит нас к мысли о том, что под значением языкового знака следует понимать факт устойчивой для всех носителей данного языка связи между абстрактным образом знака из области языкового сознания с определенным рода смыслом в области внеязыкового сознания, который ассоциативно способен указывать на другие фрагменты внеязыкового сознания. Следовательно, можно утверждать, что значение – это своеобразная функция смысла, которая отличается от его основной функции – функции отражения действительности. Из этого следует, что для данного состояния языка количество выражаемых значений будет конечно и относительно стабильно для данной языковой культуры при абсолютной неограниченности обозначаемых смыслов.

Подобная постановка проблемы ставит вопрос о том, может ли любой смысл быть наделен функцией значения или он должен обладать какими-либо определенными свойствами, наличие или отсутствие которых обуславливает способность смысла иметь или не иметь функцию значения, что требует определения параметров, которыми должен обладать смысл, для того чтобы претендовать на роль значения.

Говоря о свойствах смыслов, функционирующих в качестве значений, очевидно, следует разграничивать свойства, которыми эти смыслы обладают объективно, и свойства, которыми мы наделяем данные смыслы.

К числу объективных свойств, безусловно, следует отнести абстрактность и конкретность смыслов как образов, отражающих реалии действительности. Конкретные смыслы не конечны в количественном отношении, т.к. являются синхронной реакцией на окружающий мир и уже в силу этого не могут претендовать на функцию значений. Абстрактные смыслы, являясь результатом мыслительной деятельности по обработке и систематизации конкретных смыслов, в меньшей степени зависят от внешней действительности, они в количественном отношении конечны, так как ограничены уровнем осознания действительности. Абстрактный смысл, возникая на основе конкретных смыслов, оказывается связанным с ними, что позволяет через абстрактный смысл опознавать и классифицировать конкретные смыслы. Следовательно, смысл, претендующий на функцию значения, должен обладать свойством абстрактности, но не конкретности.

Другим свойством, объективно влияющим на способность смысла обрести функцию значения, является его сложность / несложность, то есть способность делиться или не делиться на более мелкие составляющие. Способность смысла члениться напрямую будет зависеть от того, можно ли в структуре смысла обнаружить содержание, которое усматривается в структуре других смыслов. Поскольку всякий сложный смысл может рассматриваться как системное объединение элементарных смыслов, очевидно, можно предположить, что элементарные смыслы в большей степени конечны, чем сложные смыслы. Это значит, что элементарность смысла также может рассматриваться как свойство, способствующее развитию функции значения у этого смысла.

Человек, активно взаимодействуя с окружающей средой, отражая эту среду в своем внеязыковом сознании, безусловно, устанавливает некую иерархию смыслов в зависимости от влияния отражаемого смыслом факта на условия существования индивида в данных условиях. Например, если индивид существует в условиях изоляции от внешней среды, то факты изменения состояния этой среды не будут актуальными для него, даже если индивид имеет возможность наблюдать эти изменения и, соответственно, отражать их в психике посредством смыслов. И наоборот, все смыслы, отражающие изменения внутренней среды, для него, безусловно, будут актуальны. Таким образом, можно говорить, что наличие иерархии смыслов также определяет способность смысла иметь функцию значения: более актуальные смыслы в большей степени склонны к обретению функции значения, чем смыслы неактуальные.

Итак, обобщая сказанное, сформулируем свойства, которыми должен обладать смысл, чтобы приобрести функцию значения. Во-первых, смысл должен обладать *абстрактностью*, во-вторых, смысл должен быть эле-

ментарным, целостным, и, в-третьих, смысл должен быть *актуальным* с точки зрения как отдельного индивида, так и всех членов данного социума.

Нетрудно заметить, что далеко не все знаки русского языка связаны со смыслами именно такого рода. Например, содержание, связанное со словоформой, очень редко бывает элементарным, даже такая внешне простая словоформа, как *кот*, в содержательном отношении распадается на смысл, отражающий реальный фрагмент действительности, смысл единичности и на смыслы о родовом и ситуативном статусе данного фрагмента действительности. такая картина характерна для слов русского языка в подавляющем большинстве случаев. Исключение составляет ограниченное количество нечленимых служебных слов, которые функционально в значительной мере сходны с морфемами.

Следовательно, при таком понимании значения для русского языка собственно значением будут обладать в большинстве случаев только морфемы, а то, что принято называть «лексическим значением» слова, правильнее называть смыслом слова или, точнее, смыслом словоформы, если учитываются значения так называемых словоизменяющих аффиксов.

И действительно, если рассматривать смысл, выражаемый морфемой, то он обладает всеми указанными выше свойствами, необходимыми для приобретения функции значения.

Такой смысл абстрактен, причем не только для аффикса, но и для корневой морфемы, так как даже в случае с предметным смыслом данный смысл содержит в себе представление не о конкретном предмете, а об обобщенном образе. Смысл же аффикса настолько абстрактен, что зачастую с трудом поддается непосредственному толкованию и требует разработки специальных методик опосредованного описания.

Смысл морфемы элементарен, т.к. не дробится в содержательном отношении, но может входить в состав более сложных смыслов. Даже если смысл морфемы (например, корневой) и поддается некоторому членению, то попытка сокращения объема смысла за счет удаления вычленимого содержания приводит либо к разрушению целостности смысла, либо порождает смысл, никак не связанный с данной внешней формой, что делает такое членение неактуальным для данного языка. Например, смысл вкладываемый в корень *-кол-* можно условно расчленить на составляющие: округлость, удлиненность, заостренность, твердость. Только сочетание всех этих составляющих позволяет связывать их с внешней формой *-кол-*. Устранение любой из этих составляющих, как и добавление, например, составляющей «пластичность», делает такую связь невозможной.

Кроме того, смысл морфемы актуален, о чем говорит частотность реализации смысла морфемы: смысл корневой морфемы в том или ином виде присутствует во всех однокоренных словах, а в выделении аффиксов ча-

стотность их употребления является основополагающей. Наиболее ярко актуальность смысла морфемы проявляется в так называемых грамматических, или словоизменительных, аффиксах. В частности, смыслы единичности и множественности выражаются при всех без исключения существительных и дублируются в согласуемых с ними формами прилагательных, местоимений, глаголов, причастий. Идея неиницированного субъекта действия постоянно реализуется через соответствующие родовые флексии именительного падежа, которые в свою очередь постоянно реализуют идею о предписанном статусе.

И, наконец, количество смыслов, связанных с морфемами, конечно, в отличие от смыслов, выражаемых словоформами. Даже если отдельная морфема проявляет известную многозначность, в конечном счете, все значения морфемы объединяются неким инвариантом значения, который поддерживает тождество морфемы.

Например, при всем внешнем различии все значения, выражаемые флексией творительного падежа, могут рассматриваться как варианты инструментального значения, если исходить из того, что смысл инструментального значения заключается в выражении идеи принуждения одного из участников описываемой ситуации к выполнению действия, аналогичного действию, выполняемому независимым субъектом, оформленным именительным падежом. Так предложение *Степан режет бумагу ножом* выражает идею о том, что *Степан режет бумагу и нож режет бумагу*. Степан при этом является инициатором действия «резать», а нож, хоть и проявляет признаки субъекта, но производит действие «резать» как следствие инициации со стороны Степана. Даже в таком далеком от инструментального пространственном значении творительного падежа можно усмотреть исходное значение. В предложении *Степан идет лесом* форма *лесом* придает динамизм высказыванию (Ср. *Степан идет в лесу*) именно за счет инвариантного значения. Если взглянуть на лес глазами Степана, то окажется, что лес тоже *идет* относительно Степана и будет идти ровно столько, сколько будет идти Степан – в этом и состоит инициация к однотипному действию леса со стороны Степана. Подобное употребление форм творительного падежа можно рассматривать как языковое отражение идеи относительности движения, которая в языке, очевидно, оформилась значительно раньше, чем в физической науке.

Опираясь на вышесказанное, сформулируем некоторые предварительные выводы и положения, на которые мы будем опираться в нашем исследовании. Итак, в нашем понимании значением обладает не слово, а составляющие его элементы – морфемы. Значения морфем, взаимодействуя между собой, образуют внутреннюю форму слова, которая представляет собой не механическую сумму значений морфем, а результат взаимо-

действия морфемных значений – значение внутренней формы. В свою очередь, значение внутренней формы указывает на один или несколько смыслов, которые мы будем называть смыслами слова. Последовательность морфем, объединенных одной внутренней формой, будем считать словом, а совокупность слова и выраженного с его помощью смысла определим как лексему. Так как связующим звеном между значениями морфем, словом и лексемой является внутренняя форма слова, рассмотрим это понятие подробнее через связь значения морфемы и значения внутренней формы слова.

1.2 Значение морфемы и внутренняя форма слова

Таким образом, в структуре отдельного слова уже отражены некоторые специфические свойства (с точки зрения данного народа) того «кусочка действительности», который это слово призвано представлять в языке. Русское слово изначально событийно, поскольку в значении составляющих его морфем содержится не только намек на нечто, но и на потенциальные роли этого «нечто» в типичных для него событиях и, следовательно, на его связи с другими типичными участниками и обстоятельствами подобных событий.

В своих теоретических построениях современная словообразовательная наука исходит прежде всего из того, что русское слово, обладая собственным «лексическим значением», членится на более мелкие значащие единицы (морфемы), которые также обладают определенным значением, причем «значение слова» непосредственно вытекает из значения составляющих его морфем. Однако в рамках современной теории словообразования до сих пор еще не совсем понятен сам процесс взаимодействия между морфемами, результатом которого является «значение слова» в целом. Действительно, находясь в рамках существующей концепции понимания взаимодействий морфемных значений, сложно объяснить, почему слово *подстаканник* способно выражать свойственный ему смысл, не имея в своем составе ни одной морфемы, которая своим значением непосредственно указывала бы на тот целостный образ, который мы связываем со словом *подстаканник*. Ни значение приставки *под-*, ни значение корня *-стакан-*, ни значения суффиксов *-н-* и *-ик-*, ни значения флексии, взятые отдельно, не смогут указать на искомый смысл. Более того, современная теория морфемного членения, тесно связанная с господствующей словообразовательной теорией, с сомнением отнесется к выделению элемента *-н-* в качестве суффикса именно на том основании, что он, ввиду отсутствия в словообразовательной цепи звена *подстаканный*, не имеет значения.

Оперирование с морфемой как с элементарной значащей единицей языка базируется на допущении, что морфема, точнее морф, имеет значение сама по себе. Такая точка зрения, однако, разделяется не всеми лингвистами. В качестве возражения обычно используется то обстоятельство, что подавляющее большинство морфем не употребляется самостоятельно. С таким возражением трудно согласиться. Самостоятельное значение и самостоятельное употребление – разные вещи. Как известно, некоторые лингвисты оспаривают и самостоятельное значение слова, полагая, что значение слова – это правила его употребления. Однако такое понимание значения слова противоречит как методологическим представлениям о языке, так и общественной практике: созданию словарей, обучению языку и т.п.

Говоря о наличии значения у морфем, можно утверждать, что не признавать самостоятельного значения морфемы – значит отрицать само существование такой единицы в структуре языка. Ведь уровень морфем впервые был выделен в лингвистике И.А. Бодуэном де Куртене именно на основании допущения, что существуют обладающие значением единицы, меньшие по своей протяженности, чем слово. И лишь после этого получило конкретное истолкование положение В. фон Гумбольдта, что минимальный отдельный знак языка представлен в языковом сознании любого его носителя в виде внутренней формы этого знака и внешней, ассоциированной по смежности с внутренней формой.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что сам термин «значение», «значение слова» и подобные даже представители одного и того же направления в лингвистике понимают весьма различно. И это легко объяснить, если учесть, что относительно наличия значения у отдельной морфемы постоянно высказываются сомнения.

В литературе, посвященной анализу различных интерпретаций понимания термина «значение», отчетливо проявляется различный подход к интерпретации и анализу плана содержания с преимущественным вниманием к тому или иному аспекту: значение понимается то как сам денотат, противопоставленный смыслу, то как ситуация, в которой говорящий произносит языковую форму, и как реакция, которую она вызывает у слушающего, то как отношение слова к обозначаемому им предмету, т.е. отношение факта языка к внеязыковому факту и т.п. По мнению Л.А. Новикова [127; С. 179], на основании всего многообразия точек зрения по этом вопросу можно выделить два главных аспекта рассмотрения языкового значения, которые тесно связаны друг с другом: 1) значение как специфическое языковое отражение внеязыковой действительности и 2) значение как смысловое содержание знака в составе лексической единицы, имеющей в языке соответствующие функции.

Проблема выделения морфемного значения становится еще менее определенной, когда предпринимаются попытки увязать значение морфемы с «лексическим значением» слова, определить, каким образом значение морфемы связано со значением слова. Вот как, например, понимает соотношение между значением слова и значением составляющих его морфем И.Г. Милославский:

«В русском языке существуют такие слова, значение которых равно сумме значений составляющих их морфем: *домик* – «маленький (аффикс *-ик*) дом», *запеть* – «начать (приставка *за-*) петь», *колоннада* – «совокупность (суффикс *-ад-*) колонн» и т. п.

Существует и большое количество слов, значение которых не является простой суммой значений морфем, составляющих эти слова. Так, например, слово *подосиновик* своими морфемами обозначает «предмет» (суффикс *-и*), в качестве признака которого (суффикс *-ов-*) выступает то, что он «под» (приставка *под-*) «осиной» (корень *-осин-*). Ни того, что это «гриб», причем «съедобный», ни того, что он «обычно растет» (под осиной), ни того, что у него «красная шляпка» и «тонкая ножка», морфемы этого слова не обозначают, хотя все эти значения и образуют значение слова *подосиновик*. Еще сложнее обстоит дело с такими, например, существительными, как *вечерник*, *утренник*, *зимник*, где морфемами обозначены лишь предметы или лица (суффикс *-ик*), признаком которых (суффиксы *-н-*, *-енн-*) является какое-то отношение к времени дня или времени года. Морфемный состав слов не выражает соответственно ни значений «студент с особой формой обучения», ни значений «представление, происходящее утром», ни значений «санный путь» либо «лицо, живущее на даче».

В процессе изучения русского языка как языка родного, когда известно общее значение слова, наиболее часто возникает задача распределения этого общего значения по отдельным морфемам. Такой анализ обычно совершенно необходим для правильного написания соответствующих значимых частей слова. В процессе изучения русского языка как языка неродного чаще возникает другая задача. Учащийся может не знать значения слова в целом, но догадываться о выделении определенных морфем в слове и об их значении. В таком случае можно попытаться получить значение целого из значений частей.

В слове могут быть не только представлены значения, не имеющие формального, морфемного, выражения, но и такие морфемы, значение которых оказывается лишним для значения слова в целом. Так, например, в существительном *частотность* представлены морфемы *-от(а)* со значением предмета, *-н-* со значением признака и *-ост(ь)* со значением предмета (ср. частота). В прилагательном *ялтинский* значение «признаковости» выражено суффиксами *-ин-* и *-ск-* (ср. *тополинный*, *сельский*), в прилагательных

мартовский, чертовский - суффиксами *-ов-* (*ежовый, енотовый*) и *-ск-* (*морской, московский*)» [111; С.337 – 338].

Мысль о том, что существуют слова, значение которых являются суммой значений морфем, по меньшей мере, вызывает недоумение: как, например, быть со случаем типа *заиграть пластинку до дыр* и *заиграть песню*? В первом случае идея начинательности никак не проявляется. Из этой ситуации есть хорошо известный выход – многозначность морфемы: в одном случае приставка *за-* имеет «значение начинательности», а в другом – «значение отрицательного результата». Но в этом случае мы пытаемся вывести значение морфемы чисто механически, сравнивая и вычитая смыслы двух слов, а главное, априори исходя из допущения, что смысл слова есть сумма значений его морфем. Но язык тем и отличается от математики, что его элементы находятся в системной связи отличной от связи, которая устанавливается между числами, но и математику не придет в голову, складывая коров и гусей, вычислять, сколько рогов у коров. Результат, к которому он придет, ответит только на один, очень простой вопрос: сколько живности всего на дворе.

Методика определения морфемного значения на основе складывания или вычитания не приводит нас к пониманию механизма реального взаимодействия морфемных значений, а наоборот, уводит в сторону от тезиса о тождественности морфемного значения в разных словах, неоправданно раздувает список значений отдельной морфемы.

Вполне понятными становятся затруднения, с которыми сталкивается И.Г. Милославский, говоря о невыводимости «значения слова» из значений морфем в словах типа *утренник, вечерник* и т.п. с использованием методики «сложения значений», если понимать, что смыслы, упоминаемые автором, вообще не вытекают из значения морфем, а связаны с ними через внутреннюю форму слов, ставшей результатом взаимодействия этих морфемных значений, но не механической их суммой(!).

Сам И.Г. Милославский, высказывая совершенно верную идею о том, что есть слова, значение которых не является суммой значений составляющих его морфем, не распространяет ее на все слова языка. Более того, доказывая эту идею, он опять смешивает уровень смыслов и значений и так и не приходит к идее о внутренней форме слова, которая объединяет уровень значений и смыслов.

Совершенно неприемлемо, на наш взгляд, и утверждение о том, что для изучающих родной язык встает задача распределения значения слова по морфемам данного слова. Формулирование задачи в таком виде опять же свидетельствует о понимании связи между морфемами как механической сумме значений морфем. Перед изучающими родной язык несколько иная задача. Сформулировать ее можно очень просто: почему данный

смысл выражается данным словом и какие другие смыслы это слово способно выразить? Чтобы получить ответ на поставленный вопрос нужно понять, во-первых, каков результат взаимодействия морфемных значений как процесса, т.е. какова внутренняя форма слова, и, во-вторых, как данная внутренняя форма связана с выражаемым смыслом и с какими потенциальными смыслами она может быть связана. Только при таком подходе русское слово представляется как динамически развивающаяся языковая единица, а не как метафизически застывшая данность.

Рассмотренное выше представление И.Г. Милославского о соотношении морфемных значений и значения слова является достаточно пространственным, что свидетельствует о постоянном неразличении и смешении понятий «значение» и «смысл» на словообразовательном уровне.

В этом отчасти заслуга и лексической семантики, которая в своих теоретических построениях чаще всего исходит из общего теоретического положения о знаковой природе слова и, говоря о связи внешней формы знака с содержанием, редко принимает во внимание уровень значений морфем, оперируя фактически на уровне смыслов, которые выдаются за «лексическое значение». Термин «лексическое значение слова» настолько укоренился в отечественной лингвистике, что полностью затмил собой уровень морфемных значений: значения морфем фактически выводятся из лексического значения, членение слова на морфемы также производится с учетом лексического значения. Но самое главное, традиционное представление о лексическом значении слова, описывая общую картину взаимодействия внешней формы языкового знака с его содержанием имеет в виду некое абстрактное, универсальное слово и не отражает особенностей связи формы и содержания в *русском* слове. Вот как, например, выделяя различные аспекты лексического значения, Л.А. Новиков определяет сигнификативное значение лексической единицы:

«Сигнификативное значение, или «собственно семантическое» - это специфически языковое отражение объективной действительности, основное языковое содержание лексической единицы. Такое значение определяется через «избирательное отношение» знака к соответствующему понятию, а именно тем, что из содержания понятия выбираются те опознавательные признаки, с помощью которых одна лексическая единица отличается по своему содержанию от других. Его обычно называют просто значением слова, когда нет необходимости в противопоставлении другим видам (аспектам) лексического значения. В словарях оно представлено в виде толкований: *отец* – 1) «мужчина по отношению к своим детям», 2) «родоначальник, основоположник чего-нибудь» (*Жуковский – отец русской авиации*). 3) «вежливое обращение к пожилому мужчине», 4) «название служителя культа»; *передавать* – 1) «отдавать, вручать, сообщать кому-

нибудь», 2) «распространять каким-нибудь способом» (*передать концерт по радио*), 3) «воспроизводить, излагать, изображать» (*передать мысль автора*), 4) «отдавать в распоряжение, на рассмотрение», 5) давать во владение», 6) «давать больше, чем нужно» (ср. *недодавать*)

Сигнификативное значение допускает разложение на его составляющие, оно может быть структурировано. Сущность такого значения может быть выражена так: «*Что значит это слово? – Оно значит то-то*» [127; С. 180].

Очевидно, такое определение, в силу своей обобщенности, можно приложить не только к содержательной стороне слова любого языка мира, заменив русские слова на соответствующие, но и к любому знаку вообще. Например, в равной степени оно приложимо к сигналу светофора лишь с той разницей, что значение сигнала светофора не допускает множественности содержания, как, впрочем, и некоторые слова – термины, в частности.

Если же мы примем на вооружение вышеизложенную концепцию соотношения значений и смыслов и сделаем понятие внутренней формы слова функциональным, реально методологически встроенным в концепцию теории образования слова, то перед нами открывается вполне определенная перспектива не только фиксировать особенности содержательного и структурного устройства русского слова, но и объяснить, почему эти содержательные и структурные особенности именно такие и что создает их своеобразие.

Признание наличия значения у морфемы и понимание основополагающей роли морфемного значения в содержательной стороне русского слова приводит нас к идее о том, что внутреннюю форму слова следует интерпретировать как результат взаимодействия морфемных значений, а взаимодействие морфемных значений понимать как процесс запрограммированного порядком расположения морфем перехода от некоего исходного содержания к конечному. Это конечное содержание, еще не связанное с конкретным смыслом, и есть внутренняя форма слова.

Таким образом, внутренняя форма слова по отношению к значению морфем будет представлять собой производное от них комплексное значение, которое будет сохранять свою значимость только в рамках данной последовательности морфем. Любое количественное или качественное изменение морфемного состава приведет либо к изменению внутренней формы, либо к ее разрушению.

Если понимать взаимодействие морфемных значений как динамический процесс, такой процесс, безусловно, должен иметь направление. Применительно к русскому слову направление такого процесса можно рассматривать как направление от корневого значения в сторону флексии. Это значит, что качественный и количественный состав внутренней формы

слова зависит от характера корневого значения и характера флексии: корневые морфемы с предметным значением предполагают предметное значение флексии, и, наоборот, флексии со значением предметности предполагают предметное значение корневой морфемы. Если же корневая морфема имеет глагольное значение, то на пути следования к флексии с предметным значением должно присутствовать такое значение аффикса, которое изменяет глагольное содержание и, не уничтожая процессную идею, переводит его в предметную плоскость: *СУЖД-ений-Э, РЕШ-ений-Э, ТОП-к-А*. Однако значение наиболее древних корней с глагольным значением может быть трансформировано в предметное и с помощью только флексии: *БЕГ-0, РЫК-0* и т.п. В этом случае идея процесса полностью определена и лишена какой-либо динамики. Выделение же в подобных словах так называемых «нулевых суффиксов» является прямым следствием деления аффиксов на словообразовательные и словоизменяющие. Это методическое допущение, казалось бы, облегчающее процедуру поуровневого анализа, в конце концов приводит к недооценке роли флексии в устройстве внутренней формы слова.

Закон экономии языковых средств актуален и для уровня внутренней формы слова. Это значит, что количество и качество морфем в конкретной внутренней форме слова зависит от некоторой целесообразности, которая определяется уровнем минимальной достаточности при выражении требуемого содержания. Уровень минимальной достаточности зависит от того, насколько легко связать нужный смысл с теми значениями, которые содержатся во внутренней форме слова.

Идея процессуального признака тесно переплетается с идеей времени: всякое действие есть изменение предметности во времени, если мы из идеи процессности исключаем идею времени, то мы получаем опять предметность. В этом смысле предметность проявляет некоторую первичность, или мы, по крайней мере, считаем, что предметность первична. Поэтому устранение из внутренней формы слова морфем с временным значением – глагольных флексий, видовых суффиксов, как показателей течения действия во внутреннем времени, приводит к естественному опредмечиванию содержания. Более того, очевидно, можно говорить, что наличие суффикса между глагольным корнем и именной флексией не столько уничтожает глагольность, сколько препятствует полному её опредмечиванию под влиянием значения предметной флексии. Разная степень опредмеченности глагольного значения корня отчетливо проявляется в сравнении однокоренных слов *бег-0 – бег-ств-0, бег-а-ний-э; рык-0 – рыч-а-ний-;* *говор-0 – говор-ений-э и т.п.* Нетрудно заметить, что во внутренних формах с суффиксом присутствует динамизм, особенно при наличии суффикса с видо-

вым значением. Безаффиксные формы, наоборот, полностью лишены какой-либо динамики.

Говоря о взаимодействии морфемных значений, сложнее всего избежать представления о механическом складывании этих значений, о котором говорилось выше. Такое представление в конечном итоге приводит к порочной практике выделения значения морфемы путем «вычитания» смысла производящего слова из смысла производного слова. Так, например, разница смыслов слов *запекать* – *запеканка* состоит в идее о предмете, полученном в результате действия *запекать*, значит, значение суффикса *-к-* следует понимать как значение *предмета, полученного в результате действия названного корнем*. Но как тогда быть со словами, явно содержащими тот же суффикс, типа *болтанка* (когда болтает), *зажигалка* (то, что зажигает)? Именно последствия такого «вычитания» проявляются в неоправданном расширении списка значений одной и той же морфемы, а иногда и к мнимой омонимии морфем, если связь между выделенными значениями не представляется актуальной.

Взаимодействие морфемных значений, если представлять его как процесс, напоминает во многом процесс взаимодействия инструмента, материала и человека, который работает данным инструментом с данным материалом. Один и тот же инструмент, используемый с разными материалами, дает разный результат, и степень различия этих результатов будет зависеть от степени различия не только материалов, но и от степени мастерства человека, работающего этим инструментом. Очевидно, что в этом случае по результатам сложно оценить свойства использованного инструмента, единственное, о чем мы можем судить наверняка, то это то, насколько успешно человек, используя данный инструмент, справился с задачей.

С аналогичной задачей мы сталкиваемся, когда в пределах данной внутренней формы нам необходимо описать значения отдельных морфем в составе внутренней формы. Если значения корневых морфем более очевидны (хотя и их описание представляет известную сложность), то описание значения аффиксов во многом сродни попыткам определить свойства инструмента по следам, оставленным на поверхности готового изделия. Но сам факт понимания того, что один и тот же аффикс в сочетании с разными корнями и разными аффиксами может давать внешне различный результат, позволяет значительно расширить круг исследуемых внутренних форм при выделении значения отдельной морфемы.

1.3 Проблема выделения инвариантного значения аффикса

Выделение и анализ смыслов языковых знаков имеет давнюю традицию. Значительное количество лингвистических словарей, которые тем или иным способом интерпретируют смыслы слов, – убедительная иллюстрация накопленного в этой области опыта. Достаточно точно охарактеризованы грамматические значения, выражаемые формообразующими аффиксами. Вместе с тем следует отметить, что описание значений отдельных морфем, в частности словообразовательных аффиксов, не сложилось в какую-либо приемлемую систему. Причина этого, очевидно, состоит в том, что пока не сформулированы достаточно точно принципы описания подобных аффиксов, что нередко приводит и к неоднозначности морфемного членения слова.

Более того, морфемика, находясь в рамках синхронного словообразования, не оперирует понятием собственно морфемного значения, ограничиваясь понятием словообразовательного значения, т.е., по сути, уже результатом взаимодействия аффиксального значения со значением других морфем, в первую очередь – со значением корневой морфемы. Это приводит к тому, что если значение отдельной морфемы и формулируется, то оно описывается обычно в рамках определенной словообразовательной модели. В результате у одной морфемы вычленяется списочный состав значений, что интерпретируется как ее многозначность, часто при отсутствии очевидной связанности этих значений, что не характерно для полисемии в принципе. Это, в свою очередь, приводит к распадению подобных списков значений и появлению омонимичных морфем. Яркое подтверждение этому – хрестоматийный пример со значением приставки *при-*: присоединение (*приклеить, прибить*), приближение (*приехать, приплыть*), действие, направленное сверху вниз (*прижать, примять*), действие, совершаемое в чьих-либо интересах (*прикидываться, прибедняться*) и др. – все эти значения настолько далеки, что их с трудом можно назвать значениями одного полисемантического аффикса, хотя факт употребления именно одной, а не омонимичных морфем очевиден для любого носителя языка.

На наш взгляд, для области морфем в целом не типична многозначность: являясь базовой значащей единицей языка, морфема не должна быть многозначной, а если эта многозначность и существует, то она нуждается в поддержке неким *инвариантным значением*, вокруг которого объединяются все случаи употребления данной морфемы. Тогда все частные значения морфемы должны представлять собой разнообразные интерпретации инвариантного значения, а задача описания морфемного значения будет сво-

даться к выделению самого инвариантного значения и интерпретации этого значения в конкретном слове или группе слов, если данная интерпретация обнаруживается не только в рамках одного слова.

Но здесь мы сталкиваемся с проблемой связанности значения аффикса и, следовательно, с невозможностью наблюдать это значение в чистом виде, изолированно. Однако если исходить из того, что значение морфемы обладает некоторой содержательной структурой, которая отличает ее от другой морфемы, то можно предположить, что, вступая в связь с другими морфемами, аффиксальное значение в каждом конкретном случае может быть реализовано как полностью, так и частично, подобно тому как фонема в разных позициях в разной степени проявляет свои отличительные признаки. Если это так, то при определении инвариантного значения аффикса можно использовать методiku, аналогичную методике сведения ряда звуков в рамках одной фонемы. Это значит, что мы изначально должны исходить из того, что могут быть следующие случаи реализации аффиксальных значений:

1. Случаи, в которых значение аффикса проявляется в максимально чистом виде, реализуя все составляющие его компоненты;
2. Случаи, в которых значение аффикса проявляется частично, реализуя отдельные компоненты содержательной структуры;
3. Случаи, в которых дифференциальные признаки значения могут быть нейтрализованы, что делает возможным употребление в одном случае разных аффиксальных значений, если различия их значений находятся в зоне нейтрализации.

Назовем эти случаи, следуя терминологии, используемой в фонологии, позицией аффиксального значения. При этом первую позицию будем считать сильной, а вторую и третью слабыми.

Возникает закономерный вопрос: какую позицию аффиксального значения считать сильной? Очевидно, к признакам, указывающим на сильную позицию, следует отнести следующие показатели:

- наличие во внутренней форме слова помимо корневой морфемы, только одного аффикса с данной функцией, например, последовательность *корень – суффикс – флексия* или *приставка – корень – флексия*;
- невозможность синонимической замены на другой однотипный по значению аффикс.

При таких условиях на аффиксальное значение будет оказывать влияние только значение корневой морфемы, которое относительно стабильно или легко отделяемо от значения аффикса. Тогда, сравнивая слова, в которых аффиксы находятся в сильной позиции, можно оценить степень сходства структуры значений аффиксов и определить, какие признаки в значе-

нии аффикса являются дифференциальными, а какие являются следствием взаимодействия со значением корневой морфемы.

Но и слабые, в нашей терминологии, позиции аффиксального значения тоже могут и должны вносить свой вклад в описание инвариантного значения аффикса. Если значение аффикса проявляется частично, это может привести к тому, что реализованная часть значения, не затененная остальными элементами значения, может оказаться более осознаваемой, более актуализированной, чем в составе целого. Если предположить, что в разных словах могут актуализироваться разные элементы структуры значения, то, вычлняя эти элементы и сопоставляя их с элементами в сильной позиции, можно в конце концов получить полную картину аффиксального значения.

Даже те позиции, в которых нейтрализуются значения отдельных аффиксов, что делает возможным замену одного аффикса на другой, в конечном счете помогают лучше понять структуру инвариантного значения, особенно, когда позиция нейтрализации противопоставлена сильной позиции для тех же форм. Например, применительно к обозначению цвета одинаково вероятны как формы *апельсин-н-ый*, так и *апельсин-ов-ый*. Применительно к обозначению признака сока предпочтение отдается второй форме, однако и первая форма не воспринимается как совершенно невозможная, с той лишь разницей, что она воспринимается как менее привычная: *апельсиновый сок*, *апельсинный сок*. Но уже применительно к обозначению признака листа, растущего на дереве апельсин, единственно возможной становится форма *апельсин-ов-ый*, поскольку суффикс *-н-* в этом случае задает объективно невозможный тип пространственных отношений: лист не может располагаться внутри дерева, на котором растет. Но отношение листа и дерева можно интерпретировать как отношения обусловленности существования одного (листа) другим (дерева), именно на такой тип отношений указывает значение суффикса *-ов-*. Применительно же к цвету и соку значение суффикса *-н-* не создает логического несоответствия, поскольку и цвет, и сок могут содержать внутри себя апельсин, если иметь в виду, что и цвет, и сок – это часть апельсина. Точно так же существование и сока, и цвета может быть обусловлено существованием апельсина, что делает возможным употребление и суффикса *-ов-* в этих случаях. Следовательно, в случаях с нейтрализацией значений эта нейтрализация оказывается лишь внешней, так как инвариантные значения аффиксов сохраняются и в этих случаях, а возможность синонимического употребления подобных форм вытекает не из сходства аффиксальных значений, а определяется теми же факторами, что и синонимическое использование разнокоренных словоформ.

Таким образом, выделение инвариантного значения должно вестись по нескольким направлениям: и в сильных позициях, и в слабых. Только в том случае, если выделенное аффиксальное значение может быть адекватно интерпретировано как в сильных, так и в слабых позициях, его можно принять в качестве инвариантного значения аффикса.

Для приставки *при-*, например, в качестве такого инвариантного значения можно предложить значение *указания на пограничное состояние*. Структура такого значения предполагает, во-первых, наличие границы и, во-вторых, существование двух областей, разделенных этой границей. Рассмотрим все выделяемые традиционно значения приставки *при-* и проверим, можно ли их считать интерпретацией выделенного нами инвариантного значения.

В том случае, если граница преодолеваема, то есть существует возможность перехода из одной области в другую, указание на пограничное состояние даст значение *«неполноты действия»*: *приоткрыть, приостановить*. В случае же, когда в качестве границы выступает предельная степень развития действия, дальше которой данное действие прекращается, то есть граница не преодолеваема, значение пограничного состояния указывает на максимально возможную степень проявления действия: *пристукнуть, пристрелить*.

Очень ярко значение *пограничности* проявляется в парах типа *прибить – вбить, прижать – вжать, приклеить – вклеить* и т.п. Действия типа *прибить, прижать, приклеить* предполагают контактное размещение одного предмета непосредственно на границе предмета, с которым он контактирует, но без её нарушения, в отличие от действий типа *вбить, вжать, вклеить*, когда контакт осуществляется с нарушением границы пространства одного из контактирующих предметов и вторжением в это ограниченное пространство. Следовательно, и значение *«присоединение»* можно рассматривать как интерпретацию выделенного инварианта.

Не менее интересно инвариантное значение приставки *при-* интерпретировано и в словах типа *прибедняться, притворяться, присвоить, прикарманить* и под. с традиционным значением приставки *«совершать действие в чьих-либо интересах»*. Когда мы *прибедняемся*, мы, указывая через значение приставки на положение у границы, разделяющей достаток и бедность, лишь кажемся бедными, таковыми фактически не являясь. Если же мы что-нибудь *присваиваем, прикарманиваем*, несмотря на все приложенные усилия, мы не преодолеваем границы между *чужим и своим*: присвоенная вещь лишь нам кажется нашей, объективно она остается чужой. Если мы *притворяемся*, мы отнюдь не переходим в иное, желательное для окружающих качество, мы только, «прижавшись» к границе, отделяющей нас от нового состояния, имитируем наличие у нас необходимого качества,

подобно тому как, прижавшись к стене, мы надеемся, что нас примут за стену и не заметят.

Наиболее очевидно инвариантное значение приставки *при-* проявляется в значениях «*пространственная близость*», «*смежность*», «*приближение*», так как идея *пограничности* в них занимает центральное место: *приморский* – расположенный на границе с морем; *пригород* – местность, граничащая с городом; *приплыть к берегу* – достичь границы, разделяющей воду и сушу.

В словах типа *прихрамывать*, *присвистывать*, *пританцовывать* у приставки *при-* выделяют значение «*сопутствующего действия*». Идея сопутствующего действия также не противоречит выделенному нами инвариантному значению, так как суть сопутствующего действия состоит не в поглощении одного действия другим, а в параллельном, одновременном течении двух действий. Смежное существование двух действий неизбежно приводит к образованию границы между этими действиями, которая, с одной стороны, препятствует поглощению одного действия другими и в то же время, с другой стороны, объединяет эти действия, создавая представление о комплексе действий, которые занимают пограничное положение относительно друг друга.

Таким образом, мы убедились в том, что частные употребления приставки *при-* можно рассматривать как интерпретации выделенного инвариантного значения, что доказывает правомерность выделения данного инвариантного значения приставки и, главное, возможность выделения инвариантных значений и для других аффиксов.

Помимо всего сказанного, выделение инвариантного значения для отдельной морфемы, очевидно, требует определенной, иной теоретической основы. Этот теоретический базис, как нам кажется, должен основываться на постоянном и четком разграничении уровней смыслов и значений, о чем мы уже говорили выше. Повторим, что под смыслом в данном случае понимается фрагмент внеязыкового сознания, который формируется под влиянием окружающей действительности независимо от его выраженности / невыраженности языковыми средствами. Под значением языкового знака понимается факт устойчивой связи между абстрактным образом знака с определенным рода смыслом, который ассоциативно способен указывать на другие фрагменты внеязыкового сознания.

Кроме того, для точного описания инвариантного значения аффикса процедура анализа не должна выходить за пределы внутренней формы слова, т.е. за уровень значений морфем; например, пара *учитель* – *выключатель* не должна разводиться на основе личности / неличности, как это делается в синхронном словообразовании с учетом словообразовательного значения.

И, наконец, необходимо четко определить разный характер аффиксальных значений, корневых значений и псевдокорневых значения некоторых аффиксов: корневые значения, как и псевдокорневые значения аффиксов – это значения, которые указывают на фрагменты внеязыкового сознания, тогда как аффиксальное значение – специфическое указание по преобразованию корневых и псевдокорневых значений. Если отталкиваться от событийности внутренней формы русского слова, то значение корневой морфемы по роли в организации внутренней формы соотносимо с ролью предмета, выраженного формой именительного падежа в типичном русском высказывании. Значение же псевдокорневых значений аффиксов можно соотнести с ролью остальных участников описываемой в сообщении ситуации, выражаемыми формами косвенных падежей. Значение остальных аффиксов следует рассматривать как указание на тип отношений между корневыми и псевдокорневыми значениями, по роли они соотносимы с ролью предикативных и атрибутивных форм в стандартном высказывании.

Так в слове *под-осин-ов-ик-0* в качестве корневой и псевдокорневых значений можно выделить морфемы *-осин-* и *-ик-*, противопоставленные всем остальным, которые указывают как на отношения между *-осин-* и *-ик-* (*под-*, *-ов-*), так и сигнализируют об общих свойствах выраженного внутренней формой содержания по отношению к содержанию других внутренних форм (*-0*).

При таком подходе возможно рассматривать, например, компонент *-ик-* в словах *подосиновик* и *стол* как один суффикс с инвариантным значением «*предмет небольшого размера*». Тогда в слове *подосиновик* данный суффикс реализует свое инвариантное значение, выражая идею о небольшом предмете, который находится в позиции обусловленности по отношению к предмету, на который указывает значение корневой морфемы; тип обусловленности и сама обусловленность, в свою очередь, выражается через значение суффикса *-ов-*, что в конечном итоге дает частичную внутреннюю форму данного слова: *небольшой предмет*, существование которого обусловлено одновременным существованием осины. Если же к данному комплексу добавить значение приставки *под-*, получим полную внутреннюю форму слова *подосиновик* с указанием на тип пространственных отношений между небольшим предметом и осиной. В случае со словом *стол* отношения между значениями «*стол*» и «*небольшой предмет*» ничем не задаются и могут интерпретироваться как отношения тождественности: *стол = небольшой предмет*, что дает внутреннюю форму «*стол небольшого размера*».

Но в русском языке значение суффикса *-ик-* принято в некоторых случаях трактовать не только как «*уменьшительный*», но и как «*ласкатель-*

ный». И в этом случае, на наш взгляд, нет противоречия между выделенным инвариантным значением и значением «ласкательность»: не являясь инвариантным значением, значение ласкательности развивается на основе значения «*небольшой предмет*» через значение «*невзрослости*», которое по смежности связано со значением ласкательности, поскольку представление о детеныше неразрывно связано с постоянной заботой о нем.

Интересно в связи с этим упомянуть и о противоположной тенденции: предметы, в названии которых присутствует указание на большой размер, ассоциативно связаны с эмоциями, выражающими страх, уважение, почтение. Не этим ли поддерживается форма множественного числа при выражении уважительного отношения к собеседнику? Грамматически увеличивая предмет, мы получаем виртуальную основу для уважительного отношения к нему.

Для верного выделения инвариантного значения аффикса немаловажную роль имеет ясное представление о типичных внутренних формах слов, свойственных данному языку. Например, типичная внутренняя форма имени прилагательного содержит в себе указание на абстрактного носителя признака, на причину, порождающую данный признак, и на тип отношений между причиной и носителем признака. В качестве причины, вызывающей тот или иной признак, чаще всего выступают либо предметы, либо действия. Следовательно, и типология отношений между носителем признака и причиной будет зависеть от характера причины, вызывающей данный признак. Если в качестве причины действует предмет, то между ним и носителем признака наиболее вероятны пространственные отношения: предмет может находиться внутри носителя признака, может быть внешней частью носителя признака, находиться с ним в обусловленном / необусловленном контакте и т.п. Если же в качестве причины выступает действие, то здесь становятся актуальными субъектность / объектность носителя признака по отношению к данному действию, т.е. сам он осуществляет данное действие или подвергается ему сам, а также характер протекания самого действия.

Основываясь на таком представлении о типичной внутренней форме имен прилагательных, можно достаточно точно выделить инвариантные значения типичных для прилагательных суффиксов, например, суффиксов *-н-*, *-ат-*, *-ов-* и др. В частности, значение суффикса *-н-* может интерпретироваться как указание на внутреннее расположение причиняющего признак предмета по отношению к носителю признака: *больной, дурной, красный, голодный* и т.п. На базе этого инвариантного значения может развиваться значение «*невидимости*» причиняющего предмета, например, в словах *степной, равнинный, горный* и т.п.

В свою очередь, значение суффикса *-ат-* можно сформулировать как указание на внешний обусловленный контакт причиняющего предмета и носителя признака: *рогатый, крылатый, горбатый*. В том случае, когда причиняющий предмет является неотъемлемой частью носителя признака, дополнительное указание на эту часть приводит к развитию значения «*излишней выраженности*» признака по данной части у носителя признака: *носатый, волосатый, усатый* и т.п.

Безусловно, что данная методика вычленения и описания инвариантного значения морфем требует разработки основательной теоретической базы, но создание такой базы и дальнейшее совершенствование данной методики, на наш взгляд, может значительно продвинуть морфемистику, определить ее законное место в кругу лингвистических дисциплин и сделать ее реальной основой для других разделов языкознания. Весьма важным в этой связи является вопрос о внутренней форме слова и механизме взаимодействия корневых и аффиксальных морфем в пределах данной внутренней формы, в частности, о сочетаемости корня и аффикса.

1.4 Внутренняя форма слова

Тот факт, что значением обладают только морфемы, требует от нас ясного понимания как самих морфемных значений, так и механизмов их взаимодействия. И здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой разработки методики описания морфемных значений.

Словообразование внесла значительный вклад в развитие методики морфемного членения, но, основываясь на тождестве значения морфемы, в редких случаях описывает само значение морфемы. Действительно, наше внутреннее ощущение значения морфем позволяет достаточно точно определить места морфемных стыков. Гораздо сложнее описать значение конкретной морфемы как в пределах данного слова, так и в пределах других слов, в составе которых встречается та же морфема, т.е. фактически установить инвариант морфемного значения.

Следует признать, что формулирование инварианта морфемного значения, особенно аффиксального, нельзя отнести к разряду простых задач. Одним из путей решения этой задачи может быть наблюдение за морфемным значением в пределах внутренней формы слова.

В общепринятом понимании внутренняя форма слова – это осознаваемая говорящими на некотором языке мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заклю-

ченного в данном слове концепта; иногда в том же значении используется термин *мотивировка*.

Сам термин *внутренняя форма слова* был введен в лингвистический обиход в середине 19 в. А.А. Потебней. Словосочетание *внутренняя форма* нередко связывают с русскому переводом термина В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* (*внутренняя форма языка*). Тот факт, что под *внутренней формой языка* Гумбольдт имел в виду своего рода свидетельство «духа народа», заключенное в строе его языка, нисколько не противопоставляет эти два понятия, как, в частности, считает А. Зализняк [1]. Идея о внутренней форме слова, в сущности отталкиваясь от идеи внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, закономерно развивает ее на уровне отдельного слова: особенности восприятия действительности, отраженные в грамматическом строе языка, не могут не влиять и на способ представления этой действительности в слове.

Понятие внутренней формы не входило в сферу интересов структурной лингвистики, сосредоточенной на идеях синхронного описания языка и немотивированности языкового знака, но, как справедливо замечает А. Зализняк, «в последние годы в связи с обращением лингвистики к объяснительным моделям, осознанием необходимости учета фактов диахронии в синхронном описании и потребности в таком семантическом представлении слова, которое было бы ориентировано на учет всех его релевантных парадигматических связей, наблюдается возобновление интереса также к проблеме внутренней формы слова» [50].

В своей фундаментальной работе «Мысль и язык» А.А. Потебня писал о внутренней форме: «В слове мы различаем: *внешнюю форму*, т.е. членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутренней формой. Например, различное содержание, мыслимое при словах *жалованье*, лат. *annuit*, *pensio*, франц. *gage*, может быть подведено под общее понятие платы; но нет сходства в том, как изображается это содержание в упомянутых словах: *annuit* – то, что отпускается на год, *pensio* – то, что отвешивается, *gage* первоначально – залог, ручательство, вознаграждение и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как *жалованье* – действие любви, подарок, но никак не законное вознаграждение, не следствие договора двух лиц» [147; С. 83].

Идея о различении в содержательной стороне слова собственно содержания и внутренней формы, с помощью которой это содержание представляется, то есть фактически идея о разграничении уровней смыслов и значений, нередко в общепринятом понимании принимает искаженный

смысл, особенно если пытаться встроить идею внутренней формы слова в концепцию структурной лингвистики.

Так, в частности, внутренняя форма слова толкуется как «след того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, по выражению Ю.С. Маслова, «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [3; С. 43]. Так, например, птица *кукушка* названа так, потому что она кричит «ку-ку!», слово *окно* связано со словом *око*; здесь в основу номинации положена идея «глаза», которая участвует в построении концепта окна как источник метафорического переноса («окна у дома – как глаза у человека») – или же метонимического (окно – это как бы продолжение нашего глаза, ср. *глазок* «маленькое окошко»). Слово *черника* отсылает к цвету обозначаемой ягоды, а слово *воспитание* – к идее питания; здесь при формировании понятия был использован механизм метонимии или синекдохи: питание ребенка – это, очевидно, составная часть его воспитания. Этот «след движения мысли» может быть более или менее заметным, а может и вовсе теряться в глубине веков; в последнем случае говорят об утрате, или отсутствии у данного слова внутренней формы. Так, например, слова *темница* и *светлица* имеют внутреннюю форму, а *тюрьма* и *комната* – нет» [50].

Тот факт, что А.А. Потебня, толкуя понятие внутренней формы слова, упоминает «ближайшее этимологическое значение слова», на наш взгляд, вовсе не говорит о завершенности какого-либо процесса, который оставил некий отпечаток в слове. Наоборот, всей своей лингвистической концепцией А.А. Потебня доказывал непрерывность творческого движения мысли в слове. Можно ли в этом случае говорить о наличии внутренней формы у одних слов и отрицать наличие таковой у других?

Говоря об отсутствии внутренней формы у слов *тюрьма* и *комната*, современная традиция прежде всего смотрит на эти слова с теоретических позиций современного синхронного словообразования, которая отсылает эти слова в разряд производных и, следовательно, не усматривает представления одного содержания с помощью другого. При этом совершенно игнорируется тот факт, что оба эти слова морфемно членятся, а это значит, что есть, по крайней мере, два взаимодействующих значения – корневое значение и значение флексии и, следовательно, есть результат этого взаимодействия, который составляет, по сути, внутреннюю форму слова.

Отличительная особенность современного понимания внутренней формы состоит в том, что сама идея внутренней формы становится актуальной лишь в связи с актуальностью синхронных словообразовательных связей: если в толковании слова мы можем опереться на семантику однокоренного слова, то внутренняя форма слова считается живой, утрата же словообразовательных связей служит показателем мертвой внутренней

формы. Фактически взаимодействие элементов внутренней формы, т.е. взаимодействие морфемных значений, подменяется связями, которые закономерно возникают между однокоренными словами. Но тогда какой смысл говорить о наличии внутренней формы у слова *окно*, если подавляющее большинство даже студентов-филологов поначалу не видят связи между *окном* и *оком*, более того, имея под рукой словообразовательный словарь, они скорее доказывают отсутствие такой связи. Значит ли это, что внутренняя форма слова *окно* мертва для современного молодого человека? И может ли вообще осознанность или неосознанность связи между чем-либо служить показателем наличия или отсутствия связи?

Г.П. Мельников, чьим учеником мне когда-то посчастливилось быть, рассуждая на эту тему, приводил такой наглядный пример:

– Из одного населенного пункта в другой можно добраться, по меньшей мере, двумя способами: можно ехать и наблюдать за тем, что происходит кругом, а можно заснуть и всю дорогу проспять. В обоих случаях вы достигнете цели, хотя степень осознанности пути окажется, безусловно, разной, но эта разная осознанность не является индикатором прохождения самого пути. В обоих случаях индикатором пути будет служить перемещение из одной точки пространства в другую.

Точно так же наличие морфемных значений в слове служит индикатором взаимодействия этих значений, а раз есть взаимодействие морфемных значений, значит есть его результат – внутренняя форма слова. Причем существует она независимо от степени ее осознанности или неосознанности.

В этом смысле познание внутренней формы слова отдельным носителем языка сродни познанию мира вообще: то, что поначалу казалось единым и неделимым, со временем оказывается системным объединением ранее неизвестных элементов. Познавая внутреннюю форму слова, мы познаем «внутреннюю форму языка», а через нее познаем и обретаем дух того народа, продолжением которого мы являемся. Может быть, современная массовая духовная слепота – это продолжение массовой необученности в восприятии внутренней формы слова, результат сначала родительского, а потом и школьного неумения дать ответ на закономерный детский вопрос: «Почему так называется?», неумение увидеть и, главное, показать в слове закрепленный языком тысячелетний опыт? В этом отношении лингвистическая наука так же, как и любая наука, должна быть в высшей степени внимательна в тиражировании каких-либо научных концепций, осознавая всю меру ответственности за отдаленные последствия такого тиражирования.

Вопрос об ответственности лингвистической науки за духовное состояние общества кажется странным лишь на первый взгляд. Один пример: взяв за основу прагматические идеи структурализма, отечественное слово-

образование выбрало в качестве объекта изучения актуальное состояние языка, разделив единую языковую ткань на синхронию и диахронию, что естественно отодвигает внутреннюю форму как «след движения мысли» на задний план. Эта научная концепция, транслированная в среднюю школу, привела к тому, что конечной целью словообразовательного анализа стало не изучение внутреннего устройства слова и мотивированности его смысла значением входящих в него частей, т.е. изучение внутренней формы слова, а построение словообразовательной цепи. Но как в рамках такой концепции доступно объяснить избыточность сочетаний, которые просто заполнили современный радио- и телеэфир: *очень прекрасно, очень великолепно, подарить подарок* и т.п.? Что это – «массовая гибель» внутренних форм или их незнание?

Слово конкретного языка – неразрывная часть этого языка, а это значит, что особенности внутренней формы слова должны вытекать из особенностей внутренней формы языка. Г.П. Мельников, долгие годы работая над проблемой внутренней формы языка, писал, что поскольку «*смысл* типичного высказывания как *внутренняя форма сообщения* должен быть приспособлен для преобразования типичных поводов в типичном *аспекте* при формировании типичных, для рассматриваемых условий общения, *сюжетов* и при типичных временных и пространственных межкоммуникационных интервалах, то язык как адаптивная коммуникативная система должен обладать определенными особенностями *коммуникативного ракурса*» [101; С. 24]. Именно в коммуникативном ракурсе, в особенностях смысловой схемы типовых высказываний Г.П. Мельников видел важнейшее проявление *внутренней формы языка*, в которой реализуется *внутренняя детерминанта* системы.

В результате многолетних исследований Г.П. Мельниковым выделены четыре внутренние детерминанты как четыре главных коммуникативных ракурса и соответственно четыре внутренние формы, которые характеризуют выделенные В. Гумбольдтом морфологические типы языков: обстановочная — инкорпорирующий тип, (качественно) признаковая — агглютинирующий тип, событийная — флективный тип, окказиональная — корнеизолирующий тип.

О внутренней форме русского языка Г.П. Мельников писал, что «в современной формулировке внутренняя форма русского языка звучит как адаптированность всех единиц и всех уровней языковой системы выражать по возможности замысел любого высказывания через предложение, номинативный смысл которого построен по схеме развивающегося события» [99; С. 45].

На основании сказанного можно сделать вывод, что событийный характер внутренней формы русского языка должен формировать и событийность внутренней формы слова.

В чем же мы усматриваем событийность внутренней формы русского слова? Если исходить из того, что всякое развивающееся событие имеет свою исходную точку, т.е. толчок, который инициировал дальнейшее развитие события, то и изображение такого события следует начинать с этой исходной точки – некоторого инициатора исходного действия, которое послужило основанием для всех остальных действий в рамках описываемого события. В качестве такой исходной точки во внутренней форме слова выступает корневое значение, которое указывает на некий исходный образ, отталкиваясь от которого с помощью аффиксальных значений осуществляется переход от одного содержания к другому, что, в конечном счете, приведет к образованию внутренней формы.

Например, в слове *овчарка* корень *-овч-* указывает своим значением на идею об *овце*, суффикс *-ар-* трансформирует это содержание в идею о субъекте, связанном с овцой, а суффикс *-к-* добавляет в содержание идею о предмете небольшого размера, в свою очередь флексия *-а-* сигнализирует о предметной единичности, детерминированной инициативности и актуальной субъектности. В конечном итоге получаем следующую последовательность значений морфем: овца – субъект – предмет небольшого размера – предметная единичность – детерминированная инициативность – актуальная субъектность.

Указание через значение суффикса *-ар-* на субъект, заставляет трактовать связь субъекта с овцой как субъектно-объектную. Отсутствие морфемы, задающей тип отношений между значениями «*субъект*» и значением «*маленький предмет*» позволяет интерпретировать отношения, возникающие между ними как отношения тождества: «*субъект*» = «*маленький предмет*».

За вычетом грамматических значений данная последовательность значений морфем, взаимодействуя друг с другом, формирует частичную внутреннюю форму «*маленький субъект, предполагающий овцу в качестве объекта своей деятельности*».

В свою очередь идея о маленьком размере субъекта в сочетании со значением *предметной единичности* типично связывается с *детерминированной инициативностью* предмета, что приводит к связыванию этих значений и выражению их через соответствующую родовую флексию. В результате получаем полную внутреннюю форму «*маленький субъект, предполагающий овцу в качестве объекта своей деятельности, с детерминированной инициативностью в позиции актуального субъекта*» (указание на *предметную единичность* для краткости можно опустить, так как *детерминированная инициативность* имплицитно выражает этот признак). Нетрудно заметить, что сформулированная в таком виде внутренняя форма

выглядит как указание на ряд связанных признаков, которые отражают некоторые свойства предмета.

Если проанализировать все признаки, присущие породе собак, которую мы традиционно называем *овчаркой*, то обнаружится, что она обладает всеми перечисленными во внутренней форме признаками. По отношению к овце собака занимает позицию субъекта: она пасет овец. Значение небольшого размера можно интерпретировать как указание на меньшую значимость (если это необходимо) по сравнению с человеком как более существенным в системе *человек – собака – овца*, да и рост собак ниже роста человека, а значит, она меньше человека.

Значение предметной единичности, в отличие от значения предметной множественности, требует выражения предписанного статуса. Статус детерминированной инициативности предполагает равновероятную возможность как актуальной субъектности, так и актуальной объектности. Именно с таким предписанным статусом ассоциируются слова женского рода. Собака в системе *человек – собака – овца* равновероятно может быть как объектом, выполняя команды человека, так и субъектом, самостоятельно управляя отарой, это и определяет её предписанный статус.

Кроме предписанного статуса, всякий предмет, изображаемый в рамках событийной внутренней формы языка, должен быть охарактеризован и с точки зрения приобретенного в данном событии статуса, который выражается в нашем случае через значение актуального субъекта именительного падежа.

Совершенно очевидно, что и сама собака как вид, и овчарка, в частности, обнаруживают гораздо более обширный список признаков, формирующих в сознании общее представление о собаке. По этому поводу А.А. Потебня пишет: «Нетрудно вывести из разбора слов какого бы ни было языка, что слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак. Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только постланное (корень *стл* тот же, что в глаголе *стлать*), и поэтому оно может одинаково обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала» [148; С. 97].

Принимая в качестве отправной точки в наших рассуждениях о внутренней форме основополагающие идеи, мы отдаем себе отчет в том, что концепция внутренней формы А.А. Потебни при всей своей плодотворности не лишена определенных противоречий, что справедливо отмечает А.М. Камчатнов. В своей статье «А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме», он пишет: «Как известно, А.А. Потебня внутренней формой слова называл «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [148; С. 98]. Уже в этом определении есть несколько несообразностей. Безусловно,

можно согласиться с тем, что внутренняя форма слова есть отношение, и именно отношение мысли к сознанию, если считать мысль за нечто объективно- внешнее по отношению к сознанию. Но А.А. Потебня так не считает, поскольку называет внутренней формой представление в сознании собственной мысли человека. Из этого следует, что в человеке есть какая-то сфера бессознательных мыслей, которые осознаются при помощи внутренней формы слова. Эту-то бессознательную сферу мысли А.А. Потебня, видимо, и называет душой; известно, душа человеческая – потемки, но если это так, то что же в них можно рассмотреть, как отграничить одну мысль от другой и осознать их? Если и мысль и ее осознание субъективны, то каким образом возникает объективно-языковая внутренняя форма слова? Кроме того, из приведенного определения следует, что и бессознательная мысль, и ее осознание предшествуют слову, слово с его внутренней формой – результат деятельности мысли и потом сознания. Однако в другом месте А.А. Потебня признает, напротив, первичность слова по отношению к мысли в любой ее форме – чувственного ли образа, или понятия: «Потому же, почему разложение чувственного образа невозможно без слова, необходимо принять и необходимость слова для понятия» [148; С. 145]. Но чтобы быть орудием, средством создания понятия, слово должно просто быть. Выходит, что слово есть одновременно и средство и результат некоей деятельности; если унтер-офицерская вдова сама себя всего лишь высекла, то слово само себя произвело на свет» [62].

В этой же статье А.М. Камчатнов пишет: «Как и для А.А. Потебни, для А.Ф. Лосева внутренняя форма слова есть отношение, и именно отношение мысли к сознанию; но если для А.А. Потебни это отношение собственной человеческой мысли к сознанию, то для А.Ф. Лосева это есть отношение собственной мысли предмета, идеи самого предмета к сознанию. Это сразу устраняет все те противоречия, в которые впадает мысль А.А. Потебни и которых мы говорили выше. Отметим еще одно. У А.А. Потебни неясная, темная мысль или даже стремление к мысли сугубо субъективна, а внутренняя форма слова имеет уже объективный, то есть общезначимый, общезыковой характер. Как просходит это превращение? А.А. Потебня для объяснения этого указывает на общение как на решающий фактор этого преобразования» [62]. Далее А.М. Камчатнов пишет о неприемлемости такого объяснения, т.к. невозможно общение «по поводу неясных и темных стремлений к мысли» и добавляет: «В системе А.Ф. Лосева это противоречие устраняется очень легко. Действительно, внутренняя форма возникает в общении, только общаемся мы не по поводу моих или твоих интеллектуальных туманностей, а по поводу объективных вещей с их объективными идеями; вещь в ее нераздельности и неслитности с ее идеей – вот что является предметом нашего общения. При этом мы оба

одинаковым образом схватываем и полагаем вещи: если вещь тождественна самой себе, то она будет тождественна себе и в твоём и моём умозрении; иначе говоря, видим своим умным зрением мы одно и то же, одну и ту же единицу, однако ничто не мешает нам по-разному понять то, что мы видим. Я, указав пальцем на ЭТО, называю его «стычка», а ты, указав пальцем на ТО же, называешь его «схватка», и мы оба понимаем друг друга, потому что общаемся по поводу объективных вещей. Вслед за нами и другие люди могут называть ЭТО «стычкой», «схваткой», а могут понять ЭТО и по-другому «битва», «сеча», «брань», «сшибка» и др. Так рождается внутренняя форма слова: сначала объективно существующая вещь схватывается как такая, как единица, полагается в акте умозрения, который является общим для всех людей; затем её смысл отвлекается от вещи и сравнивается с чем-то иноприродным данной вещи; поскольку же смысл вещи бесконечно разнообразен, то и сравнивать его можно весьма многообразными способами; затем происходит отождествление смысла вещи с каким-то иноприродным ей смыслом другой вещи, и этот иноприродный смысл становится именем, внутренней формой, или, как называет это А.Ф. Лосев, ноэмой слова (греч. «мысль, понимание»). Таким образом, внутренняя форма слова, или ноэма, это субъективное понимание объективного смысла вещи, которое благодаря общению может приобрести общеязыковой характер, но может остаться и индивидуальным» [7].

Отталкиваясь от всего сказанного, уточним наше понимание внутренней формы слова. Под внутренней формой знака типа «слово» мы (вслед за Гумбольдтом) будем понимать только уровень значений его морфем, то есть уровень плана означаемых, при этом сама внутренняя форма слова понимается как результат взаимодействия морфемных значений.

Под внешней формой слова, в свою очередь, понимается последовательность составляющих его морфем в языковом сознании, то есть единицы плана означающих. В этом случае важно понять и описать направленность и характер морфемных взаимодействий, объяснить взаимообусловленность морфемных значений, объединённых одной внутренней формой. Описание же подобных взаимодействий невозможно без учёта типологии значений морфем. В этом отношении наиболее существенным является деление значений морфем на корневые и аффиксальные.

1.5 Внутренняя детерминанта языка и её влияние на процесс образования внутренней формы слова

Системная лингвистика в основе своих теоретических построений исходит из того, что язык является самонастраивающейся динамической системой, а функционирование подобной самонастраивающейся системы достигается за счет согласованного взаимодействия элементов, ярусов и подсистем системы. Тенденцию самонастраивающейся системы к сохранению конкретного достаточно эффективного способа функционирования либо к перестройке на новый, более эффективный способ, в системной лингвистике принято называть доминирующей тенденцией, или доминантой системы. Доминанта – это конкретизация того свойства языка, которое Гумбольдт связывал с неопределенным понятием «дух языка», а Сепир называл «главным чертежом языка». Понимание роли доминанты системы в функционировании системы дает ответ на многие вопросы, решение которых в рамках традиционной лингвистики невозможно. Тем не менее именно достижения традиционной лингвистики стали тем субстратом, на основе которого развивались идеи системного подхода в лингвистике. В своей работе «Системный подход в лингвистике» Г.П. Мельников в общих чертах характеризует как сущность самого системного подхода, так и эволюцию этого подхода.

Несмотря на общепризнанность тезиса о системном характере языка, по мнению Г.П. Мельникова, в традиционной лингвистике вопрос о системности языка никогда не был основным. Однако наиболее известные новейшие лингвистические направления, если их рассматривать в целом, конечной своей целью видят разработку методов описания языка именно как целостной системы и сосредотачивают свои усилия на создании приемов и методов, обнаруживающих системную взаимообусловленность как всех языковых уровней, так и всех единиц в границах любого уровня.

Но каждое из подобных направлений в отдельности концентрирует внимание только на одном из аспектов целостности языковой системы, при этом все они характеризуют прежде всего некоторые структурные особенности языковой системы, а своеобразие свойств элементов составляющих системы, которые сопровождают ту или иную структуру, остается практически вне исследовательского поля лингвистической теории. Система в любом понимании – это, безусловно, целостность, эффективное функционирование которой возможно только как результат оптимальной *согласованности* структуры и элементов при реализации заданной функции. Поэтому наиболее полное системное описание должно объяснить не только структурные особенности системы, но и специфику элементов этой целостности. Лишь выделение подобной согласованности создает условия

для понимания органичности языковой системы, а также дает возможность убедиться в существовании «общего источника отдельных своеобразий», позволяющего «соединить отдельные части в органическое целое» [42, С. 85, 104].

Ряд исследователей ищут этот «источник» вне языка. Именно такое направление развитию системных взглядов в лингвистике задал В. Гумбольдт, выдвинув идеи о наличии «духа языка», который отражает «дух народа». С этим были согласны далеко не все, эти идеи не разделялись особенно теми, кто рассматривал язык как своеобразный конгломерат независимых и лишь по воле случая закрепленных явлений. Но те исследователи, кто тем или иным способом способствовали закреплению и развитию системных взглядов на язык, всегда пытались вложить конкретное содержание в идею об общем внешнем источнике своеобразия отдельной языковой системы. Однако не все из предпринятых попыток оказались удачными: некоторые концепции, абсолютизированные авторами, позднее были расценены как необоснованные и справедливо отвергнуты лингвистикой. Тем не менее даже в этих концепциях легко обнаружить отражение ряда существенных черт, которые действительно свойственны языку как системе. Так, в частности, при всей спорности «стадиальной теории» в целом, трудно возражать против идеи Н.Я. Марра о влиянии социальных отношений на развитие языка, так же как не признавать влияния эволюции культуры народа на эволюцию его языковой системы, о котором говорил К. Фосслер. Ошибочной в этих концепциях была только попытка видеть в подобных влияниях решающий фактор развития языковой системы и тем самым доказывать, что изменение языковой системы полностью совпадает с этапами изменения состояния социальной системы или культуры народа.

Известны попытки усматривать причины своеобразия формирования языковой системы только в антропологических особенностях ее носителей. Часто в сферу одного языка вовлечены представители различных рас, но сближение культур не сопровождается сближением языковых систем, а наоборот, приводит к всё более принципиальным расхождениям строя языков. Нередко фаза развития языка увязывается с фазой развития народа в процессе перехода от дикости к цивилизации. Глубокий анализ приводимых сторонниками подобных теорий аргументов обнаруживает, что «явные» свидетельства «недоразвитости» языка «примитивных» народов появляются в литературе как результат нежелания отличать языковые категории от мыслительных. Это и приводит к тому, что различия значений приписываются различию в выражаемых смыслах. Отождествление смысла со значением приводит к известной гипотезе Сепира - Уорфа о зависимости мировоззрения от своеобразия языка [163] или, наоборот, своеобразия строя языка от особенностей мировоззрения [186]. Но, не соглашаясь с

таким отождествлением смыслов и значений и некоторыми вытекающими из него выводами, нужно еще раз подчеркнуть ту положительную роль, которую играет обсуждение подобных проблем и гипотез. Сама попытка выявления внешних структурных характеристик языка, определения его места среди систем равного с ним уровня создает благоприятную почву для углубленного понимания системной природы языка.

По сравнению с концепциями, устанавливающими зависимость свойств языковой системы от внешних факторов, более распространенными и более успешными оказались концепции, которые в объяснении системной природы языка и взаимной согласованности его компонентов на всех ярусах в статике и в динамике опираются на признание существования «имманентных», внутренних «тенденций» в языке.

Самый простой вариант такого подхода основан на допущении возможности отождествления свойств биологических объектов и свойств языка. Язык при этом понимается как организм со всеми вытекающими отсюда последствиями: язык, как и отдельный биологический вид, стремится к эволюции, приспособлению, постоянной перестройке. Несмотря на излишнюю прямолинейность аналогий, лежащих в основе такой теории, ее автор А. Шлейхер был совершенно прав в том, что усматривал как в языке, так и в живых организмах одну общую, существенную для них черту – принадлежность языковой системы к классу самонастраивающихся систем с высоким уровнем адаптации [194].

Не столь радикальные, но более плодотворные в практическом плане идеи о существовании внутриязыковых тенденций высказывались Ф. де Соссюром. В его широко известном «Курсе общей лингвистики» говорится о двух главных тенденциях в грамматической организации языков мира: одна из них проявляется в стремлении выражать мысли с помощью непроизводных, грамматически не мотивированных слов (в языках с тенденцией к «лексикологичности»), а вторая – в стремлении выражать мысль по возможности с помощью производных, мотивированных слов (в языках с тенденцией к «грамматичности») [179; С. 129]. Однако констатация наличия этих тенденций не нашла закономерного развития ни в работах самого Соссюра, ни в трудах его последователей. Впрочем, это понятно: в рамках предложенного Соссюром системного подхода умышленный отказ от учета субстанциальных факторов при объяснении особенностей структуры языка принципиально исключает возможность дальнейшего развития высказанных идей.

Другим примером убежденности в существовании специфической тенденции, характерной для строя любого конкретного языкового типа, являются рассуждения Э. Сепира о «главном чертеже» языка. «Этот тип, или чертеж, или структурный гений языка есть нечто гораздо более фун-

даментальное, нечто гораздо глубже проникающее, чем та или другая нами в ней обнаруженная черта» [163; С. 36]. Но вера в этот «гений» остается у Сепира лишь верой. В своей знаменитой классификации языковых типов, основанной не просто на перечислении преобладающих свойств, а на учете функций этих единиц в речи, он приходит к выводу, что при заданном способе соотношения между языковыми и понятийными единицами техника связи между этими единицами может быть любой: агглютинация, фузия, изоляция и т.п. А так как использование той или иной «техники» определяет прежде всего структуру связи языковых единиц, то выводы Сепира о возможности существования любой техники в языках одного класса фактически равносильны отрицанию связи особенностей структуры языка с особенностями его составных элементов. Следовательно, от идеи «главного чертежа» как чего-то «гораздо более фундаментального», «чем та или иная обнаруженная нами черта», в конкретных описаниях строя языка у Сепира ничего не остается.

Здесь можно согласиться с А.А. Реформатским, когда он заявляет, что «Сепир не дал руку тем, кто хочет понять тип языка по ведущей грамматической тенденции» [156; С. 88]. В указанной и в ряде других работ А.А. Реформатский показал глубокую взаимообусловленность между фонетическими, фонологическими и морфологическими характеристиками языков в зависимости от того, какая из двух «ведущих грамматических тенденций» в них преобладает: агглютинация или фузия и более широко – аналитизм или синтетизм. Тогда многое из того, что в трактовке Э. Сепира представляется как независимое и способное смешиваться в «любых пропорциях», в свете исследований А.А. Реформатского предстает как логически вытекающее из системной природы языка.

Такое направление в понимании системности языка получает все более широкое распространение, особенно при пересмотре принципов классификации языков. Называя ведущую грамматическую тенденцию языка «фундаментальным параметром», В.В. Иванов и Ю.К. Лекомцев пишут: «Лингвисты были бы заинтересованы в создании такой непримитивной типологии, которая за основу сравнения берет такие фундаментальные параметры, выбор которых влек бы за собой максимальное число других (более конкретных) черт языка» [54; С. 22]. «Не перечень элементов, а система является основой типологии», – утверждает Р.О. Якобсон [199; С. 97], призывая к поиску внутренних взаимообусловленностей в виде цепочек «импликаций»: «наличие А подразумевает наличие (или, наоборот, отсутствие) Б» [199; С. 99].

От стремления к поиску ведущей внутренней тенденции системы языка и к разработке методов выявления имплицитных связей между отдельными языковыми явлениями при рассмотрении языкового развития

«как единого динамического процесса с причинно-следственным механизмом» [137; С. 8] еще довольно далеко до глобального описания языка как целостной системы, в которой согласованы между собой все ее подсистемы и ярусы и оптимально приспособлены друг к другу структура и субстанция каждого компонента. На практике системное описание обычно сводится к ограниченному описанию взаимодействия двух, максимум трех, наиболее тесно связанных подсистем языка.

Р.О. Якобсон, один из инициаторов внедрения системной методологии в лингвистику, переходя от общих утверждений о системной организации языка к конкретным рекомендациям выявления этой системности во взаимосвязях языковых ярусов, ограничивается весьма сдержанными прогнозами: «Типология вскрывает законы предугадываемости явления, которые лежат в основе фонетической и, по-видимому, морфологической структуры языков» [199; С. 99]. Такая же гипотетичность по этому поводу звучит и в высказываниях С.Д. Кацнельсона: «По-видимому, фонологическая структура связана с морфологической и синтаксической структурой», но «эти связи довольно гибки и эластичны, поскольку с определенной синтаксической структурой может связаться не один тип морфологии» [64; С. 71]. В числе практических задач системного описания называется «связь между типами основных дискретных единиц с типами несегментных, типами единиц просодических» (например, ударения) [64; С. 75]. И лишь в предположительном плане С.Д. Кацнельсон заявляет далее: «Я думаю, что в этом же духе можно было бы работать и в области грамматики» [64; С. 75].

По существу лишь отдельные подсистемы в системе языка рассматриваются в упомянутых работах А.А. Реформатского и В.Я. Плоткина, синтаксическим уровнем ограничивается В.А. Адмони, выявляя «структурную суть в построении предложения и словосочетания» в германских языках [1; С. 17], взаимодействие лишь ближайших уровней рассматривает Е.С. Кубрякова, хотя и исходит из важности учета взаимодействия структуры и субстанции языка на всех ярусах [72].

Далее Г.П. Мельников задается вопросом: «существует ли такая «суть», такая «ведущая грамматическая тенденция», такой «функциональный параметр» языковой системы, который представлял бы действительный «общий источник отдельных своеобразий», который соединил бы все «отдельные части» языковой системы «в органическое целое»?

Известны попытки объяснить своеобразие грамматического строя языка на всех ярусах через указание на единственную внутреннюю языковую тенденцию. Так, Ш. Балли считает, что эволюция и современное состояние французского языка может быть объяснено как следствие тенденции к такому строю, который максимально удобен для слушающего, тогда

как немецкий язык, например, перестраивается в сторону обеспечения удобств для говорящего [10; С. 60].

Если верно, что язык – это адаптивная система, то попытаемся теперь ответить на такой вопрос: каким системным характеристикам соответствуют такие понятия, как «главный чертеж», «решающий внешний фактор», «фундаментальный параметр» или «ведущая тенденция» языка?

Формулировка такого «параметра» или «фактора» должна подняться над всей совокупностью конкретных наблюдаемых фактов, выделить только самое общее в системе и дать ключ к объяснению всех частных, показать их принципиальную неизбежность. Является ли обоснованным поиск такого «общего»? С позиций диалектики этот поиск оправдан, так как если существует абстрактное всеобщее, то есть и всеобщее, отражающее в себе и разнообразие особенного.

Если говорить о конкретном языке, то в большинстве случаев нам известны внешне наблюдаемые проявления современного состояния языка через его речевые акты, известна функция языка, причем она является общей для всех народов, известны определенные сведения о субстанции языка: семантические характеристики, особенности свойств акустической и артикуляционной субстанции (также практически одинаковые у всех народов). Иными словами, мы уже обладаем некоторым представлением о структурных, субстантных и функциональных свойствах языка. Тогда представления о языке как об адаптивной системе достаточно, чтобы через сопоставление известных субстантных, структурных и функциональных характеристик системы искать внутреннюю, функционально значимую согласованность между ними, восполняя некоторые пробелы в сведениях об одной характеристике по ее проявлению в других характеристиках.

Уже на этом этапе наши представления о системе становятся более полными, хотя восполнение пробелов в знаниях происходит главным образом на основе косвенных и поэтому не всегда достаточно точных данных. Поэтому необходимо каким-то образом проверять справедливость полученных данных.

Если, как мы уже отмечали, и функция, и исходная субстанция языков у всех народов мира практически одинаковы, то чем могут отличаться адаптивные системы? Различие языков как адаптивных систем определяется прежде всего конкретным предпочтительным способом функционирования языка. Именно предпочтительный способ функционирования становится критерием отбора речевых актов, что делает его в конце концов ведущим, определяющим параметром языковой системы. Для него в 1967 г. Г.П. Мельниковым был предложен специальный термин – детерминанта языка. Следовательно, чтобы понять системную взаимообусловленность языковой системы, сопоставить ее с другой языковой системой, прежде

всего необходимо выявить способ функционирования системы, т.е. детерминанту сопоставляемых систем.

Исходным положением для системной лингвистики является не просто признание системности языка как социального явления, а утверждение, что язык входит в класс адаптивных (самонастраивающихся) и, следовательно, динамических систем.

Поэтому структура языка (т.е. схема отношений между элементами каждого яруса и между самими ярусами) и субстанция (звуковая, артикуляционная, семантическая) в результате адаптации оказываются взаимосогласованными достаточно оптимальным образом для выполнения его функции. Различия же между конкретными языковыми системами возникают в связи с тем, что каждая из них может иметь специфический способ функционирования, который и является ведущей грамматической тенденцией языка, его детерминантой. Согласование структуры и субстанции языка и, следовательно, системная взаимообусловленность всех языковых ярусов при данной детерминанте возникает потому, что говорящий и слушающий, хотя и бессознательно, но обязательно отбрасывают те языковые средства, которые не обеспечивают гармонии между функцией, структурой и субстанцией языковой системы [98; С. 359].

Введенное еще в 60-х годах понятие детерминанты языка, дифференцированное позже на понятие внешней и внутренней детерминанты, позволяет дать прямой ответ на вопрос о том, что же все-таки имел в виду Гумбольдт, утверждая, что, кроме внутренней формы отдельных языковых знаков и их сочетаний, существует внутренняя форма языка в целом. Она понимается как следствие выявления и закрепления наиболее эффективных средств речевого общения в определенных условиях общения».

Тип языковой системы в целом и словообразовательной в частности, напрямую зависит от способа представления действительности в языке, от специфического для каждого языка ракурса изображения того или иного события. В ряде работ по системной типологии [103, 104, 105, 107] убедительно доказывается зависимость типа знаковой системы от условий общения, в которых формируется данная система. Под условиями общения при этом понимаются условия существования того или иного народа, тип его хозяйственной деятельности, численность населения, занимаемая им территория и прочее, что накладывает отпечаток на акты коммуникации. Условия общения по отношению к языку выступают в качестве внешней детерминанты, определяющей направление его становления и развития как системы, и формируют наиболее целесообразный способ изображения действительности. В свою очередь данный способ изображения, или коммуникативный ракурс, может рассматриваться как внутренняя детерминанта языка, т.е. как основное свойство каждой языковой системы, «по-

требностью поддержания которого объясняется наличие всех остальных устойчивых признаков языковой системы [98, С. 362]. Именно наличие и действие внешней детерминанты и мотивированной ею внутренней детерминанты предопределяет появление соответствующих языковых форм.

Для русского языка самым характерным, наиболее грамматически отработанным является способ изображения действительности со стороны главного инициатора действия, события, о котором сообщается в высказывании, остальные же участники события оказываются выраженными через их большую или меньшую причастность к главному действию, производимому инициатором, и через способ участия в нем. Благодаря такой организации языковых средств появляется возможность показать событие в максимально развернутом виде, через все фазы развития к полному его исчерпанию.

По этому поводу Г.П. Мельников, развивая идеи основоположников системной лингвистики Вильгельма фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртене, пишет, что для большого по численности и относительно однородного по происхождению народа весьма обычна ситуация, когда должны общаться лично незнакомые люди. В этих условиях надежная языковая коммуникация возможна лишь «благодаря тому, что языковые средства легко позволяют ввести даже незнакомого человека в тему беседы, а это требует опоры на наиболее естественную логику «довоображения» замысла говорящего слушающим по тем значениям, которые стоят за речевыми воспринимаемыми знаками. Наиболее естественной эта логика оказывается тогда, когда говорящий сообщает о первоисточнике описываемого события – о субъекте как инициаторе некоторого исходного действия, потом – о производимом этим субъектом исходном действии, потом о других участниках ситуации как побочных инициаторах таких действий, которые явились следствием исходного, и так до логического разрешения описываемого события. Поэтому в таком языке должны существовать четко различаемые по форме и значениям знаки для главного действующего лица – инициатора исходного действия, для самого этого исходного действия, для остальных участников, втянутых в событие и превратившихся в побочных инициаторов тех действий, которые явились следствием исходного» [98, С.364]

Поскольку такой способ представления действительности является традиционным, исторически сложившимся, он не может не оказывать влияния и на словообразовательную систему языка. Иными словами, процесс образования внутренних форм, например именных слов, напрямую связан с разграничением реалий действительности по их *обычной* способности / неспособности выступать в качестве активного деятеля-инициатора события, соучастника, посредника действия, объекта действия и т.п. В под-

держку этого тезиса опять же сошлемся на мнение Г.П. Мельникова: «Осознание того факта, что внутренней формой русского языка является тенденция изображать по возможности любой замысел через образ развивающегося события, помогло в последние годы пополнить арсенал выявленных случаев, когда, обычно лишь констатируемые, факты русского языка становятся объяснимыми, выводимыми логически. Так, например, если учесть, что формальное противопоставление имени и глагола мотивировано потребностью эффективно изображать и различать в описываемом событии действителя и производимое им действие, то становится очевидным, что те имена, семантика которых плохо ассоциируется с представлениями о действителе как об активном, инициативном участнике развивающегося события, должны так или иначе проявлять свою «событийную импотенцию» и в грамматике. Этот вывод подтвержден материалом русского языка. Например, имена наиболее событийно активных участников, способных своим действием втянуть в событие и других участников, в своем значительном большинстве оформляются суффиксами типа *-тель, -чик, -щик, -ник*. Инициаторы событий, в которых инициатива проявляется только в действии действителя (обычно при «непереходных» действиях), маркированы чаще всего суффиксом *-ун*, а имена участников ситуации, выражаемой высказыванием, вообще не предрасположенные осуществлять действие на каком-либо этапе развития события, например, называние обстоятельства места, имена с преимущественно локативной семантикой, очень часто не только имеют особое суффиксальное оформление, типа *-ня (пекарня, псарня)*, но и вообще представляют собой атрибутивные имена (прилагательные, причастия, например, *столовая, операционная, приёмная* и т.п.). При явно выраженном субординационном «субъектно-объектном» отношении обычно не имеет формы существительного названия именно объекта: ср. *врач – больной, начальник – подчиненный, судья – подсудимый, защитник – подзащитный* и т.д. Так на уровне формального словообразования проявляется своеобразие «характера» русского языка как языка в высокой степени событийного по своей внутренней форме» [99; С. 16].

Таким образом, обнаруживается явная связь словообразовательного процесса как процесса образования внутренней формы слова и событийного характера внутренней формы русского языка: русское слово – это поле, на котором могут разворачиваться события не менее «захватывающие», чем на любом другом языковом уровне. Помню, каким озарением в детстве для меня стало осознание внутренних форм слов *презирать* и *ненавидеть*, когда я понял, что для того, чтобы презирать и ненавидеть кого-то, нужно просто или смотреть сквозь человека, или делать вид, что ты его вообще не замечаешь. Конечно, с годами стало понятно, что кроме внешнего прояв-

ления у этих чувств есть и внутреннее содержание, но до сих пор, если знакомые люди меня намеренно не замечают, это для меня, как, впрочем, и для любого, что-нибудь обязательно значит.

Представление о событийном характере русского слова закономерно ставит вопрос о методологии вычлениении в структуре внутренней формы «участников» события, закодированного в этой внутренней форме, то есть вопрос о количественном и качественном составе морфемных значений, образующих данную форму. Это, в свою очередь, требует установления границ каждого из морфемных значений, а границы укажут на характер членимости внешней формы слова.

1.6 Членимость внешней формы слова

Для осуществления процедуры синтеза значения внутренней формы на основе значений составляющих ее морфем необходимо прежде всего разделить внешнюю форму слова на минимальные по форме значащие части – морфы.

В истории русской науки о языке представлено два взгляда на типы значащих частей в многоморфемном слове (Г.О. Винокур и А.И. Смирницкий). Итог противостояния этих концепций подвел А.А. Реформатский в своей работе «О членимости слова»: в русском языке, «как нигде господствует хитрая градация морфологической членимости слов. Если такие слова, как *рококо*, *инкогнито* никак не членятся с точки зрения русской морфологии, а *дви-н-ем-те-сь-ка* членится автоматически, то между ними множество промежуточных случаев со «связанными основами», опрощенными сочетаниями морфем и разными «*-оидами...*» [155, С. 13].

Основу современной концепции членимости слова заложил М.В Панов в своей работе «О членимости слов на морфемы», где он наметил шесть степеней членимости слова, которые он представлял в виде следующей таблицы:

Тип	Сочетание				
	Аб	Ав	Бб	Ба	Дг (и Дв)
1	+	+	+	+	0
2	+	+	–	+	+
3	+	+	–	+	–
4	+	–	+	+	0
5	+	–	+	–	0
6	+	+	–	–	0

Большие буквы обозначают корень (или радикалоид), маленькие буквы обозначают аффикс (постфикс или префикс, в таблице они условно всегда обозначены после корня). М.В. Панов исходит из того, что *г* и *б* синонимичны, притом в сочетании *Дг* аффикс *г* хорошо вычленяется, то есть существует сочетание *Дб* (наличие / отсутствие *Дг* важно только для типов 2 и 3).

Плюс в таблице М.В. Панова указывает на наличие данной единицы в языке, а минус – на ее отсутствие, ноль – наличие или отсутствие, безразлично.

Тип 1 обнаруживает максимально ясную членимость, тип 6 представляет нечленимые единицы, в которых корень и аффикс срослись в целостный корень.

М.В. Панов приводит следующие примеры для каждого типа членимости слова:

Тип 1: *лет-чик* (*лет-ать, развед-чик, развед-ать*).

Тип 2: *пас-тух* (*пас-у, нес-у, пиль-щик, пил-ить*).

Тип 3: *стекл-арус* (*стекл-о, сен-о*).

Тип 4: *бужен-ина* (*осетр-ина, осетр-ы*)

Тип 5: *малина* (*крушина*)

Тип 6: *кочегар* (*кочерга*), это слово, по мнению М.В. Панова, нечленимо, т.к. *кочегар* в смысле членимости не отличается от *кенгуру*.

Далее М.В. Панов пишет: «Морфема характеризуется: 1) значением, 2) морфонемным составом, 3) связью с определенным классом других морфем. Например, *-щик, -тель* связываются с глагольными (процессуальными) корнями. В нашей схеме учтена первая характеристика – значение: сопоставляются единицы, равные по семантике, как одинаковые по морфемному составу, так и различные (синонимика аффиксов учтена разграничением 2-го и 3-го типов: введено отношение к единице *Дг*). Учтена и вторая, морфонологическая характеристика: сопоставляются единицы одинакового морфонемного строя. Третья же не учитывается. Можно исправить этот недостаток, каждый тип расщепить надвое. Первый подтип: в сочетании *Аб* есть морфема *б*, которая в словах *Бб, Вб,..* присоединяется к корням типа *Н*; *А* – того же типа. Второй подтип: *А* – не типа *Н*, то есть в сочетании *Аб* морфема *б* не совсем та, что в сочетаниях *Бб, Вб*. Значит, наше расщепление типов произведено правильно, ведь всё основано на том, есть ли т а ж е морфема в других словах: морфема *-щик* присоединяется к глагольным основам (*пилить – пильщик, заготовлять – заготовщик*); в неологизме *топорщик* суффикс *-щик* присоединен к именной основе (нет глагола *топорить*), это не совсем тот же суффикс, что в словах *пильщик, заготовщик*, у него не тот третий признак. Принцип, по-

ложенный в основу классификации остается, но третий признак, как менее явный, отодвинут на задний план: им различаются не типы, а подтипы» [133; 170–171].

В настоящее время теория и практика морфемного членения в основном развивает вышеизложенные идеи М.В. Панова и также выделяет шесть степеней членимости слова. При увязывании процесса образования слова с его членимостью нередко ставят вопрос о целесообразности постановки вопроса о синтезе значения целого из частей для слов с разной степенью членимости. Например, слова типа *буженина* и *малина*, которые относятся к четвертой и к пятой степени членимости соответственно, не рассматриваются в качестве объекта синтеза. И.Г. Милославский объясняет это тем, «что уже для четвертой степени членимости корневая часть едва ли может рассматриваться как элемент, имеющий самостоятельное значение. Весьма проблематично наличие самостоятельного значения и суффикса у слов пятой степени членимости. В этих условиях, видимо, неправомерно ставить задачу получения целого значения из частей, значения которых (одной или обеих) более проблематичны» [И.Г. Милославский 1980, с.25]. Таким образом, сфера применения словообразовательного синтеза сводится лишь к словам первой, второй и третьей степеней членимости. Однако для занимающихся словообразовательным синтезом слова третьей степени членимости типа *стеклярус* также не представляют большого интереса, несмотря на то, что они разлагаемы на части, которые обладают самостоятельным значением. Наиболее интересными для словообразовательного синтеза считаются слова первой и второй степени членимости.

Думается, тем не менее, что подобный избирательный подход к языковому материалу затрудняет выявление истинной природы словообразовательных процессов. Так, например, тезис о самостоятельности значения, который определяет выделяемость в составе слова той или иной морфемы и, в конечном счете, решает вопрос о производности слова, на наш взгляд, не должен применяться в качестве разграничительного критерия. В некотором смысле любая морфема, как корневая, так и аффиксальная, лишена самостоятельности хотя бы на том основании, что ни одна из морфем не способна реализовать своё значение самостоятельно. В качестве определяющего критерия при членении слова должен использоваться лишь один – это факт наличия у данного отрезка собственного значения. И если данный отрезок с данным значением выделяется хотя бы в двух словах, он должен вычленяться, даже в том случае, когда оставшаяся часть не употребляется при другом морфемном окружении. Тогда и слова шестой степени членимости типа *кочегар* оказываются членимыми на том основании, что существует ряд слов *кочегар, столяр, маляр, овчар, гончар*, который позволяет

выделить в качестве суффикса элемент *-ap*. Именно этим суффиксом слово *кочегар* и будет, вопреки мнению М.В. Панова, отличаться от совершенно нечленимого заимствованного *кенгуру*. Тот факт, что, например, в слове *кочегар* после вычленения флексии и суффикса остается не наблюдаемый в других словах элемент, не должен рассматриваться как препятствие для выделения суффикса. Очевидно, этот факт можно трактовать как не более чем связанность значения корневой морфемы.

В литературе, как правило, отмечается, что морфемный анализ является процедурой более сложной, чем анализ словообразовательный. Это следует из того, что под словообразовательным анализом понимается лишь установление связи между мотивированными и мотивирующими словами. В то же время при морфемном анализе должны быть учтены не только отмеченные связи, но и все имеющиеся в языке слова, которые содержат в себе выделяемые при морфемном анализе элементы [81; С. 14].

Вместе с тем, как нам кажется, нет достаточных оснований жестко противопоставлять морфемный анализ словообразовательному, если иметь в виду под словообразовательным анализом изучение процесса взаимодействия морфемных значений при образовании внутренней формы слова. В том случае, когда под внутренней формой слова понимается результат морфемных взаимодействий, который возник в ходе последовательного перехода от одного содержания к другому, границы морфем должны соотноситься с количеством таких последовательных переходов: каждый переход от одного содержания к другому соответствует действию одного морфемного значения. Если в слове *скрипка* усматривается три таких перехода, то его следует членить на *скрип-к-а*. Против такого морфемного членения, конечно же, возражает современная словообразовательная теория на том основании, что смысл слова *скрипка* не мотивируется смыслом слова *скрипеть* (хотя для соседей начинающего скрипача эта мотивированность более чем очевидна). Кроме того, слово *скрипка* в большинстве учебных изданий приводится как классический пример опрощения, при этом совершенно игнорируется факт существования слова *скрипач* (по модели *рвать – рвач*) с тем же самым корнем.

Говоря о проблеме методики проведения морфемного членения, И.Г. Милославский предлагает следующую процедуру:

1. Все слова должны быть разделены на значимые элементы. Элементы незначимые выделять нецелесообразно не потому, что они не могут содержаться в морфемной структуре слова, а в силу методических соображений.

2. Вычленяемые значимые элементы должны быть минимальны по форме в том смысле, что любое последующее деление не создает новых равноправных значимых частей. В случае возможности такого деления,

при котором возникают значимый и незначимый отрезки, такое деление не проводится, поскольку оно признается методически нецелесообразным, хотя нет теоретических причин, препятствующих такому делению.

3. Вычлняемые элементы должны непременно обладать значением, хотя это значение не есть простые слагаемые, из которых состоит общее значение слова. Значение вычлененного элемента в слове позиционно зависимо, вариативно и в частном случае может не добавлять ничего нового к уже имеющимся значимым элементам слова.

4. Слова рассматриваются как членимые лишь в том случае, если они обладают первой и второй степенью членимости. Слова четвертой и пятой степеней членимости не разделяются на значимые части, поскольку такая процедура не позволяет провести членение без остатка. Слова третьей степени членимости не разделяются в силу нестандартности значения аффикса. Такое решение не согласуется с некоторыми теоретическими представлениями о морфеме и принимается постольку, поскольку случаи выше второй степени членимости заведомо не представляют интереса для словообразовательного синтеза.

Предлагаемая процедура может быть принята лишь со значительным количеством оговорок. Касательно первого пункта процедуры можно заметить, что если мы говорим о *морфемной* структуре слова, то она образуется только значащими единицами, и замечание о невыделении «незначимых элементов в морфемной структуре» кажется нам лишним. Кроме того, мы сознательно заменяем определение «значимые» на «значащие», поскольку не мы приписываем значение морфеме, а морфема это значение представляет. Второй пункт также должен приниматься за вычетом положения о нецелесообразности членения в том случае, если в результате членения образуется значащий и незначащий отрезок, поскольку, если такой «незначащий» элемент возникает на стыке значащих, возникает вопрос, к какому из соседних элементов он должен быть отнесен. Более того, чаще всего «незначащий» элемент оказывается таковым не в силу отсутствия значения, а по причине невозможности сформулировать его значение. Ведь даже, так называемые фонетические прокладки, или эпентезы, назначение которых состоит в оформлении морфемного шва, могут рассматриваться как обладающие соединительным значением, например, в словах *пе-в-ец*, *шоссе-й-ный*, *кали-й-ный* и под.

Совершенно неприемлем для нашей концепции четвертый пункт процедуры, который резко ограничивает круг членимых слов только в силу заведомого отсутствия «интереса для словообразовательного синтеза». Если мы в качестве цели словообразовательного анализа имеем механизм взаимодействия значений морфем при образовании внутренней формы слова, то решение вопроса о закономерностях построения внутренней

формы слова напрямую зависит от точности выделения инвариантного значения аффикса. Степень же точности формулирования инвариантного значения находится в прямой зависимости от количества рассмотренных частных употреблений данного аффикса, и любые сознательные ограничения здесь только вредны, поскольку искажают реальную картину.

Примером такого искажения картины, вызванного ограничением рассматриваемого материала, может служить система частных значений падежных флексий, например, дательного падежа, у которого в беспредложном употреблении обычно выделяются следующие значения:

- 1) Объектное: *велеть, советовать (совет) сыну учиться, вредить (вред) здоровью, помочь (помощь) матери, сочувствовать (сочувствие) больному, отдать, послать, посвятить книгу матери, хвалиться друзьям, говорить ученику, открыться другу, верить слову, толчок мыслям, рекламация заводу, протест послу; Жене от него ни строчки; Дочке не было подарка от отца; Ударнику – уважение от всех; Вам – ничего утешительного; Тебе вызов, приказ;*
- 2) Объектно-определяющее значение: в случаях типа *задание конструкторам, вино гостям, гимн солнцу, стипендия студентам, пощечина негодяю, букет дебютанту, спасти жизнь ребенку, прострелить руку врагу; Она ему не сестра; Я вам не игрушка; Он тебе не советчик;*
- 3) Значение предикативного признака: *Земля – крестьянам; Слово – ветеранам; Письмо – брату; Букет – дебютанту; Стипендия – студентам; Памятник – герою; Телеграмма – тебе;*
- 4) Субъектное значение является основным: *Больному плохо, нездоровится; Начальнику много забот, ему хватает неприятностей; Сестре жаль брата; Сыну год; Вам стыд и позор; Бойне наступил конец; Студенту деньги кстати; Ему нет другого выхода; Тебе бы отдохнуть; Нам не видно звезд; Отцу надо ехать, ему не хочется оставаться; Старику жизнь в тягость; Матери счастье – растить детей;*
- 5) Субъектно-объектное значение (совмещающее значения субъекта состояния и объекта того действия или состояния, которым это состояние обусловлено) дат. п. имеет при выносе в начальную позицию формы с объектным значением в таких случаях, как *Больному врачом позволено встать; Студенту помогают из дома; Старику от внуков помощь; Людям от пчел польза; Мальчику попало от отца.*

Нетрудно заметить, что в одних случаях падежное значение определяется в присловной позиции, т.е. на уровне словосочетания, а в других случаях на уровне предложения. В этом случае инвариантное значение вычленяется с трудом и видимой связи между приведенными значениями не усматривается. Если же рассматривать формы дательного падежа все-

гда в рамках предикативных единиц исходя из того, что падежная форма указывает на способ участия предмета в событии с точки зрения некоторого исходного действия, то инвариантное значение достаточно легко вычленяется. Тогда ближе всего к инвариантному значению будет субъектно-объектное значение, так как оно содержит основные черты инвариантного значения, которое указывает на предмет, инициированный внешним воздействием к самостоятельному действию и действующий как вторичный субъект. Преломление этого инвариантного значения можно наблюдать в каждом конкретном случае: *Мать велит (советует) сыну учиться* (сын вынужденно слушает); *Руководитель дал задание конструкторам* (конструкторы вынужденно получили задание); *Письмо – брату* (брат вынужденно получит письмо). Именно это инвариантное значение делает возможным предложения типа *Больному плохо, нездоровится; Начальнику много забот, ему хватает неприятностей; Сестре жаль брата*, в которых актуализирована идея навязанного, вынужденного состояния, которое субъект проявляет не по своей воле: ср. *Кто пойдет в магазин?* и *Кому идти в магазин?*

Сказанное выше убедительно доказывает, как важно при выделении инвариантного значения не сужать (пусть и по методическим соображениям) изучаемую базу, а максимально расширять её, в том числе и за счет увеличения круга слов, рассматриваемых как членимые. Такое расширение изучаемой базы позволит увидеть не только системные, но и внесистемные явления, которые в незначительном количестве лишь укрепят системные позиции, а если количество таких внесистемных явлений будет значительным, то это послужит индикатором несовершенства или ошибочности выбранного подхода.

1.7 Роль корневых и аффиксальных морфем в образовании внутренней формы слова

Корень – основная, обязательная для каждого слова морфема. Одно из самых распространенных представлений о корне базируется на идее о том, что корень является носителем основного «лексического значения» слова, повторяясь во всех грамматических формах и родственных с ним словах.

По роли, которую корень играет в структуре слова, он противопоставляется аффиксами, служебным и необязательным морфемами в слове. В современном языке слов без корня не существуют, однако есть слова, которые не имеют в своем составе аффиксов, потому и называются безаффиксными. Последних около 500. Это по большей части несклоняемые ча-

сти речи: предлоги *от, к, над, под, о, в*, союзы *но, и, но*, частицы *бы, же, не, нет*, наречия *где, там, здесь*, а также несклоняемые заимствованные существительные *койне, купе, леди, прогонит, шоу* и прилагательные *беж, бордо, электрик, хаки*.

Следует помнить, что корень - это хотя и центральная, но лишь часть слова, даже в тех случаях, когда он совпадает с корневым безаффиксным словом. Корень, в отличие от аффиксов, которые бывают материально выраженными и нулевыми, всегда является материально выраженным, следовательно, ненулевым.

Корень – необходимый и обязательный компонент любого слова (склоняемого и несклоняемого, непроизводного и производного). Как исходная словообразовательная часть слова корень является носителем общего значения однокоренных слов. Благодаря корню хранится общее для всех родственных слов значение и в то же время внешнее подобие между единицами того же словообразовательного гнезда: *гнезд-о, гнезд-ышко, гнезд-овище, гнезд-овье, гнезд-арь, гнезд-овой, без-гнезд-ный, гнезд-иться, у-гнезд-ить, у-гнезд-иться, гнезд-овать*.

Значение корня как центральной части слов чаще всего выводится путем абстрагирования общего в их лексической семантике. Семантика корневых морфем менее абстрактна, чем аффиксальных. Она более близка к лексическим смыслам слов, тогда как значения аффиксов более близки к грамматическим, реляционным и словообразовательным.

Значение корня уточняется, сужается, изменяется в результате сочетания его с определенными аффиксами. Такой компонент корневого значения *земл-*, как “планета”, по-разному модифицируют аффиксальные производные *земляне, околоземный, приземление, приземлиться*. Компонент значения “суша” активизирован через суффикс прилагательного *-н-*: *земной*. А компонент значения “вещество темно-бурого цвета” – суффиксом *-ян-* в прилагательном *земляной*.

И корневые, и аффиксальные морфемы – составляющие части слова, функция которых в выражении соотношений слова с разными структурными уровнями языка разная. Первые соотносят его с лексическим уровнем, другие – со словообразовательным и грамматическим.

Особенностью корневых и аффиксальных морфем является способность повторяться в других словах. Однако этот их признак по-разному сказывается в двух названных разновидностях морфем. В современном языке есть большое количество корней, которые не повторяются и не имеют производных: *хаки, электрик*. Для аффиксов повторяемость является обязательным признаком. Однако встречаются служебные морфемы, которые не повторяются, но выделяются в словах в результате четкого вычленения у них корневой части. Такие морфемы принято называть унифика-

ми, которые обнаруживаются у более чем 200 слов: *поп-ад-ья, жен-их, клей-стер, коз-ел, пав-лин, детв-ор-а, стекл-ярус* и др.

Много признаков корневых морфем обнаруживается только при сопоставлении их со служебными, аффиксальными компонентами слова. В отличие от аффиксальной морфемы тот же корень принимает участие в построении слов разных лексико-грамматических классов (существительных, глаголов, прилагательных, наречий и тому подобное). Аффиксы приобретают свои значения лишь в контексте корня. Тот же аффикс по большей части обнаруживается в классах слов одного порядка, например:

морфему *-к-* наблюдаем только в составе существительных: *короб-к-а, выкрой-к-а*;

-ова- обнаруживается в глаголах или в словах, сохраняющих значение процессуального признака: *рекоменд-ова-ть, завед-ова-ть*;

-ист- находим в существительных-названиях лиц: *баянист, гитарист, металлист*.

Корень – структурная и семантическая база каждого слова, ядерный компонент его морфемного строения и в то же время это выразитель формальной близости родственных слов, носитель общего компонента их лексического значения. Как раз поэтому корни принадлежат к стойким элементам языка, которые хранятся на протяжении длительного исторического развития языка, обеспечивая стабильность словообразовательной и лексической языковой подсистемы.

Однако строгое разграничение аффиксальных и корневых морфем должно строиться не столько на основе «главности» значений одних и «неглавности» значений других, обязательности или необязательности, сколько на основе различной природы этих значений. Эта «разность», на наш взгляд, кроется, с одной стороны, в различном функциональном назначении корневых и аффиксальных значений в организации внутренней формы слова и, с другой стороны, в степени абстрагированности выражаемых содержаний, причём первое служит основанием второму.

Степень абстрагированности значений аффиксальных морфем неизмеримо выше степени абстрагированности значений корневых морфем, и это является общеизвестным фактом, хотя и нередко игнорируемым. Разная степень абстрагированности обуславливает функциональное назначение корневых морфем, которые служат «отправной точкой» в цепи смысловых преобразований, «точкой», которая в результате этих преобразований может занять отнюдь не главную позицию в конечной структуре внутренней формы слова, но отсутствие подобной точки отсчета делает все преобразования бессмысленными. Именно стартовая позиция корневого значения предопределяет его более очевидную связь со смыслами из области внеязыкового сознания.

Значение аффиксальных морфем, в свою очередь, по функции можно разделить на две группы. Во-первых, это аффиксы, значение которых, подобно корневым значениям, может непосредственно указывать на определенные смыслы, но настолько абстрактно, что неспособно употребляться вне сочетания со значением корня, например, *-тель-*, *-ик-*, *-ств-* и т.п. (выше мы назвали такие аффиксы «псевдокорневыми»). Во-вторых, таким аффиксам можно противопоставить аффиксы, не связанные непосредственно с фрагментами внеязыкового сознания, а задающие тип отношений между значениями корней и значениями аффиксов первой группы (например, *-ов-*, *при-*, *-н-*).

При таком подходе нетрудно подсчитать количество возможных комбинаций корневых и аффиксальных морфем, возможно также установление обязательных компонентов типичной внутренней формы слов разной частеречной принадлежности: для прилагательного, например, обязательными компонентами внутренней формы являются указание на предмет или действие, порождающие признак (корневая морфема), указание на абстрактный носитель признака (местоименная флексия) и указание на тип отношений между первым и вторым (например, *рог-ат-ый*, *степ-н-ой*).

Очевидно, что для описания внутренней формы слова как результата взаимодействия значений образующих ее морфем недостаточно одного разделения структуры слова на корневые и аффиксальные морфемы. Для решения подобной задачи необходимо еще определить, какое именно значение имеет каждая из выделенных частей.

Внутренняя форма слова не есть простая сумма значений составляющих его морфем, так же, как внешняя сторона словоформы не есть сумма формальных сторон составляющих ее морфов. Это обстоятельство требует более глубокого понимания природы значения тех или иных морфем. Трудно согласится с тем, что современного исследователя может удовлетворить, в частности, то мнение, что *-ник* в слове *кофейник* означает «сосуд», в слове *курятник* – «помещение», в слове *сочник* – «кушанье», а в слове *грибник* – «действующее лицо». Проблема, видимо, заключается в том, чтобы найти некий инвариант значения суффикса. Вероятно, определение этого инварианта позволит решить вопрос, имеет ли этот суффикс только категориальное значение или еще и конкретное значение. Впрочем, нахождение такого инварианта значения для словообразовательных морфем русского языка некоторые исследователи считают безнадежным.

Причина пессимизма в этом вопросе заключается в том, что при соединении суффикса с корнем обычно возникает некий дополнительный элемент смысла, и в связи с этим ставится вопрос, к чему приписать этот смысл: к позиционному изменению значения корня или к позиционному изменению значения аффикса. Однако подобный вопрос не возникает при

ясном понимании того, что значение не «представляет» тот или иной смысл, а лишь намекает на смысл, который включает представление как некоторую свою часть, остальное же содержание может быть каким угодно, о нем нужно догадаться.

При определении значений приставок существует та же проблема, что и при определении значений суффиксов, а именно отделение инвариантного значения приставки от тех значений, которые возникают в результате взаимодействия значений различных частей слова.

Другая особенность типов значений состоит в том, что некоторые из этих значений являются взаимосвязанными. Эта взаимосвязь проявляется в том, что выражение одного из значений непременно влечет за собой и выражение другого значения. Так, выражение многоактного и поочередного действия непременно влечет за собой указание и на результат действия: *прогавкать, перетереть*. В то же время обратное совсем необязательно: можно обозначить результативность действия, никак не характеризуя особенности его протекания: *сделать, написать*. Указание на дополнительность действия обычно выражает также существование определенного для него заранее предела или неполноту самого действия: *доделать, дописать*. Однако обратное также необязательно: неполнота действия или определенный его предел вовсе не обязательно указывает на «дополнительный» характер данного действия: *приоткрыть, разбить*.

Говоря о значении корневой морфемы, необходимо подчеркнуть, что весьма распространенный взгляд на корень как вместилище основного, главного значения слова иногда подвергается сомнению. В подтверждение этому приводятся следующие доводы: во-первых, мы не располагаем системой измерений, позволяющей нам определять, где перед нами основное значение, а где – не основное, именно в силу этого обстоятельства упомянутое понимание корня не является операциональным; во-вторых, если пользоваться приведенным выше интуитивным представлением о корне, то мы должны были бы выделить в качестве корней такие части слов, которые обычно корнями не считаются. Из этого делается вывод о неуниверсальности обсуждаемого определения корня [111; С. 335].

Очевидно, для решения проблемы «главности» корневого значения надо исходить из того, с чем соотносено во внеязыковом сознании корневое значение, с одной стороны, и с чем аффиксальное – с другой. Иными словами, необходимо четко уяснить различия в природе корневых и аффиксальных морфем. Вопрос о взаимодействии корневого и аффиксального значений порождает вопрос о закономерностях сочетаемости морфем в русском слове, говоря другими словами, важно знать, что определяет появление того или иного аффикса при данном корне. Но сделать это можно лишь при разграничении собственно значения корня как «намекателя» на

ближайший или дальнейший смысл и самого этого смысла, на который намекает корневое значение.

1.8 Сочетаемость корня и аффикса

Вопрос о сочетаемости морфем в русском слове привлекает внимание многих исследователей. Однако сделанные до сих пор наблюдения носят частный характер и не укладываются в какую-либо единую, системно оформленную концепцию. Попытки сформулировать правила, законы сочетаемости морфем обычно натываются на необходимость создания полного перечня аффиксов, с которым может сочетаться данная основа, или перечня основ, с которыми может сочетаться данный аффикс. Получение же подобных списков представляет собой весьма трудоемкую процедуру. По этой причине сочетательные возможности аффиксов не могут быть представлены в виде правил.

Стремление отдельных ученых учитывать прежде всего семантические факторы как определяющие совместимость тех или иных морфем тоже не дает ощутимых результатов. Это происходит, на наш взгляд, из-за частого смешения и неразличения таких понятий, как смысл и значение. Трудно не согласиться с тем, что семантика производящего определяет наличие или отсутствие дериватов с заданным словообразовательным значением, но в данном случае чрезвычайно важно осознавать, что понимается под производящим.

В современном словообразовании в качестве производящего понимается т.н. производящая основа, которая зачастую сама по себе осложнена аффиксацией, и семантический анализ ее представляет известную трудность, а определение того, что в семантической структуре основы влияет на ее сочетаемость с аффиксами, представляется при таком рассмотрении в принципе невозможным. Чтобы выяснить причину постоянно возникающих трудностей при решении проблемы сочетаемости морфем, попытаемся проанализировать некоторые исходные положения современного словообразования, которые в конечном счете сводятся к следующим основным:

1. Все слова языка разделяются на производные и непроизводные.
2. Граматики русского языка описывают систему русского словообразования от производного слова к производящему и наоборот. Так, например, в «Русской грамматике 80» прямо утверждается, что «объектом изучения в словообразовании являются словообразовательно мотивированные слова, т.е. слова, значение и звучание которых обусловлено другими однокоренными словами» [48; С. 133].

3. При словообразовательном анализе необходимо различать синхронный и диахронический уровень.

Рассматривая данные положения, мы будем основываться на изложенном выше представлении системной лингвистики о языке как изобразительной системе, которая имеет образно-психическую природу, на разграничении языкового и внеязыкового сознания и различении значения и смысла языкового знака [98, 100, 105].

В словообразовании изучение слова обычно начинается с разграничения, противопоставления морфем корневых и аффиксальных (служебных). Под корневой морфемой обычно понимается основная, стержневая часть слова, которая выражает основное лексическое значение слова. Все остальные морфемы представляются как видоизменяющие, конкретизирующие значение корня и относятся к служебным. Обычно считается, что «корневые морфемы имеют в качестве означаемого элемент (кусочек) действительности, следовательно, их значение реально-вещественное. Аффиксальные морфемы ни с каким элементом действительности непосредственно не соотносятся» [53; С. 39], они «используются лишь как модификаторы значения разных слов» [77; С. 153], т.е. выражают логико-грамматические значения.

Системная лингвистика вносит в это определение существенную поправку: значение корневой морфемы, употребленной говорящим, намекает как на свой смысл непосредственно на элемент внеязыкового сознания, являющегося мысленной картиной мира слушающего. Если же в языке существуют специальные грамматические значения (а русский язык как флективный относится к таким языкам), то значение грамматических морфем, например, деривационных или словоизменятельных, намекает лишь на типы отношений между смыслами.

При этом значение деривационной морфемы намекает на тип отношений смысла производной основы от смысла производящей как дальнейшего по отношению к предшествующему смыслу. Но опять же лишь намекает, поэтому одна и та же деривационная морфема как носитель инвариантного значения, т.е. как намекатель на один и тот же характер отношения между «производным» и «производящим» смыслом, дает внешне неодинаковый результат в зависимости от того, каков смысл производящей основы.

Так, например, деривационная глагольная морфема *-ну-* намекает на то, что смысл производный отличается свойством большей динамичности, чем смысл производящий. Поэтому при основе *-прыг-* намек на большую динамичность создает образ мгновенного действия, импульса: *прыгнуть*, а при основе *-слеп-*, вообще лишенной семантики динамики, суффикс *-ну-*

лишь динамизирует идею «слепоты», но не может довести ее до «мгновенности» [92; С. 9].

Корневая морфема во флективном языке признается обязательной частью слова, которая способна к свободному употреблению, в то время как служебные морфемы характеризуются в качестве факультативных, необязательных.

При рассмотрении такого понятия, как «значение корневой морфемы», при всей бесспорности принципов ее выделения возникает вопрос о границах этого значения. Так, если корневая морфема в качестве означаемого имеет «элемент действительности» (точнее – образа определенного класса элементов действительности), значит ли это, что корневая морфема *-стол-* в качестве означаемого имеет только образ предмета, именуемого знаком «стол», или сюда же попадут образы, именуемые «застолье», «столовая», «столешница» и т.п.?

С нашей точки зрения, универсальность языкового знака, и корневой морфемы в частности, в том и состоит, что значение является весьма обобщенным, свободным от конкретных деталей образом, и включает в себе потенцию намекать на любой объект действительности, образ которого содержит в себе то, с чем может ассоциироваться значение знака. Используя корень *-стол-*, мы можем назвать любую реалию действительности, образ которой содержит в себе некий обобщенный признак «столости», подчеркивая подобие с ним либо по сходству, либо по смежности. Когда же говорящего и слушающего интересует какое-либо специфическое проявление этой «столости», они вынуждены прибегать к помощи средств, которые намекают на характер отличия этой специфической «столости» от исходной обобщенной, выраженной корнем, используя деривационный аффикс с подходящим значением. Иными словами, корневое значение содержит в себе в свернутом виде языковое представление о некой обобщенной броской черте конкретных образов во внеязыковой картине действительности, о каком-либо признаке, способном служить «намекателем» на определенный класс образов. При этом заметим, что на различных стадиях развития языка этот абстрактный признак может иметь несколько различное содержание.

Несмотря на то что аффиксальные морфемы понимаются как видоизменяющие, конкретизирующие смысл, на который намекает значение корня, появление в литературе определения аффикса как «модификатора значения слов» позволяет сделать вывод о частом смешении и неразличении корневых значений и смыслов слов.

Изолированное от аффикса корневое значение обладает весьма широким полем смыслов, на которое может намекать корневое значение, т.к. отношения между смыслами ничем не задаются. Как и грамматически не

оформленное слово в пределах синтаксической конструкции не способно полноценно выполнить свою актуальную синтаксическую функцию, так и корневое значение в отсутствии аффикса лишь в самых общих чертах отсылает слушающего к некоторой виртуальной области образов, способных быть смыслом значения корня; задавая же при помощи аффикса определенный тип отношений между дальнейшим и ближайшим смыслом корневого значения, мы направляем слушающего уже к конкретному внеязыковому образу как к актуальному смыслу значения словоформы.

Таким образом, ясное понимание структурирующей функции аффикса, которая задает определенный тип отношений между виртуальными смыслами корневого значения, позволит лучше осознать значение самого аффикса, его роль в слове; избежать восприятия и характеристики аффиксального значения как некоего «довеска» к корневому значению. Из сказанного следует, что определение значения того или иного деривационного аффикса должно сводиться к описанию типа задаваемых им отношений между дальнейшими и предшествующими смыслами, способа его действия, способа преобразования предшествующего смысла в последующий.

В связи с вышесказанным, поднимаемый вопрос о закономерностях сочетаемости корневой и аффиксальных морфем приобретает иную, отличную от традиционного представления, теоретическую и практическую значимость. Обязательность или факультативность появления того или иного словообразовательного элемента при данной корневой морфеме может объясняться содержанием самой корневой морфемы. Корневая морфема выстраивает свое аффиксальное окружение, притягивая соответствующие коммуникативному заданию и своей внутренней форме словообразовательные средства и отталкивая аффиксы, не стыкующиеся с ней, противоречащие как ближайшему, так и тому или иному дальнейшему вообще или в некоторых условиях общению содержанию корня.

Кроме того, на сочетаемостные возможности корня и аффиксов оказывает влияние действие фонетических законов, вследствие которых словообразовательные компоненты видоизменяются (порой до неузнаваемости), взаимно приспособляются, образуя плотную, целостную, звуковую ткань слова, например, исходные сочетания морфем *камен+ск+ик+ь*, *бан+ск+ик+ь*, *пере+нос+ск+ик+ь* фонетически реализуются как *каменщик-ь*, *бан-щик-ь*, *пере-нос-щик-ь*.

При всем этом аффиксы, несмотря на свою явную «служебность» по отношению к корню, со своей стороны также не могут безразлично вступать в связь с любым корнем, т.к. аффиксальное значение, действуя как оператор по отношению сначала к ближайшему, а потом и к дальнейшим смыслам корневого значения, может воздействовать только на отзывающе-

еся его влиянию значение корня и на задаваемые им ближайшие и дальнейшие смыслы.

Так, суффикс *-ун-* в существительных *болтун*, *храпун*, *крикун* указывает на то, что действие, по которому характеризуется лицо, не имеет направленности и исчерпывается самими инициатором этого действия, следовательно, данный суффикс не может сочетаться с корнем, в значении которого есть указание на действие, предполагающее, кроме его инициатора, еще и объект, испытывающий это действие. И если *хранеть*, *кричать* и *болтать* можно вне зависимости от наличия объекта, на который могут быть направлены эти действия, то *бороться*, *сражаться* и *соревноваться* обычно можно только с кем-нибудь или с чем-нибудь, отсюда невозможность таких форм как «борун», «сражун», «соревнун» или «соревновун».

Суммируя вышесказанное, выделим основные факторы, определяющие сочетаемость корневой и аффиксальных морфем.

Итак, на самом верхнем уровне сочетаемость определяется коммуникативным заданием, которое формируется под влиянием требований «вписаться» в смысловую тему, задаваемую внутренней детерминантой языка, и определяет общие свойства будущей словарной единицы. Это задание диктует перечень и иерархию необходимых намеков на наиболее важные (с точки зрения внутренней детерминанты) компоненты выражаемого смысла, так как одного «шага» (намек) редко бывает достаточно для того, чтобы слушающий понял, о чем ему хотят сообщить. Внутри полученного «списка» намеков значимость каждого из них оказывается различной: один будет занимать доминирующее положение (это намек на главный, наиболее существенный компонент смысла при данной внутренней форме), другие же будут конкретизировать, уточнять первый.

В соответствии с иерархией намеков для их реализации подбираются наиболее подходящие из ограниченного списка значения морфем, которые способны максимально точно реализовать необходимые намеки, при этом доминирующий намек, способный ассоциироваться непосредственно с элементами внеязыкового сознания как своими ближайшими смыслами, будет выражен через значение корневой морфемы, а намеки конкретизирующие и уточняющие отношения между смыслами, в свою очередь, – через значение аффиксов. На данном уровне сочетаемость корня и аффикса будет обуславливаться способностью или неспособностью аффиксальных значений актуализировать смысл корневого значения в соответствии с коммуникативным заданием.

И, наконец, на материальном уровне сочетаемость морфем, обладающих наряду со значением и звуковой оболочкой, определяется действием фонетических законов, обусловленных как особенностями артикуляции,

так и наличием внутренней детерминанты языка, мотивирующей типичные позиционные характеристики языковых единиц в целом и звуковых, в частности.

1.9 Отношения производности

Проблемой, обычно рассматриваемой в словообразовании, является установление отношений мотивированности между словами. В русском языке выделяют слова непроизводные, немотивированные, такие, как, например, «стол», «думать», «синий». Кроме того, большинство русских слов признаются производными, мотивированными: *стол* от *стол*, *передумать* от *думать*, а *синеватый* от *синий*. Но уже то, что на практике не всегда абсолютно ясно, от какого именно производящего получено данное производное, позволяет усомниться в правильности установления отношений производности предложенным способом.

В целом понятие мотивированности в словообразовании базируется на очень простом тезисе о том, что одно слово может быть производным от другого, причем этот тезис доказывается очень просто: если значение одного однокоренного слова может рассматриваться как базовое для значения другого однокоренного слова, то такие слова находятся в отношениях производности. При этом под значением понимается некоторый узуальный смысл, связанный с данной внешней формой. То есть фактически устанавливается зависимость смысла одного слова от другого. Следовательно, единицами анализа выступают не слова, а лексемы. Но если рассматривать процесс словообразования как процесс образования внутренней формы слова, то отношения производности уже нельзя рассматривать как отношения между лексемами, поскольку в этом случае уместнее говорить о производности смыслов однокоренных (и не только) слов.

Последовательное использование идеи мотивированности создает внешне логичную структуру словообразовательного гнезда однокоренных слов, которая распадается на ряд словообразовательных цепочек, построенных с учетом «лексического значения», т.е. словарного толкования смысла слова. Полученная словообразовательная цепочка и служит отправной точкой для дальнейшего анализа: с учетом положения в цепочке определяется морфемный состав слова, через сравнение составов соседних слов выявляется словообразовательный формант, по характеру форманта определяется способ словообразования, анализ значений основ соседних слов дает словообразовательное значение форманта. Возникает вполне закономерный вопрос: в какой мере полученная словообразовательная цепочка отражает реальные отношения между словами и что в этих отношениях является системообразующим началом?

Длительные наблюдения за действиями носителей языка при проведении процедуры морфемного и словообразовательного анализа выявили следующее:

– практически все носители языка воспринимают формальное единство корневой морфемы как системообразующую черту гнезда, отграничивающую данное гнездо от слов другого гнезда;

– при попытке установления системных отношений между словами в качестве исходного слова, как правило, выбирается слово с минимальной аффиксальной нагрузкой, причем это слово воспринимается как исходное для всех слов гнезда;

– степень членимости слова, качественный и количественный состав морфем определяется по внешней вычленяемости с учетом повторяемости вычленяемого элемента в других словах, при этом значения выделяемых морфем в разных слова понимаются как тождественные;

– связь слов в гнезде большинством воспринимается как центростремительная, с ядром из наименее развитых за счет аффиксов слов и периферией из сильно распространенных аффиксами слов;

– неподготовленный носитель редко усматривает последовательную линейную связь внутри гнезда;

– даже подготовленные носители получают цепочку, совпадающую с цепочкой в словаре, только при строгом соблюдении всех формальных правил установления направления словообразовательной мотивации, но и подготовленные студенты-филологи недоумевают, почему, к примеру, в словообразовательном словаре А.Н. Тихонова слова *дева*, *девка*, *девочка* входят в разные словообразовательные гнезда [6; С. 278, 279]. Примечательно, что отсутствие мотивированности значений этих слов в этом случае не воспринимается в качестве значительного аргумента, поскольку явное наличие общего корня в этих словах заставляет рассматривать эти слова как слова одного гнезда. Подобное может означать только одно: наличие общего корня в слове воспринимается как более сильная организующая сила внутри гнезда, чем отношения производности, вытекающие из мотивированности смысла одного слова смыслом другого.

Из этих наблюдений, очевидно, можно сделать вывод о том, что *основной* движущей силой, которая заставляет объединяться все слова внутри гнезда, является внешнее и содержательное единство корневых морфем. Смыслы производных слов находятся в большей зависимости по отношению к значению корневой морфемы, чем по отношению к основе ближайшего по смыслу слова.

Думается, что практика установления направления производности с учетом мотивированности смысла одного слова смыслом другого слова в большей мере применима к языкам аналитического строя, чем к синтетическим языкам. Для русского языка включенность грамматического показателя в структуру слова оказывает существенное влияние на характер отношений между морфемными значениями, поскольку выбор грамматиче-

ского показателя во многом зависит от качественного состава предшествующих ему морфем. Это формирует определенные закономерности в расположении морфем: аффикс, указывающий на аспект проявления действия, должен располагаться перед корневой морфемой со значением процессуального признака: *у-влек-*, а аффикс со значением предельности / не-предельности – после корневой морфемы: *у-влек-а-*. При этом грамматический показатель признака предмета флексия *-ой*, не может присоединиться непосредственно к корню, так как выступает только в сочетании с суффиксом, задающим типологию отношения между корнями с предметным содержанием: *н-ый*, что, в свою очередь, требует показателя предметности в том случае, если корень выражает непредметное значение: *-тель-н-ый*. В результате получаем комплекс *у-влек-а-тель-н-ый*, который образовался, с одной стороны, под влиянием требований грамматического показателя и с учетом специфики корневого значения – с другой. Можно в целом говорить о том, что особенностью внутренней формы русских слов является ее полярность, возникающая между значением грамматического показателя и корневым значением. Именно характер корневого значения и характер грамматического значения определяет качественный и количественный состав остальных морфем и порядок их расположения.

Современная словообразовательная теория, выстраивая словообразовательную цепочку, фактически выстраивает цепь не столько из слов, сколько из их смыслов, оценивая степень вложимости одного смысла в другой, и уже из этого делает вывод об отношениях производности в ряду слов. Внешне цепочка выглядит вполне логичной, но другого быть и не должно, т.к. ряд смыслов выстраивается на основе формальной логики. Но зададимся вопросом: является ли общее представление о производности одного слова от другого столь бесспорным и однозначным? Возможно, это общепринятое методическое допущение, которое возведено в абсолюте, не отражает объективную языковую реальность и слова не образуются друг от друга? Ведь не задаемся же мы вопросом об отношениях производности между *бревном* и *доской* только на том основании, что то и другое деревянное. Хотя «услужливая» логика подскажет, что доски можно сделать из бревна, а не наоборот, но возникает вопрос: должны ли доски обязательно пережить стадию бревна как строительного материала или мы в зависимости от наших потребностей из древесины изготавливаем и доски, и бревна?

Эта весьма грубая аналогия в общих чертах отражает две принципиально разные тенденции в определении производности слов: либо слово производно от слова, либо слово производно от корня. Вторая точка зрения достаточно долго господствовала в отечественном языкознании, но, не получив закономерного развития, не устояла перед более методологически и методически разработанной первой, которая позволяет мягко обойти весь-

ма существенный вопрос о морфемном значении, заменяя его в большинстве случаев словообразовательным значением. При всей своей колоссальной продуктивности, понятие мотивированности слов не приближает, а скорее откладывает перспективу решения этого вопроса. Но если для аналитических языков, в лоне которых развивался структурализм, вопрос морфемного значения неактуален ввиду крайней замкнутости отдельного словесного знака, то для русского и других синтетических языков вопросы о выделении аффиксальных значений и, главное, о механизме их взаимодействия являются далеко не третьестепенными.

Попытаемся на очевидном, казалось бы, примере «*стол*» – «*столик*» выяснить, действительно ли эти слова находятся в отношениях производности.

С точки зрения современного словообразования слово *стол* – непроизводное. Однако морфемно *стол* членится на корень *-стол-* и аффикс *-ь*. Конечно, данный случай проще отнести к явлению грамматического плана, но не будем забывать, что т.н. словоизменяющий аффикс не только выражает отношения между словами, но и указывает на черты, присущие собственно слову, в составе которого он употребляется. Так, флексия *-ь* в слове *стол* определяет целый комплекс его свойств, которые с трудом можно отнести только к грамматическим.

То, что в слове «*стол*» материально выражена только корневая морфема, вряд ли может служить достаточным основанием для объявления его непроизводности. Нет среди знаменательных слов русского языка слов, состоящих только из корня, так как вне всякого аффиксального или словесного окружения корневое значение не может выразить некий конкретный, актуальный смысл. Попытайтесь охарактеризовать корневое значение *-стол-* вне флексии *-ь*. В слове *столик* корень *-стол-* сопровождается суффиксом *-ик-*, который модифицирует не смысл слова *стол*, а значение корня *-стол-* через указание на тип преобразования исходного значения корня, в частности на уменьшение размера. Существование морфемного комплекса *стол-ик* не зависит от существования морфемного комплекса *стол-ь*, но оба эти комплекса невозможны без корневой морфемы как источника дальнейших преобразований.

Несмотря на то, что корневая морфема – основная значащая часть слова и относительно цельные образы внеязыкового сознания соотносятся именно с корневой морфемой как ее виртуальные смыслы, сама по себе корневая морфема в речи бессильна ввиду чрезвычайной обобщенности значения, на некоторые черты своих смыслов значение, как «представление» (в понимании А.А. Потебни) способно лишь намекнуть слушающему. Корневое значение лишь языковая программа, соотнесенная с определенными смыслами, способными ассоциироваться с этим значением, но для того, чтобы эта программа могла их выразить, нужны соответствующи-

щие условия ее функционирования, причем условия эти будут задаваться специфическим для каждого языка способом, для русского, например, путем актуализации вполне определенного актуального смысла в поле виртуальных смыслов корневого значения посредством словообразовательной и словоизменительной аффиксации.

Было бы ошибкой считать, что способностью актуализировать определенный смысл в поле виртуальных смыслов корневого значения обладают только аффиксальные морфемы. Очевидно, что необходимо признать возможность актуализации смысла корневого значения синтаксическим способом. Под этот случай, вероятно, попадет ряд нечленимых морфемно наречий. Необходимость в синтаксической актуализации смыслов значений этих слов проявляется в их принципиальной неспособности функционировать вне связи с другими словоформами. Более того, можно предположить, что лексический смысл слов, имеющих в своем составе аффиксы, окончательно оформляется в пределах синтаксической конструкции. Так, например, вне контекста не различаются однокоренные наречия и краткие прилагательные среднего рода: *«быстро»* – *«быстро»*, но *«бежать быстро»* – *«течение быстро»*.

Из всего сказанного следует, что отношения производности следует устанавливать не на уровне: производящая основа – производная основа, а на уровне: корневое значение – ближайший и возможные дальнейшие лексические смыслы значений рассматриваемого слова. Все однокоренные слова в равной степени мотивированы корневым значением: слово *«подосиновик»* существует не потому, что в языке есть слово *«осина»*, а потому, что есть корень *-осин-*, который обладает своим значением, и ближайшим смыслом этого значения, которое, в свою очередь, по-разному трансформировано в словах *«осина»* и *«подосиновик»* в соответствии с указанием на характер этой трансформации, задаваемым значением аффиксов. Таким образом, словообразовательный процесс распространяется от корневого значения радиально на ближайшие смыслы и лишь от них – на дальнейшие ступенчато через указание на то, как нужно сначала преобразовать ближайший смысл корневого значения, а потом этот преобразованный в дальнейший на пути следования от производящего смысла к производному.

При таком подходе система словообразовательного гнезда имеет больше сходств с гелиоцентрической системой с корневой морфемой в центре, чем с цепочечной. При этом удаленность от корневой морфемы будет определяться степенью трансформации в слове значения корневой морфемы, иными словами, слово *осиновый* располагается ближе к корневому значению, чем, например, слово *подосиновик*. Объективно степень трансформации можно оценить по количеству трансформаций: *осин-а* – 1, *осин-ов-ый* – 2, *под-осин-ов-ый* – 3.

Предметом постоянных споров в словообразовании является вопрос о том, какие словообразовательные явления следует относить к синхронии, а какие к диахронии. В качестве критерия, на основании которого синхрония отделяется от диахронии, чаще всего используется подход Г.О. Винокура [27]. Не вдаваясь в подробности данного подхода, выделим главное: производящие слова – это ничем не мотивированные условные обозначения действительности, тогда как значение производного слова всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующего производящего; задача синхронного словообразования состоит в рассмотрении живых семантических связей между словами, имеющими формальную общность, и установлении направления отношений производности: какое из однокоренных слов мотивированное, а какое мотивирующее.

Исходя из нашего положения о том, что в качестве производящего всегда выступает корневое значение, а все слова, включающие этот корень, есть производные от ближайших смыслов корневого значения, следует признать все случаи словообразования с этим корнем имеющими отношение к синхронии. В то же время изменения, связанные собственно с корневым значением (его расширением или сокращением), отнести к явлениям диахронии.

1.10 О разграничении словообразования и лексеμοобразования

Вышеизложенное видение проблемы внутри словных процессов позволяет ограничить понятие *слова* как знака понятиями внутренней и внешней формы, и тогда теория словообразования должна выявлять закономерности связывания морфем и стоящих за ними значений в воспроизводимой, узуализированной последовательности, то есть закономерности образования внутренней формы слова. При таком подходе тождественные слова должны обладать тождественностью морфемного состава и тождественностью значений этих морфем. Например, для слова *рогатый* словообразовательная теория должна дать ответы на вопросы, какова внутренняя форма этого слова (*рогатый* – «тот, у кого есть внешняя часть в виде рога»), какова внешняя форма слова (*рог-ат-ый*), каково значение морфем и как они взаимодействуют (*-рог-* – «рог»; *-ый-* – «пустой носитель признака»; *-ат-* указывает на отношение «внешняя часть» / «целое», при этом «внешняя часть» = «рог», «целое» = «пустой носитель признака»).

Кроме того, очевидно, словообразовательная теория должна дать ответ о возможности / невозможности существования слов с внешней формой, например, *рогный*, *роговой* и, если таковые возможны, объяснить отличия во внутренних формах данных слов. В нашем случае слово *рогный*

невозможно, т.к. суффикс *-н-* задаёт объективно неприемлемый тип отношений, поскольку значение суффикса *-н-* указывает на внутреннее пространственное положение предмета, порождающего признак, по отношению к носителю признака, а *рог* не может находиться внутри носителя признака. Слово *роговой* возможно, так как суффикс *-ов-* через указание на отношение обусловленности существования одного предмета другим в сочетании с данным корнем даёт приемлемую внутреннюю форму «то, что обусловлено существованием рога», которая может ассоциативно быть связана со смыслом «сделан из рога», так как существование материала обуславливает существование того, что сделано из данного материала.

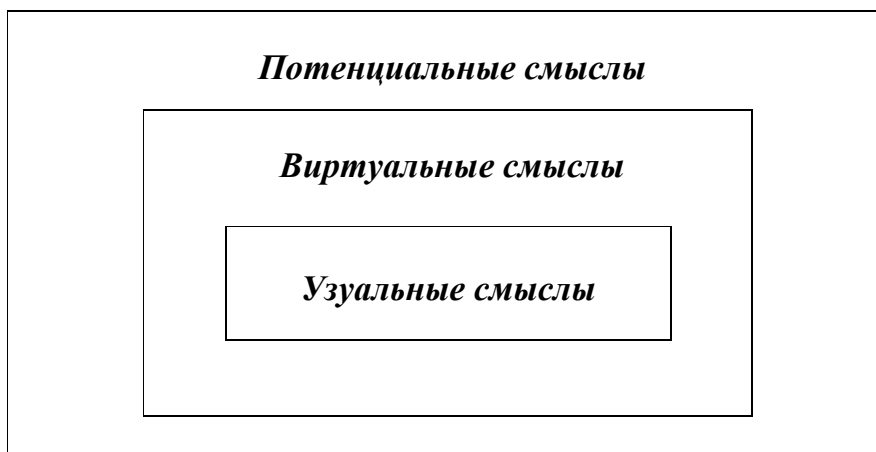
Дальнейшее последовательное противопоставление значения смыслу приводит к необходимости различать как единицы слово и лексему, которые нередко отождествляются. Если исходить из предложенного выше понимания слова, лексемой можно назвать единицу, которая образуется в результате соотнесения внутренней формы слова с узуальным смыслом, на который ассоциативно способна указывать данная внутренняя форма слова. Тогда тождественные лексемы, кроме тождественности внутренней формы, должны также обладать и тождественностью узуального смысла, т.е. словарного содержания. Так, слово *рогатый* может выражать смыслы: «обладающий рогами» (*рогатый бык*), «имеющий форму рога» (*рогатый сук*), «имеющий часть в виде рога» (*рогатая палка*). При таком понимании лексемы уместно говорить о развитии теории лексеμοобразования, которая должна изучать закономерности представления узуальных смыслов (словарных содержаний) с помощью данной внутренней формы.

Если взглянуть на современное состояние словообразования как раздела языкознания с предложенных позиций, оказывается, что фактически синхронное словообразование в большей степени занимается вопросами лексеμοобразования, поскольку, устанавливая отношения производности, в большинстве случаев оперирует смыслами слов. Причем морфемное строение слова при традиционном словообразовательном анализе не рассматривается в комплексе, а весь словообразовательный процесс сводится к взаимодействию значения производящей основы и значения словообразовательного средства, при этом исходят из того, что в рамках производного слова производящая основа сохраняет то же значение, что и в пределах производящего слова.

Но такая методика не даёт ответа на вопрос о том, каким образом значение отдельной морфемы связано со смыслом, выражаемым словом, в составе которого находится данная морфема. Более того, тезис о наличии «значения у основы» тоже не выглядит бесспорным, поскольку способность выражать какой-либо смысл обнаруживается у нее только в связи с определенным грамматическим показателем. Если принимать факт нали-

чия значения у производящей основы, мы должны исходить из того, что это значение должно сохраняться и в пределах производного слова. В тех случаях, когда основа совпадает с корнем, это условие соблюдается, но тогда, когда основа членима, вряд ли можно с уверенностью говорить о том, что взаимодействие между, например, суффиксом и корнем основы будет одинаковым при различном аффиксальном окружении. Например, в глаголах *крич-а-ть*, *кид-а-ть*, *лет-а-ть*, *бег-а-ть* суффикс *-а-* в сочетании с корневыми морфемами выражает значение отсутствия предельности действия, но уже в словах *за-крич-а-ть*, *за-кид-а-ть*, *за-лет-а-ть* (начать летать), *за-бег-а-ть* (начать бегать) под влиянием значения приставки значение суффикса указывает только на процессность (ср.: *залет*, *забег*). В то же время в глаголах *за-лет-а-ть* (за угол), *за-бег-а-ть* (за дом) значение отсутствия предельности действия сохраняется. Эти примеры свидетельствуют, что, устанавливая зависимость смысла словоформы от значения входящих в её состав морфем, необходимо рассматривать морфемное значение в пределах *всей* словоформы, то есть на уровне собственно слова в вышеуказанном понимании, а не на уровне отношения между производящей основой и словообразовательным средством. Таким образом, мы опять приходим к необходимости различать процесс образования внутренней формы слова и процесс связывания этой формы с выражаемым смыслом.

Связывание внутренней формы слова со смыслом, или, как мы назвали его, процесс лексемообразования, в свою очередь, будет зависеть от особенностей внутренней формы. Выявление особенностей внутренней формы позволит определить не только характер ее связи с *узвальными смыслами*, то есть теми смыслами, которые используются наиболее часто для выражения данной внутренней формой и поэтому не нуждаются в постоянном поиске ассоциативной связи, но и определить все поле *виртуальных смыслов*, которые воспринимаются носителями языка как фактически встречающиеся. Кроме того, открывается возможность очертить круг *потенциальных смыслов*, то есть всех возможных актуальных смыслов, которые могут быть выражены данной внутренней формой. В конечном счете мы получим определенную систему актуальных смыслов слова, образованную потенциальными смыслами, в рамках которых вычленяются виртуальные смыслы, внутри же виртуальных выделяются смыслы узальные. Схематически это можно представить следующим образом:

Из предложенной схемы видно, что окказиональными могут быть как потенциальные смыслы, так и виртуальные смыслы. Окказиональные смыслы в отличие от узуальных не фиксируются в словарях, исключение составляют словари языка отдельного писателя, поскольку нестандартность использования языковых единиц – безусловная примета художественного стиля. Но и окказиональные смыслы слова в конечном счете опираются на внутреннюю форму слова, хотя и присутствует нестандартность прочтения этой формы. Более того, очень часто художественный текст «обостряет» ощущение внутренней формы, делает ее более рельефной за счет яркости, «нестертости» ассоциативной связи в отличие от узуальных смыслов:

«Лафитные стаканы, яблоки в сверкающих **изломах** ваз, ломтики лимонов, крошки, крошки, чай...» [20, С. 205]

«Фигуру возницы **размыло** в глазах, в глаза мне мело сухим вьюжным снегом» [34, с.109]

«Справа **горбатое обглоданное поле**, слева чахлый перелесок, а возле него серые **дранные избы**, штук пять или шесть» [20, С. 72]

«Голова, **оголенная тифом**, была точь-в-точь описанная Твенем мальчишкина голова (яйцо, посыпанное перцем)» [20, С. 476]

Нетрудно заметить, что в приведенных примерах употребление выделенных слов в таком нестандартном окружении отталкивается прежде всего от потенциала внутренней формы, которая отдельными сторонами содержания способна на ассоциативной основе связываться с данными окказиональными смыслами. Так, внутренняя форма словоформы *излом* содержит компонент, указывающий на наличие четко выделяемой границы (ср.: *изгиб*), который достаточно легко по сходству увязывается со смыслом «*грань*»: *в изломах ваз*.

Внутреннюю форму слова *размыть* как результат взаимодействия приставки *раз-*, корня *-мы-*, суффикса *-ть* можно описать как «действие

мыть, результативно направленное на расчленение объекта». Поскольку, признак всегда метонимически связан с предметом, в пределах которого он проявляется, то объектом расчленяющего действия может быть как предмет: *вода размывла берег*, так и признак: *размытый красный* (цвет). В случае, когда в качестве объекта выступает признак, расчлененность понимается как ослабление степени признака (ср. также аналогичное применение признака расчлененности: *редкий кисель = неконцентрированный кисель*). Таким образом, в случае *фигуру ... размывло в глазах* мы имеем многоступенчатый ассоциативный переход и на основе метонимии, и на основе метафоры: метонимический переход наблюдаем в *фигура > признак видимости фигуры*, а метафорический – в *вода > слеза*. В конечном итоге получаем окказиональный смысл «плохо видимая фигура из-за слезящихся глаз», выраженный только средствами внутренней формы словоформы *размыло*.

В примере *горбатое обглоданное поле* внутренняя форма словоформы *горбатое* связана со смыслом «неровный» на метафорической основе, так как внутренняя форма «имеющий горб в качестве внешней части» имплицитно содержит указание на «неровность» как включенное в идею «горб». Более сложно связана со смыслом внутренняя форма слова *обглоданное*. Саму форму можно описать как указание на «акционально-навязанный признак по всесторонне направленному действию глодать». Ближайший узуальный смысл этой внутренней формы реализован в словосочетании *обглоданная кость*. В нашем примере *обглоданное поле* можно наблюдать следующие смысловые переходы по сходству: *то, что объели со всех сторон > не покрытый тем, чем был покрыт > голый > убранный (поле)*.

В случае *голова, оголенная тифом* окказиональный смысл «бритая голова» также выражается на основе внутренней формы словоформы *оголенный* «акционально-навязанный признак по действию, лишаящему покрытия» (ср.: *голый* – «признак отсутствия покрытия»). Здесь обнаруживаются такие смысловые переходы на основе замены гиперонимического понятия гипонимическим: *лишенная покрытия голова > покрытие = волосы > лишенная волос голова > бритая голова*.

Еще раз отметим, что во всех рассмотренных случаях выражение данных окказиональных смыслов строится на основе включения внутренней формы в нестандартный контекст, который, активизируя внутреннюю форму, делает выражение таких смыслов возможным. Таким образом, в условиях нестандартных контекстов отчетливее проступают стандартные черты внутренней формы, поэтому рассмотрение окказиональных смыслов при описании внутренней формы должно быть обязательной составляющей процедуры анализа содержания внутренней формы. Это в конечном счете объяснит и случаи употребления ряда узуальных смыслов при одной

внутренней форме тогда, когда ассоциативная связь внутренней формы и смысла оказывается стертой.

Стертость ассоциативной связи внутренней формы с большинством узуальных смыслов является следствием их постоянной воспроизводимости, существования в «готовом» виде в сознании всех носителей языка как самих узуальных смыслов, так и ассоциаций, на основе которых данная форма связывается с данным смыслом. Иными словами, причина неявности связи внутренней формы слова с узуальным смыслом кроется в социальности и внутренней формы, и узуальных смыслов. В этом отношении обостренность восприятия внутренней формы при окказиональном смысле не только проясняет саму внутреннюю форму, но и доказывает факт её «живости». Из этого можно сделать вывод о том, что стертость ассоциативной связи внутренней формы с узуальным смыслом еще не является признаком «гибели» внутренней формы.

Выделение узуальных смыслов в сфере потенциальных смыслов, способных быть выраженными средствами данной внутренней формы, закономерно ставит вопрос о выявлении некоторых закономерностей, в рамках которых происходит стандартное связывание конкретной внутренней формы с конкретным узуальным смыслом, или, иными словами, вопрос о лексеообразовательных моделях. В конечном счете мы получим достаточно развернутую картину отношений между лексеообразовательными и словообразовательными моделями, то есть моделями, по которым построены внутренние формы слов.

Так, например, слова *учитель, водитель, собиратель, исследователь, накопитель, наниматель, выключатель, толкатель, сеятель, рассеиватель, рассекатель* и подобные могут рассматриваться как относящиеся к одной словообразовательной модели на том основании, что внутренняя форма этих слов устроена по одному принципу: глагольный корень в сочетании с аспектуально-видовыми аффиксами указывает на действие и его характер, а аффикс *-тель-* в сочетании с флексией – на субъект, которому приписывается данное действие. В результате имеем внутреннюю форму «*производитель конкретного действия*».

В качестве производителя конкретного действия в реальной действительности прежде всего понимается человек как носитель активного начала. Поскольку для человека не типично выполнение только одного конкретного действия, то применительно к нему данная внутренняя форма интерпретируется не как указание на тот факт, что человек в данный момент производит конкретное действия, а как указание на постоянную способность выполнять данное действие, то есть на род профессиональной деятельности через указание на *наиболее типичное* действие, свойственное данной профессии.

Но в системе *человек – действие* человек, являясь деятелем, одновременно использует себя как средство, с помощью которого он выполняет данное действие. Устойчивость метонимической ассоциативной связи производителя действия и средства действия позволяет использовать слова с рассматриваемой внутренней формой не только для выражения смысла о человеке, выполняющем какое-либо действие, но и для указания на смысл о предмете, с помощью которого выполняется конкретное действие, то есть на инструмент или механизм, предназначенный для выполнения одного действия. Таким образом, при данной внутренней форме обнаруживается, по крайней мере, три лексеообразовательные модели: название человека по роду профессиональной деятельности: *учитель, водитель, собиратель, исследователь, наниматель, сеятель*; название однофункционального инструмента: *выключатель, рассеиватель, рассекатель* и название однофункциональной части механизма: *накопитель, толкатель*.

Не трудно заметить, что подобные лексеообразовательные модели рассматриваются в традиционном словообразовании как словообразовательные модели. Но однотипность внутренних форм этих моделей при этом понимается только как тождественность способа словообразования – суффиксального, а сами словообразовательные модели дифференцируются на основе словообразовательного значения суффикса, причем за словообразовательное значение фактически выдается часть выражаемого узуального смысла. Неразличение при таком подходе уровней значений морфем и смыслов приводит к тому, что понятие словообразовательного процесса лишь отчасти захватывает уровень значений морфем и затрагивает его только настолько, чтобы объяснить выводимость узуального смысла одного слова из узуального смысла другого.

Разделение в теории словообразовательного процесса на морфологический, с использованием морфологических средств, и неморфологический, без использования таковых, отчетливо демонстрирует неразличение процесса формирования внутренней формы слова и процесса взаимодействия этой внутренней формы с узуальным (и не только) смыслом. Само понимание неморфологических способов как способов словообразования, на наш взгляд, неуместно. Но даже если соглашаться с тем, что неморфологические способы – это все-таки способы словообразования, становится непонятной некоторая избирательность в оценке роли грамматических показателей в словообразовательном процессе. Почему в случае с морфологическими способами словообразования грамматическому аффиксу отказано в словообразовательной функции, а в случае, например, с субстантивацией, адвербиализацией, адъективацией и другими случаями «перехода» одной части речи в другую в качестве словообразовательного средства рассматриваются именно грамматические показатели: закрепленность рода

при субстантивации, утрата вида и залога при адъективации, приобретенная неизменяемость при адвербиализации? Совершенно очевидно, что случаи неморфологического словообразования есть не что иное, как случаи лексеообразования, поскольку при данной внутренней форме начинают использоваться сначала окказионально, а со временем и узуально новые смыслы, дополняя список узуальных смыслов или вытесняя старые, как, например, в случае с *портной, горничная, парикмахерская*.

Среди всех случаев «перехода» в другую часть речи субстантивация первой стала рассматриваться именно как способ словообразования, хотя с точки зрения внутренней формы нового слова как раз не образуется. Если разграничивать собственно словообразовательный уровень и уровень лексеообразования, то, очевидно, в случае с субстантивацией правильной говорить о продуктивном *способе лексеообразования*, внутри которого сложились достаточно активные лексеообразовательные модели, которые мы рассмотрим во второй части нашей работы.

В явлении субстантивации как в лексеообразовательном явлении усматриваются явные черты *скрытой смысловой деривации*. Термин «скрытая смысловая деривация» впервые введен Г.П. Мельниковым в работе «Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики» [106] применительно к деривации в плане субстанции содержания, а не формы содержания, т.е. деривации смысла, а не значения. Скрытость подобной деривации обнаруживается в отсутствии ее «материального, то есть морфемного, формального выражения» при наличии деривационной структуры со своим исходным элементом и иерархии производных элементов. Вот что в этой связи пишет Г.П. Мельников: «Четкое и постоянное противопоставление формы плана содержания субстанции плана содержания, т. е. значения – смыслу, – одно из ключевых положений излагаемой концепции деривации».

Отсюда: смысловая деривация – это деривация в плане содержания, а не формы содержания, т.е. деривация смысла, а не значения, хотя уточнение смысловой деривации поможет нам вскрыть некоторые стороны деривации значения.

Когда говорят о деривации, то имеют в виду, прежде всего, такое варьирование формы языкового знака (например, слова), при котором часть этой формы (например, корень) остается инвариантной и воспринимается как выразитель также инвариантной и при этом «главенствующей» части содержания, исходной и производной формы знака. Без описания подобных способов деривации, которые можно назвать *морфологическими*, немислима, пожалуй, даже самая краткая грамматика какого-либо языка.

Например, в словообразовании, получившем в последнее время статус самостоятельной дисциплины, интенсивно исследуются законы именно морфологической деривации.

Однако, как отмечал Л.В. Щерба, «образование новых понятий» может достигаться «путем нового применения старых слов», т.е. варьирование семантики слова может протекать без варьирования его формы. Этот вид деривации (одну из форм которого С.Д. Кацнельсон называет «семеообразованием»), не получающей «материального, то есть морфемного, формального выражения», но имеющей «деривационную структуру» со своим исходным элементом и иерархией производных элементов, мы и будем называть скрытой деривацией» [106, С. 64–65].

Поскольку субстантивированные прилагательные (причастия) и прилагательные (причастия) в атрибутивной функции тождественны с точки зрения их типичной внутренней формы, их можно рассматривать как тождественные слова. Однако при субстантивном употреблении данных слов выражаемый ими узуальный смысл отличается от смысла, выражаемого при их атрибутивном использовании, следовательно, в данном случае уместно говорить о наличии двух самостоятельных лексем, и перед нами «классический» случай скрытой смысловой деривации. Именно этот факт склоняет нас к мысли о субстантивации как о способе лексеообразования, а не как о способе словообразования в нашем понимании.

Из всего сказанного выше совершенно очевидно, что выражаемый словом смысл тесно связан с внутренней формой слова, поэтому взгляд на субстантивацию как на явление лексеообразования не отменяет необходимости изучения типичных внутренних форм прилагательных и причастий, а причину широкого субстантивного использования прилагательных и причастий следует искать именно в особенностях строения их внутренней формы. Наше пристальное внимание к особенностям устройства внутренней формы прилагательных и причастий, стремление объяснить суть их субстантивного употребления вызвано еще и тем, что среди всех случаев субстантивации субстантивация прилагательных и причастий абсолютный лидер, и это лидерство кажется нам вполне закономерным, а не случайным. Это мы и попытаемся подтвердить во второй части нашего исследования.

2. СУБСТАНТИВАЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И СЛОВООБРАЗОВА- ТЕЛЬНОГО ПЛАНА

2.1 Явление субстантивации как объект изучения в отечествен- ном языкознании

В лексиконе русского языка особое место занимает группа слов прилагательного склонения, которые осознаются и реализуются в речи носителями языка как имена существительные. Проблема использования прилагательных и причастий в качестве существительных сама по себе не нова, этому явлению, как и вообще проблеме взаимозаменяемости частей речи, посвящена обширная лингвистическая литература. Субстантивное использование прилагательных и причастий, а также других частей речи известно в языкознании как явление субстантивации. За субстантивированными прилагательными закрепилось название «субстантиваты» (считаем возможным использование данного термина при дальнейшем изложении ввиду его краткости).

Сущность процесса субстантивации, по мнению многих, состоит в том, что в языке складывается определенный фонд слов, которые, сохраняя морфологическую форму прилагательного или причастия, утрачивают, как считается, свое лексико-грамматическое основное значение – значение признака, выраженного непосредственно или через отношение к другому предмету. Эти прилагательные и причастия приобретают предметное значение и «переходят» в класс имен существительных.

Многие исследователи, занимаясь изучением явления субстантивации, так и не пришли к единству мнения в решении вопросов о возможности перехода прилагательных и причастий в имена существительные, о причинах этого перехода, о семантических и грамматических особенностях субстантивированных прилагательных и причастий.

Н.И. Греч [39] в свое время рассматривал субстантивацию прилагательных как результат «опущения» одних частей речи и замены их другими частями речи, когда в одних случаях новая часть речи целиком принимает свойства опущенной, к таким случаям он относил, например, слова *зодчий*, *обозный*, а в других случаях при новой части речи она только подразумевается, как, например, в словах *гостиняя*, *слепой*. Но в обоих случаях, по его мнению, прилагательное не переходит окончательно в категорию существительного, так как не приобретает присущих имени существительному свойств.

А.Х. Востоков [28], хотя и отмечал, что прилагательные способны употребляться «в виде существительных», но подробно этого вопроса не рассматривал. Больше внимание он уделил целому ряду названий городов, которые произошли из притяжательных прилагательных и склоняются по образцу имен существительных.

Ф.И. Буслаев, отмечал, подобно Н.И. Гречу, способность русского языка опускать ту или иную часть речи, «которая легко может быть подразумеваема», считает, что опущенное существительное подразумевается только при прилагательных мужского и женского рода: эти два рода «заставляют подразумевать какой-нибудь определенный предмет». А при прилагательных среднего рода невозможно подразумевать определенный предмет: средний род «не рисует нашему воображению никакого предмета и способствует отвлеченному мышлению» [23; С. 202–203].

Рассматривая пути образования субстантиватов, А.А. Шахматов в основном исходил из взглядов на субстантивацию А.А. Потемни, на которых мы остановимся подробнее ниже. А.А. Шахматов считал, что субстантивированные прилагательные не всегда происходят из сочетания прилагательного и существительного: «Прилагательное в форме мужского, женского и среднего родов переходит в существительное, как только мыслится вне сочетания с существительным; частью это может объясниться пропуском соответствующего существительного, но в значительном числе случаев, особенно при субстантивированных прилагательных среднего рода, о пропуске не может быть и речи» [193; С. 421].

Шахматов полагал, что при субстантивации прилагательных определяющим фактором является синтаксический, а не морфологический фактор, доказывая это тезисом о том, что «перейти в существительное может всякая часть речи в функции подлежащего и дополнения». Такая точка зрения в целом не удивительна, если исходить из того, что для А.А. Шахматова синтаксический критерий выделения частей речи был определяющим.

А.А. Пешковский рассматривал процесс переходности широко – не только среди прилагательных, но и в сфере других частей речи. Он полагал, что существительные могут заменяться прилагательными в силу того, что «в прилагательном вообще признак изображается не сам по себе, а как заложенный в предмете, а потому в нем заключено и смутное указание на самый предмет, в котором заложен данный признак» [136; С. 140]

Пешковский отметил, что любое прилагательное способно заменить собой существительное, но полное уподобление прилагательного существительному происходит лишь в том случае, когда данное прилагательное уже не употребляется в языке в собственно атрибутивной функции. При переходе прилагательного в существительное, как считал Пешковский,

происходит сужение его значения, и «этим сужением объясняется ненужность для грамматической мысли существительного» [там же]. Он также отмечал значительную роль контекста в сужении значения прилагательного.

В свою очередь В.В. Виноградов считал, что субстантивации имен прилагательных в современном русском языке способствует меньшая конкретность их значений по сравнению со значением имен существительных, а в связи с этим и больший объем связей с именами существительными. При субстантивации, по мнению Виноградова, происходит некоторые изменения не только в области семантики, но и в сфере их структуры и морфологических свойств, в частности «окончания прилагательных, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями – суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» [26; С.185].

Такое пристальное внимание классиков отечественного языкознания к явлению субстантивации заложило основу дальнейшего изучения этого явления, и начиная с сороковых годов прошлого века наблюдается устойчивый интерес к этой проблеме, который не ослабевает по сей день, несмотря на внушительное количество научных работ, посвященных данной тематике. Отметим наиболее значимые из них.

А.С. Бедняков написал две статьи, посвященные вопросу переходности в современном русском языке. Он считал, что «явление переходности связаны с развитием аналитических элементов в грамматическом строе русского языка» [16; С. 29 – 30].

В своей диссертации С.Д. Липкин обратил внимание на неодинаковую способность к субстантивации качественных и относительных прилагательных, признавая за относительными прилагательными большую способность к субстантивации в сравнении с качественными прилагательными. Качественные прилагательные, «хотя и субстантивируются во всех родах, но редко становятся существительными», потому что «семантика качественных прилагательных является более широкой, чем семантика прилагательных относительных, которые в самой своей лексике несут конкретное значение» [78; С. 141]. В зависимости от способности прилагательных к субстантивации Липкин наметил четыре типа субстантивированных прилагательных: 1) прилагательные с начальной субстантивацией; 2) атрибутивно-субстантивные прилагательные; 3) прилагательные с завершившейся субстантивацией; 4) прилагательные с законченной субстантивацией. Автор рассматривает семантику субстантивированных прилагательных, их морфологические особенности и синтаксические функции, при этом он считал весь класс субстантиваторов «качественно новой субстантивной грамматической категорией» [78; С. 141].

В качестве основной задачи своей работы И.М. Подгаецкая рассматривала «установление основных лексико-грамматических разрядов субстантивированных прилагательных и причастий, которые лексически дополняют и расширяют категорию существительного, а также характера их взаимодействий с суффиксальной системой существительных и аббревиатурой» [14; С. 51]. В своем труде автор на основе общности свойств выделил три основные лексико-грамматические категории субстантивированных прилагательных и причастий:

1. Со значением лица;
2. Предметного значения;
3. Абстрактного значения среднего рода.

И.М. Подгаецкая исходит из того, что субстантивированные прилагательные и причастия не образуют какую-то особую, новую категорию, как считает Липкин, а лексически дополняют и расширяют категорию существительного.

О.М. Доконова в своей диссертации «Субстантивация прилагательных и причастий в древнерусском языке» [44] отмечает, что при субстантивации прилагательные становятся названием предмета или лица, а некоторые из них, употребленные в форме среднего рода, обозначают отвлеченные понятия, что соотносится с концепцией Подгаецкой. Автор разделяет мнение предшественников о том, что переход прилагательных в категорию существительных нередко сопровождается сужением и конкретизацией их лексического смысла в силу тех или иных причин, но не изменением этого смысла.

Говоря о различной степени субстантивации прилагательных и причастий Доконова выделяет только два типа субстантивированных прилагательных: 1) обладающие полной степенью субстантивности (они навсегда утратили свое основное значение признака, приобрели предметное значение и целиком перешли в класс имен существительных; 2) обладающие неполной степенью субстантивности (они обладают способностью в одних случаях выступать в качественном значении, а в других с предметным). Кроме того, автор, рассматривая морфологическую структуру субстантиватов, устанавливает, что встречаются простые, сложные, однокоренные, двукоренные субстантивированные прилагательные и причастия.

А.М. Барзилович [11] объектом своего исследования определил «существительные прилагательного склонения» и делит субстантивированные прилагательные на две группы: 1) существительные адъективного склонения; 2) субстантивированные в данном контексте прилагательные. Автор подробно останавливался на синтаксической роли существительных прилагательного склонения, рассматривал их лексико-грамматическое значение, а также видел три пути образования существительных прилагательно-

го склонения: морфолого-синтаксический, лексико-грамматический, морфолого-лексический.

И.Ф. Протченко [149] в статье «О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица» дает обзор субстантивированных прилагательных и причастий со значением лица, выделяет основные группы по смысловому признаку и по степени субстантивации, отмечает особенности употребления, синтаксические функции данных слов, выявляет наличие параллельных мужских и женских наименований. Протченко заостряет внимание на последнем обстоятельстве, поскольку до него эти наименования не рассматривались как самостоятельные лексемы.

Статья В.М. Маркова «К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке» [96] обострила дискуссию вокруг субстантивации прилагательных и причастий. В данной статье он изложил свое понимание вопроса и подверг сомнению некоторые принятые до него положения. В частности, он полагал, что встречающиеся с древнейших времен в славянских письменных источниках имена, которые по внешнему виду напоминают прилагательные среднего рода, «не дают нам никакого основания для того, чтобы видеть в данном случае переход одной части речи в другую, то есть то, что принято называть субстантивацией». Марков считал, что здесь имеет место обычное словообразование, когда от прилагательного образуется соответствующее существительное, при этом автор не отрицает того, что в ряде случаев действительно происходит то, что может быть названо субстантивацией, которая связана с сужением области употребления прилагательного. Автор настаивал, чтобы данный способ образования имен существительных четко и постоянно противопоставлялся морфологическому.

Очевидно, именно эти соображения подтолкнули В.В. Лопатина к идее о субстантивации как способе словообразования. В своей работе «Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке» он фактически развел понятия субстантивации и перехода прилагательных в существительные. Он считал, что субстантивацию прилагательных иногда неточно называют переходом прилагательных в существительные: «О переходе существительных в прилагательные можно говорить лишь применительно к тем словам, которые утратили в процессе исторического употребления соотносительные омонимичные прилагательные (*портной, горничная* и т.п.)» [82; С. 206].

Таким образом, субстантивация и переход различных частей речи в существительные – это, по Лопатину, два разных, несовместимых понятия. Тем не менее, именно с В.В. Лопатина в отечественном языкознании окончательно закрепился взгляд на субстантивацию прилагательных и причастий как на неморфологический способ словообразования. Все дальнейшие

исследования лежат в целом в русле именно этой концепции, развивая ее отдельные стороны, а все спорные моменты в основном сводятся к установлению границ субстантивации как способа словообразования.

Последняя более или менее системная академическая Грамматика – 80 рассматривает субстантивацию прилагательных и причастий как способ словообразования, при котором в качестве форманта используется система флексий мотивированного слова (существительного), представляющая собой часть системы флексий мотивирующего (прилагательного или причастия) – систему флексий одного грамматического рода или только множественного числа [37, С. 139]

Авторы Грамматики – 80 считают, что для этого способа словообразования характерно отсутствие структурных ограничений и морфологических различных средств.

В рамках существительных адъективного склонения мужского рода составляют два типа:

1) существительные со значением лица (продуктивный тип): *часовой, ездовой*;

2) существительные – названия животных (непродуктивный): *серый, буланый, косой*.

Среди существительных адъективного склонения женского рода выделяются три типа:

1) существительные со значением помещения: *дизельная, парикмахерская, сварочная*;

2) существительные со значением «официальная бумага»: *купчая, похоронная*;

3) существительные со значением одной части от целого (в дробях): *пятая, шестая*.

Среди существительных адъективного склонения среднего рода выделяются шесть типов:

1) существительные с обобщенным значением явления: *новое, бывшее, старое*;

2) существительные со значением одежды: *штатское*;

3) существительные со значением блюда или лекарства: *жаркое, снотворное*;

4) существительные со значением единиц классификации: *насекомое, членистоногое*;

5) существительные со значением названий населенных пунктов негородского типа: *Доброе, Заозерное*;

6) существительные со значением пошлин и платежей: *отступное, подушное* [37, С. 239].

В отдельную группу субстантиватов выделяются слова *pluralia tantum* со значением денег и платежей: *суточные, командировочные*.

Кроме указанных групп, авторы Грамматики – 80 выделяют эллиптическую субстантивацию. К эллиптической субстантивации они относят мотивированные прилагательными существительные, синонимичные словосочетаниям с мотивирующими прилагательными в качестве определяющего слова. Таким образованиям присваивается родовая система флексий в соответствии с родом опускаемого существительного: *скорый, пассажирский, машинное, майские*. К эллиптической субстантивации относятся и собственные имена-топонимы, названия станций, улиц, предприятий, средств передвижения: *Звездный, Малый (театр), Советская (улица), «Храбрый»* [37; С. 241].

Однако, несмотря на внушительное количество работ, посвященных данной тематике, за рамками исследований до сих пор остается вопрос о том, почему русский язык, обладая такой развитой системой аффиксов, способных в сочетании с корнем образовать «полноценное» существительное, в ряде случаев настойчиво предлагает форму прилагательного или причастия и качестве существительного? Исследования, проводимые по сопоставлению субстантиватов и соотносительных с ними суффиксальных существительных (*сварной - сварщик, рабочий - работник*), хотя и затрагивают данную проблему, но не дают ответа на поставленный вопрос, ограничиваясь объяснениями, с которыми трудно согласиться.

Так, отдельные исследователи активность и «живучесть» субстантиватов в языке пытаются объяснить стремлением к экономии языковых средств, удобством выражения определенного качества, а также тем, что «использование элементов суффиксальной системы существительного для опредмеченного выражении признака вызывает известные затруднения» [139, С. 298].

Соглашаясь с тем, что субстантиват во многих случаях «экономнее» и «проще» соотносительного с ним существительного, позволим себе не согласиться с тем, что перечисленные качества субстантиватов являются причиной их возникновения; все это лишь следствия процесса, истоки которого лежат гораздо глубже, чем это кажется при рассмотрении вопроса вне системы языка в целом.

Достаточное количество работ по данной тематике позволяет обобщить накопленный опыт, а также выяснить те вопросы, ответы на которые остаются за границами этих исследований, и предложить пути их решения.

Многие ученые, занимаясь проблемой субстантивации, в своих построениях отталкиваются от учения А.А. Потемни, справедливо указывая на то, что он был одним из первых, кто с должной обстоятельностью и полнотой рассмотрел вопросы, связанные с субстантивацией и развитием

субстантиватов. Однако, ссылаясь на А.А. Потебню и цитируя его в своих работах, исследователи зачастую опираются только на те моменты его концепции, которые не противоречат их собственному пониманию проблемы, другие же либо игнорируются, либо им не уделяется достаточного внимания. В результате этого значительная часть накопившегося положительного опыта остается невостребованной и не синтезированной, несмотря на ее высокий потенциал, способный обеспечить дальнейшее эффективное изучение данной проблемы. Все это вынуждает нас, в надежде избежать ошибок наших предшественников, также обратиться к трудам А.А. Потебни, дабы максимально использовать его плодотворные идеи в своем исследовании.

2.2 Концепция А.А. Потебни. Пути образования субстантиватов

Коль скоро, говоря о субстантивации прилагательных и причастий, мы имеем дело с их использованием в качестве существительного, полезно вспомнить, что А.А. Потебня понимал под существительным и прилагательным.

«Существительное, т.е. слово, способное быть определяемым (средством прилагательного) подлежащим и дополнением, есть грамматическое название *вещи* – субстанции, субъекта и объекта» [146; С. 6]. Под вещью А.А. Потебня понимает «связку явлений (качеств, сил), которую мы рассматриваем отдельно от других связок. Единство такой связки состоит в том, что мы принуждены (временно, на сей раз, или постоянно) относить составляющие ее явления к одному средоточию, *субстанции*, чему-то представляемому носителем и источником (причиной) этих явлений. Таким образом, в мысли о субстанции дана мысль о причинности. Это нечто познаваемое только в своих замещениях, т.е. явлениях; само же по себе стоит за пределами познания» [146; С. 6].

Под грамматическим термином *прилагательное* А.А. Потебня понимает «название признака, находящегося в вещи, определение существительного, атрибут» и соотносит его с категорией качества или свойства *вещи*, т.е. «силы в спокойном состоянии». В понимании А.А. Потебни вещь и качество суть категории неразрывно связанные, так, «чтобы говорить (и думать) о качестве независимо от того, в чем оно находится, нужно его выразить существительным производным» [146; С. 17] и далее – «вещь и качество – пара особей, и если действие вещи зависит от качества, то, значит, действует не сама вещь, а ее качество...» [146; С. 20]. Более того, как считает А.А. Потебня, было время, когда качество, свойство воспринималось и мыслилось как вещь, и из этого он делает вывод о первичности

существительного и производности из него прилагательного. Причину возникновения прилагательного из существительного А.А. Потебня видит в атрибутивном употреблении существительного, точнее говоря, «первообразного» имени, которое еще не было расчленено на существительное и прилагательное и выражало вещь или признак в зависимости от синтаксической функции. Эти генетические связи существительного и прилагательного позволяют и в настоящее время объединять их в одной категории имени и безразлично противопоставлять их глаголу.

Из всего вышесказанного относительно концепции А.А. Потебни выделим два, на наш взгляд, существенных момента, которые в дальнейшем помогут глубже понять сущность явления субстантивации. Во-первых, отметив способность существительного и прилагательного безразлично противопоставляться глаголу, вспомним, что для русского языка характерно установленное А.А. Потебней усиление противоположности имени и глагола; уже в этом, как нам кажется, состоит предрасположенность прилагательных к субстантивации. И, во-вторых, обратим внимание на понимание субстанции как источника (причины) явлений (качеств, сил).

Таким образом, если субстанция есть причина качества, а качество - следствие субстанции, тогда, используя имя качества (напр.: прилагательное) для называния субстанции, мы можем надеяться на то, что при определенных условиях слушающий воспримет это имя не только как намек на качество, но и как намек на субстанцию, которая послужила причиной этого качества. Вместе с тем возникает трудность, которая состоит в том, что одно качество как следствие может быть вызвано несколькими причинами. Так, *красный* (цвет) может быть следствием *пламени, вишни, яблока, помидора, платья* и т.д.: *красное пламя, красная вишня, красное яблоко, красный помидор, красное платье*. Но эта трудность снимается по мере сокращения числа причин, порождающих это следствие: чем меньше причин, тем выше вероятность угадывания этих причин через их следствие. Сокращение же числа причин происходит ввиду некоторых обстоятельств, о которых мы скажем позднее.

По этому поводу А.А. Потебня пишет: «При нашем состоянии мысли, характеризуемом резким разделением категорий вещи и качества, отношения, вопрос, к какой вещи должен быть отнесен признак в «криво» (что?), неразрешим, ибо нам представляется возможность множества различных его решений... Однако и соображение и наблюдение показывает, что чем теснее круг говорящих и круг их мыслей, тем определеннее для них их намеки, кажущиеся со стороны непонятными... Чем меньше мыслимых вещей, тем легче и безошибочнее можно узнать, к которой из них относится признак в слове; тем менее побуждений отделять признак от

вещи, т.е. прилагательное от существительного, ибо тем легче имя будет принято за имя вещи» [146; С.45 – 46].

В образовании существительных от прилагательных без каких-либо материально выраженных словообразовательных элементов А.А. Потебня различал два случая:

«А. Обычное и потому легко подразумеваемое определяемое существительное опускается, передавая определительному прилагательному свое значение: сначала «*портной швец*» или «*портной мастер*»... потом сущ. *портной*» [146; С. 42].

А.А. Потебня в этом случае усматривает аналогию с опущением в паре существительное + атрибутивное существительное определяемого существительного и передачей им своего значения определительному существительному: *лице* - из мед *лице* или из месяц *лице* (пример Потебни).

В. Однако опускаемое определяемое восстанавливается и нуждается в восстановлении не всегда, «чем отвлеченнее опускаемое определяемое, тем труднее его восстановить» [146; С.45]. И в связи с этим А.А. Потебня выделяет второй случай субстантивации, при котором не было опущения определяемого. Основанием для такой субстантивации служит, как он считает, узость кругозора, ограниченность числа мыслимых вещей, если «известно то, что речь идет о людях, известные прилагательные, прилагаемые к людям, сами собою, не нуждаясь в определительных и их опущении, являются существительными» [146; С. 46].

Несмотря на то, что А.А. Потебня выделяет два пути субстантивации, он не противопоставляет их друг другу и видит единое основание в обоих случаях, полагая, что «образование существительных от прилагательных состоит в переходе от того состояния мысли, когда качественное имя прилагается к разнородным вещам, служа только непосредственным или предикативным атрибутом, к тому состоянию, когда оно начинает прилагаться лишь к одной вещи или многим, но однородным и становится субъектом или объектом» [146; С. 59].

Не совсем понятно, что А.А. Потебня понимает под передачей определяемым своего значения определяющему, есть ли это только результат длительного совместного употребления и простого включения значения определяемого в значение определяющего, как считают некоторые исследователи, относя этот случай к явлению диахронического плана; или возможность такой «передачи» обусловлена другими причинами, которые поддерживали и поддерживают всю группу субстантиватов в целом.

Коль скоро мы говорим о значении, мы имеем дело с планом содержания, который, с точки зрения системной лингвистики, наряду со значениями образован и компонентами смысла, причем значение выступает как единица формы плана содержания, а смысл – как единица субстанции пла-

на содержания. Ввиду того, что смысл первичен, т.к. именно мысль стремится быть выраженной средствами языка, все изменения в области значений имеют своей причиной изменения в области смыслов, и основу «передачи значения» следует искать именно там.

Хотя А.А. Потенбя и рассматривает образование существительных от прилагательных как переход от одного «состояния мысли» к другому, он не называет причин побуждающих к этому переходу. Ограниченность числа мыслимых вещей и как результат – узость кругозора также, на наш взгляд, не есть причина, вызывающая субстантивацию, а скорее – предрасположенность к ней. Непроработанность причинной стороны субстантивации никоим образом не умаляет значимости положений А.А. Потенбя, т.к. данная проблема рассматривалась им лишь в связи с вопросом о происхождении имени прилагательного. Если же воспринять его концепцию в целостном, а не в расчлененном (как это иногда бывает) виде, то обнаруживается ее высокая продуктивность, открытость для дальнейшего развития, и последующие исследования убедительно доказывают это. Далее мы попытаемся обобщить и систематизировать накопленный опыт, критически его осмыслить и предложить свое понимание проблемы субстантивного использования прилагательных и причастий.

Говоря о двух случаях образования субстантиватов, А.А. Потенбя не мог предполагать, что в дальнейшем вопрос об опущении определяемого существительного станет поводом для разногласий и разделит исследователей в их определении сущности субстантивации.

Так, разграничивая эти два случая, некоторые авторы вводят понятие «подлинной и ложной субстантивации» и противопоставляют субстантивацию как исторический процесс и словообразование по модели, считая, что во втором случае мы имеем дело не с морфолого-синтаксическим, а с морфологическим словообразованием и в данном случае уже нельзя говорить о субстантивации. В.Н. Мигирин рассматривает субстантивацию прилагательных и причастий только как постепенный процесс [110; С. 311], В.М. Марков считает, что «само понятие субстантивации предполагает исторический подход к материалу» [96; С. 95] Л.И. Ройзензон называет образование субстантиватов по модели «ложной субстантивацией» [158; С. 123]. Наиболее категорично по этому поводу выразился М.Ф. Лукин: «Было опущение существительного – значит можно говорить о субстантивации прилагательного и причастия, не было опущения – значит не было и субстантивации» [87; С. 41].

О правомерности такого противопоставления справедливо высказался В.В. Лопатин: «Все существительные прилагательного склонения, мотивированные омонимичными прилагательными, представляют собой структурное единство и группируются в системе языка в определенные

типы (модели). Подчеркивание различия «постепенной» и «мгновенной» субстантивации уводит в сторону от описания словообразовательной системы, подменяет задачу такого описания задачей выяснения исторических путей образования слов (сама эта задача очень сложна и для некоторых слов вряд ли разрешима)» [82; С.208 – 209].

От себя добавим, что расчленение лексического фонда субстантиватов по тому или иному признаку приводит к сокращению обозреваемого материала и в результате – к ошибочным выводам, т.к. часть фактов остается вне поля зрения, что мешает установлению подлинных системных отношений.

На самом деле не так уж важно, каким способом образован рассматриваемый субстантиват – через опущение определяемого существительного или по модели – без опущения. Во всяком случае, на наш взгляд, вопрос этот – второстепенный, гораздо важнее выяснить причину опущения определяемого слова при эллиптической субстантивации и неупотребление, а порой и невозможность подстановки последнего во втором случае.

Причину эту мы видим в потребности специфического (отличного от того, как это бывает в случае с обычным, формально оформленным существительным) способа представления вещи, субстанции, который выражает некоторое своеобразие свойств называемой субстантиватом вещи по отношению к другим вещам. Сущность этой специфики мы попытаемся определить позднее, сейчас же ограничимся лишь констатацией наличия такой специфики, ибо, на наш взгляд, не вызывает сомнения, что и *слепец* и *слепой*, называя одно лицо, представляют его в различных своих проявлениях, тем более, что на нетождественность субстантивата и соотносительного с ним существительного указывают и другие исследователи: «суффиксальные существительные воспринимаются нами иначе, чем соотносительные с ними субстантиваты... Если мы произведем замену, она не будет вполне идентичной» [130; С. 9]. Кроме того, отсутствие в языке полных, абсолютных синонимов также, правда, опосредованно, свидетельствует о наличии у всего класса субстантиватов в целом характерных, присущих только ему, особенностей, причем формальным показателем этих особенностей будет выступать именно их адъективное склонение.

2.3 Соотношение субстантиватов и имени существительного

Нет единства и в вопросе о том, является ли субстантивация переходом слова из разряда прилагательного или причастия в разряд существительного, или это лишь субстантивное использование имени прилагательного и причастия.

Так, А.С. Бедняков понимает под переходностью «такое явление в языке, когда какое-либо слово или разряд родственных слов, сохраняя свои внешние морфологические формы, прикрепляющие их к той или иной части речи, благодаря смене синтаксических функций теряют свою прежнюю принадлежность и начинают выполнять функцию другой части речи» [16; С. 29]. Говоря о том, что такой переход осуществляется не сразу, а постепенно, А.С. Бедняков выделяет четыре степени переходности:

1. «... слово окончательно перешло в новую категорию, и тогда мы никакой переходности не видим, так как слово уже растеряло все свои особенности, прикреплявшие его к прежней грамматической категории.

2. Может быть и так, что слово, переходя в новую категорию, потеряло только часть своих грамматических особенностей и употребляется еще в своем прежнем грамматическом значении.

3. Может быть так, что слово в одинаковой мере проявляется и в старой, и в новой своей морфологической принадлежности.

4. Наконец, возможны случаи, когда процесс перехода совершается, что называется, на наших глазах» [16; С. 29].

Причину «переходности» грамматических категорий в языке А.С. Бедняков видит в «тех смещениях и изменениях синтаксических функций, которые претерпевает слово в речи» [16; С. 29]. Заметим, однако, что в этом определении причина подменяется следствием, т.к. смещение синтаксических функций в данном случае вторично, причина же, вызывающая эти «смещения», опять остается неопределенной.

М.Ф. Лукин, пытаясь усовершенствовать это определение, замечает, что «игнорировать лексическое значение трансформирующихся слов никак нельзя, потому что переход слов начинается большей частью с изменения их семантики, обусловленной метафорическим словоупотреблением» [87; С. 10]. Это замечание уже приближает нас к решению вопроса о причине субстантивации, но не снимает его полностью ввиду того, что остаются неясными как характер подобных семантических преобразований, так и то, чем они вызваны.

Другая часть исследователей склонна рассматривать субстантивацию прилагательного и причастия не как переход из одной части речи в другую, а как *использование* прилагательных и причастий для обозначения

субстанции. И.М. Подгаецкая, в частности, пишет: «Субстантивация – это использование прилагательных, причастий для выражения категории предметности» [140; С. 291].

В.В. Лопатин, рассматривая субстантивацию как способ словообразования, также возражает против понимания субстантивации как «перехода прилагательного в существительное», считая возможным говорить о переходе лишь применительно к тем словам, которые утратили в процессе исторического употребления соотносительные омонимичные прилагательные (*портной, горничная* – пример В.В. Лопатина). Под субстантивацией прилагательных он понимает «образование существительных, структурно мотивированных прилагательными с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного» [82; С. 207].

Причина стремления отдельных исследователей рассматривать субстантивацию как переход прилагательного или причастия в разряд имени существительного кроется, на наш взгляд, в неразличении слова как морфемного комплекса, формирующего внутреннюю форму слова посредством значений морфем, и лексемы как единства слова с определенным узуальным смыслом. При субстантивации слово (прилагательное или причастие) как внешняя знаковая единица не меняется, изменяется лишь узуальный смысл субстантивирующихся прилагательных или причастий, а это, следовательно, приводит к тому, что новая лексема оказывается того же смыслового класса, что и типичное существительное.

Что касается нашей точки зрения по этому поводу, то мы склоняемся к тому, что уместнее говорить только об использовании прилагательных и причастий для называния вещи, так как независимо от того, что выражает данное прилагательное или причастие – признак или предмет, они сохраняют свои формальные признаки и, следовательно, не переходят в разряд существительного как языковой категории, имеющей свои формальные отличия, а выполняют (как лексемы) его смысловые функции «по совместительству» ввиду своей внутренней предрасположенности.

Кроме того, считаем, что нет необходимости выводить из рассмотренных случаи типа *портной, горничная* из-за отсутствия в языке «омонимичных прилагательных». Коль скоро язык в этих случаях сохраняет прилагательное, а точнее – местоименное склонение, вполне логично допустить наличие причины, которая до сих пор поддерживает именно эту «совместительную», а не другую, соответствующую смыслу, форму, например, *портник* по модели *сапожник, мясник*.

Следует также предположить, что предрасположенность подобных смыслов быть выраженными посредством «совместительной» грамматической формы имени и отсутствие такой предрасположенности у других смыслов, выражаемых именными формами, должно говорить о неполном

категориальном семантическом тождестве этих двух разновидностей предметного содержания.

2.4 Предпосылки к субстантивному использованию прилагательных и причастий

2.4.1 Понятие носителя признака

Поскольку, говоря о субстантивации, мы имеем дело с использованием в роли имени существительного прежде всего производных прилагательных и причастий, считаем возможным увязать эту проблему с вопросом о закономерностях сочетаемости корневой и аффиксальных морфем в рамках внутренней формы исходных прилагательных и причастий. Необходимость такой увязки мы видим в том, что, хотя при субстантивации и не наблюдается изменений в морфемном строении субстантивирующихся слов, обнаруживаются явные изменения в смысле исходного слова. Выяснение характера этих изменений невозможно без ясного понимания особенностей образования на базе значений отдельных морфем внутренней формы исходного прилагательного или причастия, которое подвергается субстантивации.

При этом в образовании субстантиватов будем четко различать два уровня. На первом уровне определим особенности строения внутренней формы прилагательных и причастий, тем самым исследовав собственно словообразовательный уровень субстантиватов. На втором уровне определим, какие свойства внутренней формы имени прилагательного способствуют выражению предметных содержаний, то есть исследуем субстантивацию как лексеобразовательное явление, в процессе которого происходит связывание внутренней формы с выражаемым смыслом.

Очевидно, выяснение причин, обуславливающих субстантивное употребление прилагательных и причастий, нужно начинать с вопроса о соотношении признака и вещи, которая обнаруживает данный признак. Понимая вещь, вслед за А.А. Потебней, как «связку явлений (качеств, сил)», можно представить вещь как совокупность, набор неких признаков, который противопоставлен другому набору признаков – другой вещи. В этом случае, казалось бы, признак по отношению к вещи первичен, так как представление о вещи есть «сумма» представлений ее признаков. Но, с другой стороны, выделение того или иного признака есть результат сравнения вещей, которое обнаруживает этот признак. Вне сопоставления признак уже не есть признак. Так, например, способность магнита притягивать железные предметы выясняется только при наличии и магнита, и железно-

го предмета, для человека же, не знающего железа, магнетизм как признак попросту не существует ввиду того, что в его практике не было взаимодействия вещей, которое выделило бы этот признак.

Таким образом, можно говорить о неразрывности вещи и ее признаков; более того, признак мы воспринимаем овеществленно как часть вещи, и поэтому признак, даже насильственно не приложенный к вещи, не может восприниматься нами иначе, как вещь, хотя и обладающая лишь одним признаком. Этим объясняется первоначальное неразличение в языке имен, называющих собственно признак, и имен, называющих собственно вещь, и существование первообразного имени.

По мере того как признак обнаруживается не у одной, а у ряда вещей, осознается его универсальность и приложимость не только к уже известным вещам, но и к другим, ранее неизвестным. В связи с этим возникает необходимость различать в языке знаки для указания на связку признаков (вещь) и на признак вне связки. Эта необходимость реализуется через развитие формальных показателей признаковости и приводит к образованию целого класса слов, которые специализируются на обозначении отдельных признаков.

Но это не означает того, что с развитием категории имени прилагательного вещественность означаемого признака утрачивается, поскольку за образом знака, называющим признак, стоит чувственный образ, который, в свою очередь, является частью чувственных образов вещей, обладающих данным признаком. Мы не можем помыслить признак вне вещи: свойство нашего мышления таково, что при определении признака мы вынуждены помещать его в некое «вместилище», субстанцию, в пределах которой возможно его наблюдать.

Ввиду этого в значение любого *полного* прилагательного «вплавлено» представление о субстанции как носителе называемого признака, и это представление реализуется независимо от того, есть ли последующая конкретизация его с помощью определяемого слова или такой конкретизации нет, как это бывает при субстантивации. Более того, отсутствие конкретизирующего существительного активизирует значение носителя признака у прилагательного. Так, в паре прилагательное – определяемое существительное значение носителя признака поглощается значением существительного, и признак, выраженный прилагательным, приписывается вещи, называемой существительным; в то же время при отсутствии определяемого существительного значение носителя признака вынуждено восполнять семантический пробел и брать на себя функцию определяемого, восстанавливая модель «признак – вместилище признака». Таким образом, прилагательное (заметим, в полной форме) оказывается самодоста-

точным для намека на идею о субстанции через значение носителя признака.

Понятие носителя признака не впервые появляется в связи с явлением субстантивации. Однако наше понимание носителя признака отлично от существующих представлений. М.Ф. Лукин, например, считает, что «носитель признака – это субстанция, способная иметь при себе определение для выражения атрибутивного признака. Таким образом, понятие носителя признака шире понятия предметности: оно включает в себя и понятие предметности... обычно переходят в существительные только те прилагательные и причастия, которые могут стать носителями признака» [87; С. 38,41]. В данных положениях нас не устраивают, по меньшей мере, два момента. Во-первых, если «носитель признака – это субстанция», то он предметен и не может быть «шире» самого себя, во-вторых, прилагательное и причастие суть знаки и не могут «стать носителями признака», а могут лишь намекать на такого носителя через свое значение, точнее через свою внутреннюю форму.

В нашем представлении носитель признака – это *неактивная часть* субстанции. Так, если вещь – субстанция активная по отношению к признаку, так как сама его порождает, то носитель не порождает носимый признак, а лишь представляет его, оставаясь при этом пассивным. Таким образом, носитель признака выступает своеобразным посредником между признаком и собственно субстанцией в осмыслении самого признака. Необходимость такого посредничества, как отмечалось выше, вызвана невозможностью восприятия признака отдельно от вещи. Носитель признака используется в качестве своеобразного субстрата, который, подобно физиологическому раствору, поддерживающему жизнеспособность клетки вне организма, позволяет существовать признаку вне вещи. Отличительная особенность носителя признака в этом случае состоит в поддержании только одного признака. Наличие двух и более признаков позволяет говорить уже о вещи как совокупности ее признаков, следовательно, понятие носителя признака, стоящего за прилагательным или причастием, 'уже понятия вещи, выражаемого средствами русского существительного, так как является частью по отношению к целому.

Таким образом, понятие носителя признака совмещает в себе, с одной стороны, свойство отдельности в смысле не связанности с другими признаками, а с другой – виртуальную отнесенность к некому целому, частью которого он мог бы являться.

2.4.2 Значение «носитель признака» у прилагательных и причастий.

Особенности внутренней формы прилагательных

Такой подход позволяет нам определять прилагательное как грамматическое название отдельного носителя признака. Следовательно, внутренняя форма имени прилагательного или причастия, помимо собственно компонента «признак», должна обладать компонентом «носитель». Данный компонент реализуется у прилагательного только вне определяемого существительного. В случае изолированного от существительного употребления прилагательного слушающий ясно ощущает потребность в домысливании некой субстанции, обладающей названным признаком. Толчком же, сигналом к такому ощущению служит именно компонент значения «носитель». При совместном употреблении с определяемым существительным, как мы уже говорили выше, компонент «носитель» замещается или, скорее, наполняется смыслом определяемого существительного. Таким образом, налицо двойная связь между значениями существительного и прилагательного: с одной стороны, значение существительного как показатель вещи, обладающей рядом признаков, реализует компонент «носитель» в значении прилагательного; с другой стороны, компонент «признак» в значении прилагательного выделяет в ряде признаков вещи, называемой существительным, признак, который наиболее важен на данный момент. В результате такого взаимодействия и взаимопроникновения значений существительного и прилагательного мы получаем языковую единицу со смыслом более конкретным, нежели смыслы существительного и прилагательного, отдельно взятых.

В связи с этим появляется возможность определить механизм «передачи» определяемым существительным своего значения определяющему прилагательному, о которой говорил А.А. Потебня в связи с эллиптической субстантивацией. В результате длительного совместного употребления значение существительного, постоянно реализуя компонент «носитель» в значении прилагательного, со временем вытесняет данный компонент, полностью его замещая, и так как значение существительного оказывается включенным в значение прилагательного, то отпадает необходимость постоянно воспроизводить материальную оболочку, которая выражает уже представленное значение и намекаемый им смысл.

Все выше сказанное применительно к прилагательному в равной степени можно отнести и к причастию, с той лишь разницей, что признак, выраженный причастием, является следствием действия. Более того, в связи с тем, что в причастию оказывается выраженным и действие, и признак,

который порожден данным действием, компонент «носитель» в значении причастия осознается яснее, нежели у прилагательного, так как и указание на действие, и указание на признак требуют указания на то, что действует или испытывает действие и, в результате этого, обретает признак.

Как показано в одной из работ по системной лингвистике, посвященной общим проблемам языковых средств выражения атрибутивного смысла, в предельно аналитических, корнеизолирующих языках для связывания морфемы-корня, называющей признак, с морфемой, называющей конкретного носителя этого признака, в случае семантической недостаточности очевидности функции этих корней, приходится между корнем с признаковым значением и последующим корнем со значением конкретного носителя признака вставлять корень-морфему (морфема «дэ») с предельно абстрактным значением «носителя признака вообще», например (условно): *-стен- дэ -камен-* = «*стеновой камень*». Эта же постпозиционная морфема-корень рядом с корнем, называющим признак, используется для «образования» своеобразного «субстантивата» [102; С. 104 – 119].

Если мы говорим, что внутренняя форма имени прилагательного и причастия содержит в себе указание на носителя признака, уместно задать вопрос о том, какая именно морфема в составе этих слов несет это значение и как это значение взаимодействует с остальными морфемными значениями. Нетрудно заметить, что процессу субстантивации подвергаются исключительно полные и никогда краткие формы прилагательных и причастий. Из этого можно сделать вывод, что значение носителя признака локализовано во флексии полных форм. Это подтверждается и тем, что по происхождению эти флексии восходят к флексиям местоимений, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы указывать на предметность.

Как же взаимодействует это значение с остальными значениями в пределах одной внутренней формы? Если анализировать морфемное строение типичного прилагательного, то обнаруживается, что в его структуре присутствуют два полюса взаимодействий: с одной стороны, это корневая морфема и флексия со значением носителя признака – с другой. Между этими полюсами обычно располагается суффикс, задающий типологию отношений между значениями корня и флексии. Среди таких суффиксов отчетливо просматриваются два типа: одни присоединяются к корням или основам с предметным значением, другие – к корням или основам со значением действия. В наиболее типичном прилагательном значением корневой морфемы указывает на предмет или действие, которые понимаются как первопричина признака, который приписывается носителю признака.

Разумеется, что предметный или процессный характер причины признака обуславливает формирование разных аффиксальных средств для

указания на тип взаимодействия между причиной формирования признака и носителем признака.

Если причина признака предметна, то характер взаимодействия может определяться как взаимным пространственным расположением носителя признака и предмета, причиняющего признак, так и более сложными формами взаимодействий. При самом простом, пространственном взаимодействии могут быть актуальными расположение причиняющего признак предмета внутри носителя признака или внешний контакт предмета и носителя признака. Например, в словах *ягодный*, *больной* реализуется идея внутреннего расположения причиняющего признака предмета относительно носителя признака, а в словах *носатый*, *волосатый*, *горбатый* – идея внешнего контакта предмета и носителя. В случае более сложных форм взаимодействий причиняющего признак предмета и носителя признака эти взаимодействия могут пониматься, например, как отношения обусловленности, когда существование носителя признака обусловлено существованием причиняющего признак предмета: *апельсиновый*, *столовый*, *садовый*. Отношения свойственности складываются при условии, если носитель признака понимается как свойство причиняющего признак предмета: *матросский*, *кавказский*, *заводской*. Но какие бы формы ни принимало взаимодействие между носителем признака и предметом, причиняющим признак, эти взаимодействия всегда понимаются как отношения двух предметов.

В том случае, если источником признака мыслится действие, то значение аффикса для указания на тип взаимодействия между причиной формирования признака и носителем признака формируется в принципиально ином направлении: во-первых, актуализируется субъектный / объектный характер носителя признака по отношению к действию, во-вторых – временность / постоянство признака. Так, в словах *маринованный*, *консервированный*, *жареный* соответствующие аффиксы указывают на то, что носитель признака находился в позиции объекта, причиняющего признак действия, и постоянно сохраняет как постоянный признак те изменения своих свойств, к которым привело это действие. В словах же типа *невидимый*, *невыносимый*, *невыполнимый* при сходстве объектной позиции носителя признака отсутствует указание на закрепленность данного признака как постоянного свойства: *маринованный огурец* не может быть не маринованным, а *невыносимые условия* для одного человека вполне могут устраивать другого, т.е. признак «невыносимости» не является устойчивым. Признак временность / постоянство менее актуален в том случае, если носитель признака является субъектом причиняющего признак действия, поскольку в этом случае отношения близки к предикативным, а предикат в отличие от атрибута – свойство всегда временное, поэтому более актуальной становится отнесенность признака по действию к соответству-

ющему временному плану (ср.: *он, как человек пьющий / он, как человек тивший*).

Таким образом, можно говорить о двух наиболее типичных внутренних формах прилагательных и причастий, которые дифференцируются по характеру значений корневых морфем – предметных и процессных, а также по типологии суффиксов, задающих тип отношений между значением корневой морфемы и значением носителя признака, выраженным средствами местоименной флексии. Интересно, что в том случае, если типология суффикса не соответствует значению корневой морфемы, неизбежно возникает дополнительное средство, которое компенсирует это несоответствие. Например, в словах типа *влиятельный, собирательный, внимательный* и под. процессная семантика корня противоречит значению суффикса *-н-*, который обслуживает предметное содержание; это приводит к появлению дополнительного суффикса *-тель-*, который опредмечивает корневое значение и восстанавливает баланс внутренней формы. Понимание этого факта и позволяет в структуре этих слов выделять не один суффикс (*-тельн-*), а именно два суффикса *-тель-* и *-н-*.

Из сказанного становится понятным, почему прилагательные и причастия в наибольшей степени склонны к субстантивации. Основная причина этой предрасположенности связана с особенностями внутренней формы этих слов, которая через значение носителя признака местоименной флексии способна осуществить намек на предмет через метонимический перенос.

2.4.3 Представление субстанции средствами русского существительного

Мы уже говорили о том, что, с точки зрения носителя русского языка, способность вещи выступать в качестве инициатора некоторого исходного действия оказывается различной, иными словами, активность вещей представляется неодинаковой: так, одна вещь может самостоятельно быть первопричиной некоего события, другая же обычно лишь вовлекается в это событие, третья способна быть инициатором после воздействия на нее более активной субстанции и т. д. Что же может послужить стимулом для разграничения реалий действительности по их обычной способности быть или не быть инициаторами исходных действий и какие в языке существуют средства для выражения этого разграничения? Очевидно, таким стимулом может быть неравнозначное положение отдельных личностей внутри социальной группы.

Понимание неравнозначности положения индивида в социальной группе наследуется нами, по-видимому, еще с животного состояния: практически любое более или менее сложное биологическое явление иерархично. Вероятно, статусность как проявление неравнозначности среди изначально равных по природе особей в целом отличает живое от неживого.

Принято выделять два вида статуса: статус «предписанный» и статус «достигаемый». Под предписанным статусом понимают наследуемый, врожденный статус. Этим статусом индивид пользуется независимо от прилагаемых им усилий. Достигаемый статус, наоборот, никак не связан с генетикой индивида и напрямую зависит от усилий, которые он прилагает для достижения желаемого статуса. Соотношение этих двух статусов неодинаково в различные периоды развития человеческого общества и в значительной мере зависит от доминирующего типа хозяйственной деятельности. Очевидно, изначально статус может быть только достигнутым. Это отчасти подтверждается отношениями между животными в группе: лидирующее положение занимает наиболее сильная особь, которая самостоятельно доказывает право на лидерство. Но только человеческое сообщество может закрепить достигнутый статус в качестве предписанного. И если на первых стадиях развития человеческого общества доминируют достигаемые статусы, то на более поздних – статусы предписанные, которые со временем опять вытесняются статусами достигаемыми.

От чего может зависеть частотность смены типа доминирующей статусности? На наш взгляд, этот процесс напрямую связан с типом хозяйственной деятельности социума. Человечеству известно два принципиально разных способа ведения хозяйства: оседлое и кочевое. И как бы далеко мы ни уходили в своем развитии, мы постоянно решаем вопрос о том, что для нас важнее: жить на одном месте и заниматься тем, чем можно заниматься в данной местности, или постоянно перемещаться за выбранным видом деятельности. Более того, можно говорить об определенной склонности народов в целом к одному из способов ведения хозяйства. Совершенно очевидно, что западная модель развития наследует принципы кочевого образа жизни: смена места жительства из-за работы не рассматривается настолько драматично, насколько это воспринимается, например, восточными славянами, цивилизация которых выросла из оседлого земледелия. Длительное проживание относительно стабильного социума на одной территории располагает к доминированию предписанных статусов, кочевой образ жизни, наоборот, к преобладанию достигаемых статусов.

Еще одна существенная черта, которая отличает эти два стиля жизни, это количество и свойства предметов, используемых в хозяйственной деятельности. Оседлость стимулирует появление большого числа предметов с узкоспециальными функциями, кочевой образ жизни, в свою очередь, стре-

мится уменьшить количество предметов за счет развития многофункциональности. Антропоморфность нашего мышления так или иначе заставляет нас систематизировать мир с тех же позиций, что и человеческий социум, а это значит, что и в предметном мире мы моделируем отношения между людьми. Если это так, то язык как своеобразный слепок нашего мироощущения должен тем или иным способом отражать представление о статусности прежде всего индивида и, как следствие, статусность предметов вообще.

Совершенно очевидно, что достигаемая статусность выражается всеми языками без исключения, если иметь в виду, что все языки выражают предикативные признаки, которые есть не что иное, как временный статус предмета. Однако глубина выражения достигнутой статусности может быть различной. Так, например, славянские языки, упорно в своем большинстве сохраняющие падежную систему, через падежное значение выражают не только первый уровень статусности, но и более частные статусные уровни, так как кроме предикативного отношения фиксируют на уровне формы имени временный статус предметов, втянутых в событийное ядро, относительно предмета, которому приписывается предикативный признак. Таким образом, достигаемая, временная статусность оказывается выраженной не только средствами предиката, но и средствами имени. В результате достигается чрезвычайная смысловая плотность высказывания, ее большой запас прочности, если под прочностью понимать степень сохраняемой информативности при утрате какого-либо компонента высказывания. Именно этот запас прочности позволяет русскому языку развивать особый структурный класс неполных предложений. В целом падежная система русского языка выражает шесть стандартных статусных позиций: три субъектные и три объектные.

Среди субъектных можно выделить позицию *независимого субъекта*, выражаемого формой именительного падежа, позицию *инициированного субъекта первой степени*, выражаемого формой дательного падежа, и позицию *инициированного субъекта второй степени*, выражаемую формой творительного падежа. Инициированные субъекты первой и второй степени отличаются характером осуществляемого ими действия: инициированные субъекты первой степени выполняют действие, отличное от иницирующего действия, а инициированный субъект второй степени воспроизводит иницирующее действие. В обоих случаях в качестве иницирующего действия выступает действие, производимое независимым субъектом, которое выполняется им самостоятельно, без инициации. Благодаря четко отлаженной технике выражения различной субъектной статусной позиции язык способен выразить очень тонкие оттенки смыслов, например, обозначить вынужденность осуществляемого действия: Ср. *Кто ре-*

шит задачу? и *Кому решать задачу?* В первой фразе производитель показан как независимый субъект, во второй – как инициированный.

Объектные статусные позиции сводятся к следующим: *позиция прямого объекта исходного действия* со стороны независимого субъекта, выражаемая формой винительного падежа; *позиция не втянутого в событийное ядро объекта*, выражаемая формой родительного падежа; *позиция инертного втянутого в событийное ядро объекта*, выражаемая формой предложного падежа. Позиция прямого объекта исходного действия указывает на предмет, который, воспринимая исходное действие, не отзывается на него никаким другим или подобным действием. Позиция не втянутого в событийное ядро объекта указывает на предмет, который объективно находится за рамками описываемого события, но который обнаруживает связи с одним из актантов. Позиция инертного втянутого в событийное ядро объекта обозначает предмет, который, являясь составной частью события, никак не взаимодействует с остальными участниками описываемого события.

Отличительной чертой славянских языков является наличие в грамматическом арсенале средств, которые способны выразить и своеобразный предписанный статус. Самым ярким средством в этом отношении можно считать категорию рода имени существительного. Анализ существительных разного рода обнаруживает три предписанные статусные позиции: *позиция потенциального независимого субъекта*, *позиция равновероятного субъекта и объекта* и *позицию потенциального объекта*.

Позиция потенциального независимого субъекта свойственна в целом всем существительным мужского рода, это, в частности, проявляется в фактическом отсутствии форм винительного падежа и выражении временного статуса прямого объекта через форму независимого субъекта. Отдельный вопрос, по каким признакам предмету приписывается статус потенциального независимого субъекта. Наблюдения показывают, что это может происходить по разным направлениям, например, очень часто физические предметы большого размера, твердые, неполые, с ярко выраженной одной функцией, предметы, которые просто воспринимаются нами как нечто основополагающее, важное, обозначаются преимущественно словами мужского рода. Эти признаки могут выступать как в связке, так и отдельно, в зависимости от того, насколько данный признак доминирует в нашем представлении над остальными. Инициативность предмета, называемого существительным мужского рода можно охарактеризовать как *максимальную инициативность*.

Позиция равновероятного субъекта и объекта характерна для слов женского рода, что проявляется в четком разграничении форм именительного и винительного падежей; отсутствие внешней противопоставленности

касается ограниченного круга слов. Наиболее яркими признаками отнесенности в названии предмета к женскому роду являются мягкость, гибкость, легкость, полость, многофункциональность. Очень показательны в этом отношении колебания в роде заимствованных слов, особенно если в литературном языке род им приписывается исключительно по аналогии. Например, предмет, который мы называем *тюль*, обнаруживает явные признаки женского рода: он гибкий, легкий, относительно небольшого размера. Именно поэтому, очевидно, значительная часть носителей языка относит это слово к женскому роду. То же можно сказать о словах *толь* и *шампунь* как о тонком, гибком предмете и как о жидкости. Инициативность предмета, называемого существительным женского рода, можно охарактеризовать как *детерминированную инициативность*.

Позиция потенциального объекта обнаруживается у слов среднего рода, фактически лишенных формы именительного падежа, которая замещена формой винительного падежа. Словами среднего рода обычно называются предметы аморфные, лишенные ярко выраженной функции либо предметы, относительно которых предписанный статус не устанавливается по причине сознательного выведения предмета из иерархических отношений. Поэтому, вероятно, именно в среднем роде субстантивируются прилагательные при выражении максимально абстрактных содержаний: *доброе, вечное, нужное, должное* и т.п. Инициативность предмета, называемого существительным среднего рода, можно охарактеризовать как *нейтральную или минимальную инициативность*.

Кроме категории рода, в выражении предписанной статусности участвует также и категория одушевленности / неодушевленности. Как одна из самых молодых категорий имени, она очень показательна в этом отношении. Осознание способности к самостоятельному, независимому движению в качестве фактора, влияющего на статусность предмета, привело к необходимости выражать этот факт грамматически. Особенно наглядно статусность проявляется в мужском роде в винительном падеже, когда вместо отдельной формы используется форма родительного падежа, которая выводит грамматически предмет из событийного ядра, выключая его из грамматического взаимодействия с остальными актантами, тем самым поддерживая высокий статус одушевленного имени существительного.

Наконец, категория числа тоже вносит свою лепту в выражение статусности. Увеличение количества предметов рассматривается как повышение статуса и важно само по себе. Во множественном числе все различия в свойствах предметов становятся несущественными, за исключением одного – способности к самостоятельному движению. Поэтому линия статусности пролегает только между одушевленностью и неодушевленностью. Та-

ким образом, если попытаться расположить все средства выражения предписанной статусности от максимума к минимуму то получится следующая иерархия: множественное число одушевленных – множественное число неодушевленных – единственное число мужского одушевленного – единственное число мужского неодушевленного – единственное число женского – единственное число среднего.

Таким образом, через свои формы имя существительное способно выразить актуальную инициативность и многообразие степеней виртуальной инициативности называемой вещи во всей совокупности признаков, присущих вещи. Но вместе с тем, при необходимости указать на некоего инициатора, который действует не самостоятельно, а как часть какого-либо более активного целого, существительное оказывается избыточным, так как дает представление о комплексе присущих вещи свойств и качеств. Тем не менее, стремлением как можно точнее охарактеризовать всех участников описываемого события не только по степени участия в данном событии, но и с точки зрения их сущности как вещей, их виртуальной событийной инициативности порождает потребность иметь в языке знаки, которые обозначали бы класс именно таких «неполноценных» инициаторов.

Сущность такого класса инициаторов может состоять в том, что способность быть инициатором действия проявляется у таких инициаторов только в составе целого, частью которого они являются, в результате этого их инициативность оказывается заниженной, а вне определяющего целого способность быть активным деятелем в данном направлении вообще утрачивается. Данный инициатор, действуя в составе целого, представляет не только себя, но и определяющее его целое. Актуальность выражения именно такого характера инициатора может поддерживаться представлением о доминировании интересов группы над интересами индивида. Следствием этого является стремление определять индивида не как индивидуальность, а через отношение к группе. Далее социальная модель проецируется и на отношения, устанавливаемые в предметном мире.

2.4.4 Специфика представления субстанции прилагательными и причастиями

Наличие у прилагательного и причастия значения «носитель признака» объясняет их предрасположенность к широкому субстантивному использованию не только окказионально – в рамках уникальной речевой ситуации, но и в типичных условиях общения. Однако использование прилагательных и причастий в качестве имени вещи - процесс не самопроиз-

вольный, а зависящий от определенных условий, которые диктуются своеобразным пониманием характера называемой вещи, и от потребности выразить это своеобразное восприятие вещи. Далее мы попытаемся определить, в чем же заключается специфика вещей, обозначааемых субстантивами, и выяснить способы выражения этой специфики средствами языка.

Как говорилось выше, значения прилагательного и причастия могут самостоятельно вызывать представление о субстанции, но данное представление будет отличаться от образа субстанции, который вызывается значением существительного в любом из его виртуальных смыслов. Так, если за значением существительного стоит целостный образ называемой вещи во всей совокупности присущих ей свойств или качеств, то значения прилагательного и причастия применительно к той же вещи указывают лишь на часть ее образа, которая связана с одним из универсальных свойств или качеств, обнаруживающихся у данной вещи.

В зависимости от того, насколько определяемая прилагательным или причастием часть вещи существенна в восприятии сути описываемой вещи, мы можем, в случае доминирования указанной части, принимать ее либо за целое, либо как универсальную часть ряда вещей при паритетных отношениях между называемой частью и другими частями называемой вещи. Например, считая в определенной ситуации способность заряжать оружие сущностью какого-либо лица, мы можем определить его по этой способности как «*заряжающего*». В случае же «*заряжающий солдат*», причастие *заряжающий* указывает на свойство, которым солдат может обладать, а может и не обладать, так как сущность понятия *солдат* шире, чем только функция «заряжания»; кроме того, указанное свойство воспринимается как универсальное по причине приложимости и к другим вещам, например, «заряжающий механизм».

Мы уже говорили о пассивном характере носителя признака. Пассивность эта обусловлена двумя причинами. Во-первых, это неспособность носителя породить признак, быть причиной представляемого им признака, свойства или качества; и, во-вторых, являясь лишь частью какой-либо вещи, носитель способен охарактеризовать вещь только с одной из ее сторон и не позволяет сделать вывод о комплексе свойств, которым обладает вещь в целом. Эти же черты обнаруживает и значение «носитель признака» у прилагательных и причастий как знаков, представляющих носителя признака в языке.

Таким образом, в значении прилагательного и причастия выражено представление о носителе признака, его пассивном характере и частичности выражаемой субстанции по отношению к целому. Все эти компоненты значения наиболее ярко проявляются у субстантиватов, поскольку при субстантивном использовании прилагательного и причастия в их значении

неизбежно реализуется компонент «носитель» ввиду незамещенности его значением и смыслом существительного, а это приводит к активизации и остальных компонентов значения – пассивности и частичности, которые нейтрализуются в случае совместного употребления с определяемым существительным.

Сама собой напрашивается аналогия свойств описываемого носителя признака со свойствами инициатора, о котором мы говорили выше. Сходство это проявляется, прежде всего, в их отношении к целому, частью которого они являются: и тот, и другой выступают как посредники в представлении целого, и тот, и другой лишены смысла вне связи с целым. Более того, поскольку выделить «неполноценного» инициатора как часть самостоятельного активного целого мы можем только через признак, который он представляет в целом, то можно говорить о тождестве инициатора такого рода и носителя признака. Из этого следует, что средства языка, специализирующиеся на выражении значения носителя признака, способны наиболее полно выразить идею об инициаторе как о части от целого в силу своей предрасположенности к этому. Можно говорить, что в случае с субстантивацией мы имеем дело с механизмом, аналогичным метонимическому переносу, в частности синекдохе, когда название части переносится на целое.

И действительно, если мы внимательно проанализируем весь состав субстантиватов, прилагательных и причастий в роли существительного, который зафиксирован лексикографически, то значение «часть от целого» будет обнаруживаться в каждом отдельном случае субстантивации. При этом в качестве целого выступают наиболее существенные, жизненно необходимые понятия: жилище, пища, социальная группа, человек и другие, о которых мы скажем позднее.

Наиболее отчетливо значение «часть от целого» проявляется при сопоставлении существительных и субстантиватов, которые могут прилагаться к одной вещи, точнее – к понятию о ней. Так, например, называя человека существительным *мастер*, мы думаем и говорим об этом человеке как об активном, самостоятельно действующем лице; с другой стороны, называя человека прилагательным *мастеровой*, мы представляем и говорим о нем как о части общего представления о человеке, которому, в частности, присуща и «мастеровитость» как способность делать что-либо руками. Такое однобокое выражение лица приводит и к занижению его активности, так как эта активность распространяется только в одном направлении – «ручная работа», остальные же направления деятельности оказываются для *мастерового* как инициатора действия закрытыми.

То же самое можно пронаблюдать и в паре комната – *ванная (прихожая, столовая)*. Называя какое-либо помещение именем комната, мы

предполагаем множество функциональных особенностей данной вещи, которое определяется совокупностью всех ее признаков. Когда же мы то же помещение именуем атрибутивным именем *ванная (прихожая, столовая)*, мы говорим о помещении как части жилища, так как *ванная (прихожая, столовая)* вне жилища бессмысленна; инициативность *ванной* по сравнению с *комнатой*, как и в случае *мастеровой*, тоже оказывается заниженной, так как функция *ванной* не распространяется дальше «помещения для мытья».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что весь класс субстантивов поддерживается необходимостью выразить имеющимися средствами языка идею о специфическом характере (предписанном статусе) инициатора действия. Специфика эта заключается в том, что данный инициатор, являясь частью от целого, обладает пониженной инициативностью, так как может распространять свою деятельность только в одном указанном направлении.

2.5 Условия субстантивного использования прилагательных и причастий

Теперь, имея представление о характере восприятия вещи, называемой субстантивом, мы можем сформулировать условия, при которых прилагательное или причастие способны самостоятельно вызвать представление о вещи.

Во-первых, вещь, называемая прилагательным или причастием, должна мыслиться как часть целого.

Во-вторых, вещь должна мыслиться как субстанция с пониженной инициативностью в этом целом.

В-третьих, в сознании и говорящего, и слушающего должно присутствовать понятие о целом, частью которого мыслиться называемая вещь.

Анализ собранного материала обнаруживает соблюдение перечисленных условий в каждом конкретном случае субстантивного использования прилагательного или причастия и позволяет говорить об объективности выделяемых условий. Однако, чтобы не выглядеть голословными, проиллюстрируем выполнение данных условий на примерах таких субстантивов, как *сладкое, верующий, борзая*.

Сладкое – вещь мыслится как часть целостного представления о блюде как о пище, имеющей заданные параметры; инициативность вещи понижена, так как актуализирован только один параметр – сладкий вкус, остальные параметры, как-то: форма, размер, состав и пр. – не актуализи-

рованы; у слушающего и говорящего есть представление о блюде как о целом, которое определенными параметрами, в том числе и вкусом.

Верующий – лицо мыслится как часть целостного представления о человеке; инициативность снижена, так как актуализирована только способность человека к вере; у говорящего и слушающего есть представление о человеке во всей совокупности присущих ему свойств. Кроме того, изображение верующего человека через подобную форму указывает и на принадлежность его к группе (ср. бел. *вернік*).

Борзая – вещь мыслится как часть целостного образа «охотничья собака»; инициативность понижена, так как реализуется свойство, присутствующее только данной породе; у говорящего и слушающего есть представление о собаке и свойственных ей признаках. Интересно, что подобные номинации характерны только для охотничьих собак, у которых в процессе охоты присутствует своеобразное разделение «обязанностей», и реализация этих «обязанностей» возможна только в случае успеха всей группы.

Остановимся подробнее на третьем условии субстантивного использования прилагательного или причастия, поскольку выполнение первого и второго обусловлено именно наличием у слушающего и говорящего представления о целом, с частью которого они имеют дело.

Мы уже говорили о том, что в качестве целого выступают наиболее существенные, жизненно важные понятия, с которыми чаще всего сталкивается человек в своей повседневной практике. Очень важно, чтобы перечень таких понятий был ограниченным, легко обозримым, так как это позволяет слушающему быстро отыскать то включающее понятие, на часть которого намекает говорящий через прилагательное или причастие. Качественный состав такого перечня зависит прежде всего от условий существования как всего народа, так и отдельных коллективов. В пределах относительно замкнутых коллективов этот перечень значительно варьируется: если одно понятие актуально для какой-либо социальной группы, то в условиях существования другой оно оказывается совершенно неактуально.

Например, члены коллектива, занятые на производстве какой-либо детали, мыслят как единое целое всю технологическую цепочку ее изготовления, и все, связанное с этой цепочкой, воспринимается ими как часть этой цепи. В этой ситуации характеристика лица через признак, указывающий на способ его участия в данной технологической цепи, является обоснованным приемом (*сварной, крюковой, горновой*), так как значимость лица в данном коллективе ограничивается его функцией в технологической цепи. В это же время, с точки зрения всего народа, то же лицо является частью другого социума – социума людей, занятых в сфере физического труда, и, при характеристике его по причастности к этому социуму, употребление словоформы *рабочий* опять же закономерно. Однако и в том,

и в другом случае данное лицо воспринимается как инициатор с пониженной инициативностью, так как деятельность его распространяется только в узком, заданном целом, направлении, и сущность его ограничивается сущностью «винтика» в целостном механизме.

Но здесь важно понимать, что данный способ номинации какой-либо вещи не связан с ее негативной оценкой, с пренебрежительным отношением к ней. Наоборот, в некоторых случаях подчеркивание общности части и целого усиливает значимость и определенность описываемой вещи. В связи с этим В.А. Гиляровский точно подмечает:

« И вдруг:

– Пожарники едут! Пожарники едут! – кричит кучка ребятишек...

Меня, старого москвича и, главное, старого пожарного, резануло это слово. Москва, любовавшаяся своим знаменитым пожарным обозом – сперва на красавцах лошадях, подобранных по мастям, а потом бесшумными автомобилями, сверкающими медными шлемами, – с гордостью говорила:

– Пожарные!

И вдруг: – Пожарники! Что-то мелкое, убогое, обидное...»

(В.А. Гиляровский, «Москва и москвичи»)

Для В.А.Гиляровского, как «старого пожарного», который знает пожарное дело не понаслышке, а изнутри, оказывается очень важным понимание и представление «лица действующего на пожаре», не просто как отдельного (пусть и активного) лица, а как части целого – пожарной команды, поскольку успех на пожаре – дело коллективное. Иными словами, В.А. Гиляровский предпочитает «активному пожарнику», который неизвестно как связан с пожаром, определенного по своей функции «несамостоятельного пожарного».

То же усиление значимости описываемого лица обнаруживается и в самоназвании представителя русского народа – *русский*, так как за названием *русский* стоит не только конкретное лицо, но и весь народ, частью которого он является (ср. немец, американец, грузин). Интересно, что, когда часть Польши входила в состав Российской империи, в ходу был субстантиват *польский*, который со временем заменился существительным *поляк*. Причем субстантиват *польский* не употреблялся поляками как самоназвание.

Таким образом, можно говорить о том, что независимо от различия в качественном составе списков понятий, которые выделяются как наиболее существенные, актуальные для данного коллектива в его специфических

условиях деятельности или для всего народа в целом, причина, которая лежит в основе субстантивного употребления прилагательных, причастий, в каждом случае будет одной и той же – как для замкнутого коллектива, так и для всего народа.

В связи с этим непонятно стремление отдельных исследователей субстантивное употребление в профессиональной среде вывести из понятия субстантивации, потому что в таких субстантиватах «в процессе общенародного языкового употребления не отражено никакого представления о субстантивации» [34; С. 101].

На это ответим словами А.А. Потебни: «Нет языка вообще, есть только языки и их разновидности до личного языка (языка особи) включительно, языки изменяющиеся по месту и времени» [146; С. 8]. И от себя добавим, что «общенародное языковое употребление» складывается в результате взаимодействия и на основе частных языковых употреблений, которые, перекрещиваясь и взаимопроникая, и образуют «общенародное языковое употребление».

Что касается того, что в субстантиватах, рожденных в профессиональной среде, «не отражено никакого представления о субстанции», смеем утверждать, что любой носитель русского языка, услышав фразу: «Вызовите ко мне *марсового*», под *марсовым* поймет лицо, причем лицо, обладающее определенной узкой функцией. Другое дело, что для человека незнакомого с морским делом, характер этой функции остается неясным, так как он не знает, что *марс* представляет собой часть парусного оснащения судна и каким образом с ним связано лицо, именуемое *марсовый*. Точно так же любой носитель русского языка фразу «*сходи в бойлерную*» воспримет как побуждение к тому, чтобы пойти в некое специально предназначенное помещение, хотя функция этого помещения и останется непонятной.

Распространенность субстантиватов в специальной сфере объясняется ограниченным количеством вещей, которые постоянно находятся в поле зрения того или иного коллектива, и при этом ясно осознается функция каждой вещи в какой-либо технологической цепочке, которая, в свою очередь, мыслится частью всего производства в целом. Ограниченность числа вещей приводит и к сокращению целостных, обобщающих эти вещи понятий, что в конечном счете создает благоприятные условия для субстантивного употребления прилагательных и причастий, так как чем меньше круг целостных представлений, тем легче носителя признака, выраженного прилагательным или причастием, отождествить с каким-либо целым, которое обладает представляемым носителем признаком. Таким образом, в специальной сфере устанавливается та «узость кругозора» (выражение А.А. Потебни), которая облегчает технику намека на вещь через субстанцию признаковых имен.

2.6 Дифференциация субстантивов по степени инициативности

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что выбор формы прилагательного или причастия для называния вещи зависит от восприятия вещи как части от целого; следствием такого восприятия становится представление о заниженности инициативности вещи в типичных для нее событиях по сравнению с инициативностью вещи, выраженной формами существительного.

Несмотря на то что инициативность предмета, выраженного прилагательным или причастием, уже оказывается заниженной, стремление максимально охарактеризовать этот предмет заставляет в ряду подобных ему инициаторов выделять потенциально наиболее активных, менее активных и нейтральных. Разделение это происходит, как и в случае с существительными, в пределах трех грамматических родов: мужского, женского и среднего. Выбор парадигмы одного из родов в качестве самостоятельной категории у субстантивов определяется представлением об инициативности того целого, частью которого понимается называемая субстантивом вещь.

Субстантиваты мужского рода выражают максимальную степень инициативности, называя инициатора, в качестве которого всегда выступает человек либо животное как наиболее активные представители субстанции. Возможны случаи субстантивов мужского рода, называющих всевозможные предметы и понятия; активность данных инициаторов также будет определяться инициативностью целого, частью которого они мыслятся. Но так как активность инициатора – человека или животного выше инициативности инициатора – предмета, отличие их по инициативности выражается через категорию одушевленности – неодушевленности, которая проявляется у субстантивов в падежных формах. Так, совпадение форм именительного и винительного падежей у субстантивов неодушевленных указывает на возможность называемой вещи быть только инициатором исходного действия, а не выступать в качестве объекта некоторого действия, то есть позиция объекта действия фактически запрещена для таких инициаторов. С другой стороны, повторение формы родительного падежа в качестве винительного у субстантивов одушевленных подчеркивает (за счет выноса за пределы описываемой ситуации с помощью значения родительного падежа) необычность, временность положения данной вещи в качестве объекта действия (ср. *И.п. командующий* – *Р.п., В.п. командующего* и *И.п. пассажирский* – *Р.п. пассажирского* – *В.п. пассажирский*).

С субстантиватами женского рода связано представление о детерминированной заниженной инициативности называемой вещи, которая примерно с равной вероятностью выступает и как объект, на который направлено действие, и как инициатор действия по отношению к менее инициа-

тивными актантам описываемого события. Чаще всего такие субстантиваты служат названиями животного (*борзая, легавая, гончая, пристяжная*), помещений разного рода (*котельная, моечная, постирочная, уборная*), официальных бумаг (*купчая, челобитная, накладная, сопроводительная*), реже – лица женского пола (*горничная, служащая, больная, верующая*), но при этом не исключены субстантиваты для лиц мужского пола (*служащий, верующий, больной*).

Формально представление о детерминированной инициативности субстантиватов женского рода выражается в развитии только трех различных падежных форм: форма именительного падежа – для инициатора исходного действия (*столовая, борзая, купчая*), форма винительного падежа – для объекта действия (*столовую, борзую, купчую*) и недифференцируемые формы родительного, дательного, творительного и предложного падежей (*столовой, борзой, купчей*), которые нейтрализуют позиции *инициированного субъекта первой и второй степени* и позиции *втянутого и не втянутого в событийное ядро объекта*. Таким образом, вещь, выраженная субстантиватом женского рода, может быть охарактеризована и как независимый инициатор действия, и как прямой объект действия или как предмет, косвенно втянутый в событийное ядро, по отношению к которому неактуально противопоставление инициированных субъектов и косвенных объектов.

За субстантиватами среднего рода мыслится вещь, которая обладает минимальной инициативностью, часто ее инициативность остается неопределенной в связи с высокой степенью родо-видовой обобщенности называемого понятия. Эта неопределенность возникает ввиду того, что нечто или нечто, выраженное субстантиватом среднего рода, является частью *обобщенной субстанции, субстанции реально не существующей*, а мысленно выделяемой как обобщенное представление о некоей области материального мира и отношений внутри него. Обычно субстантиваты среднего рода служат названиями: вещества, а также пищи как вещества, предназначенного для еды или лечения (*горючее, содержимое, горячее, холодное, жаркое, жаропонижающее, успокаивающее, бургонское, рейнское, кахетинское*), события (*происшедшее, прошедшее, настоящее, ушедшее, грядущее, ночное*), высших классификационных видов животных и научных понятий (*позвоночное, жвачное, членистоногое, неизвестное, слагаемое, делимое, кратное, сказуемое, прилагательное, числительное*), имущества (*краденое, нажитое, приданое*), овеществленных свойств субстанции, души, характера (*старое, заграничное, передовое, прогрессивное, прекрасное, комическое, трагическое, родное, доброе, злое, черное, человеческое*). Формально понятие о минимальной инициативности субстантиватов среднего рода в описаниях каких-либо событий выражается в противопостав-

лении форм именительного и винительного падежей тем же формам в мужском роде и всей парадигме женского рода (*звеньевой – больная – белое – И.п., звеньевой – больную – белое – В.п.*)

Таким образом, инициативность каждой вещи, стоящей за субстантиватом, оказывается охарактеризованной в двух планах. С одной стороны, инициативность всего класса субстантиватов представляется заниженной ввиду указания через один признак только на одно из возможных направлений деятельности называемой вещи, в отличие от существительного, представляющего вещь в совокупности порождаемых ею признаков, и, с другой стороны, внутри класса субстантиватов представление о различной инициативности вещей реализуется через категорию грамматического рода, а в мужском роде и во множественном числе еще и через категорию одушевленности – неодушевленности.

В результате, используя для называния вещи существительное или субстантиват, мы получаем возможность выразить все многообразие степеней активности, событийной инициативности, которые приписываются вещи: от максимальной, выраженной одушевленным существительным мужского рода, до минимальной, реализуемой субстантиватом среднего рода.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ СУБСТАНТИВАТОВ

Отталкиваясь от всего вышесказанного попытаемся предложить свою классификацию субстантивов. Поскольку данное явление рассматривается нами в двух аспектах - словообразовательном и лексеобразовательном, то и классификация предлагается также двухсторонняя: с одной стороны субстантивы характеризуются как лексемы, сгруппированные по лексеобразовательным моделям, и с другой – как слова в вышеизложенном понимании, т.е. с точки зрения типологической конфигурации их внутренних форм.

3.1 Множество и подмножества

3.1.1 Множества

Возвращаясь к списку понятий, каждое из которых воспринимается как членимое на виды целое и является наиболее актуальным для носителей русского языка, можно выделить следующие, максимально обобщенные:

1. Человек.
2. Животное.
3. Вещество.
4. Предмет пользования.
5. Овеществленное свойство.
6. Событие.

В соответствии с этим списком, который присутствует в сознании всех индивидуумов – носителей языка, любая вещь, выраженная субстантивом, соотносится с каким-либо из перечисленных понятий, представляя одну из его сторон, причем вещь эта мыслится в другой вещи, подобной ей. Так, всякий носитель признака, воспринимаемый человекоподобно, будет признаваться человеком, а любой носитель признака, понимаемый веществом, будет осознаваться как собственно вещество. С другой стороны, то или иное понятие представлено множеством носителей признаков, которые выделяются на основе общности восприятия этих носителей как подобных чему-либо одному.

Таким образом, устанавливается различие между отношением называемой вещи к единице и отношением к множеству (роду вещей). Различие это реализуется через два типа склонений: именное и местоименное. Имена существительные, обладая именным склонением, выражают отношение к

единице вне множества, в то же время прилагательные и причастия через местоименное склонение реализуют отношение единицы к множеству. Исключение здесь представляют прилагательные притяжательные личные, которые сохраняют в большинстве форм именное склонение (Петров – Петрова, Купцов – Купцову). Однако эта исключительность вполне понятна ввиду отнесенности названия к отдельному лицу, особи (единице), что и должно приводить к использованию именного склонения в этом случае.

Следовательно, принципиальное отличие субстантивата от существительного состоит в том, что существительное называет вещь как самостоятельную единицу, свойства которой проявляются независимо от других единиц, в свою очередь, субстантиват именуется вещь как элемент множества, чьи свойства определяются вхождением в данное множество. В зависимости от того, элементом какого множества представляется данная вещь, меняется и значение субстантивата. Если, например, носитель признака «кривизны» мыслится элементом множества «человек», значение субстантивата *кривая*, называющего такого носителя, понимается как «косой человек женского пола»; когда выраженный этим же субстантиватом носитель представляется элементом другого множества, множества «линия», субстантиват *кривая* получает значение «кривая линия», противопоставленное значениям субстантиватов *прямая*, *касательная* и др., которые также входят в данное множество.

Кроме того, множество, в свою очередь, может дробиться на подмножества, сохраняя при этом свою целостность. Этим объясняется характерная особенность лексического фонда субстантиватов, которая проявляется в наличии в нем определенных лексических группировок соответствующих субстантивных форм, члены которых объединены общей предметно-логической основой.

Например, *новорожденный*, *подзащитный*, *малолетний*, *горновой*, *люковой*, *уголовный*, *глухой*, *туберкулезный*, *сварной* являются элементами множества «человек» и все вместе противопоставлены множествам «предмет пользования», «вещество», «событие» и др. В то же время, *люковой*, *горновой*, *сварной* внутри множества образуют подмножество по признаку «профессиональной принадлежности» и противопоставлены подмножествам типа «больной» (*глухой*, *туберкулезный*), «виновный» (*подзащитный*, *уголовный*), «взрослый» (*малолетний*, *новорожденный*).

Наличие подобных множеств и подмножеств ставит вопрос о принадлежности субстантивата к определенному типу множества, подмножества или о классификации субстантиватов как лексем. Попытки создания такой классификации предпринимались практически всеми исследователями, которые обращались к данной тематике. Однако отличные от нашего понимания представления природы субстантиватов, которые лежат в ос-

нове таких классификаций, не позволяют использовать какую-либо из них в целостном виде, так как одни из них чрезмерно узки, другие - необоснованно расширены. Тем не менее само существование подобных классификаций оказывается весьма ценным, потому что каждая из них развивает отдельное направление рассматриваемой проблемы, и использование полученных результатов предоставляет возможность для создания общей классификации субстантивов с учетом всех факторов, которые влияют на субстантивное использование прилагательных и причастий.

Анализ лексического фонда субстантивов показывает, что в зависимости от того, подобным чему мыслится называемый субстантивом носитель признака, он может быть отнесен к одному из шести множеств, которые внешне совпадают со списком выделенных выше актуальных понятий:

1. Множество «человек».
2. Множество «животное».
3. Множество «предмет пользования».
4. Множество «вещество».
5. Множество «овеществленное свойство».
6. Множество «событие».

Однако внешнее сходство выделяемых множеств с соответствующими им понятиями не означает их тождественности, поскольку они относятся к разным уровням плана содержания: понятия представляют собой единицы внеязыкового содержания, и, говоря о множестве, мы имеем в виду единство, образованное на основе смысловой общности субстантивов как единиц языкового содержания.

Таким образом, принадлежность того или иного субстантивата к одному из перечисленных множеств обнаруживается по наличию элемента в его смысловой структуре, который повторяется в смыслах одних субстантивов и отсутствует в смыслах других.

В качестве таких повторяющихся элементов смысловой структуры для каждого множества можно выделить следующие:

1. «Подобный человеку носитель признака».
2. «Подобный животному носитель признака».
3. «Подобный предмету пользования носитель признака».
4. «Подобный веществу носитель признака».
5. «Подобный событию носитель признака».
6. «Подобный овеществленному свойству носитель признака».

3.1.2 Подмножества

Кроме того, в рамках рассматриваемого материала, собранного с помощью ряда словарей, отдельные множества обнаруживают в своем составе подмножества, выделяемые на основе наличия более частных совпадающих элементов значения. Так, внутри множества «лицо» можно выделить нижеследующие подмножества.

а) Подмножество «больной». Данное подмножество объединяет субстантиваты, которые называют лицо, обладающее какими-либо физическими недостатками или чертами, несвойственными общему представлению о нормальности человека. К этому подмножеству относятся слова типа: *больной, хромой, чесоточный, помешанный, курносый, горбатый, кривой, чернокожий, цветной*.

б) Подмножество «рабочий». В этом подмножестве объединяются субстантиваты со значением рода профессиональной деятельности называемого лица: *часовой, рабочий, люковой, зубной, ведущий, коридорный, сотенный, хорунжий, горничная*.

в) Подмножество «виновный». Субстантиваты, которые входят в данное подмножество, отличаются тем, что называемое лицо характеризуется в зависимости от статуса, который определяется законом: *виновный, подзащитный, мобилизованный, уголовный, беглый, понятой, заключенный, осужденный*.

г) Подмножество «взрослый». Данное подмножество представлено субстантиватами со значением возраста называемого лица: *большой, маленький, малый, новорожденный, совершеннолетний, малолетний*.

д) Подмножество «покойный». Незначительная по численности группа субстантиватов со значением умершего человека: *умерший, мертвый, почивший, усопший, новопреставленный, покойный, убитый*.

е) Подмножество «верующий». Субстантиваты, входящие в это подмножество, называют лицо по причастности его к церкви: *верующий, неверующий, правоверный, неверный, крещеный, иноверный, новообращенный, преосвященный, святой*.

ж) Подмножество «суженый». Малочисленная группа субстантиватов со значением лица, которое женится или готовится вступить в брак: *молодой, молодая, суженый, нареченный, новобрачный*.

з) Подмножество «имущий». Также малочисленная группа субстантиватов, называющих лицо по отношению к имуществу: *нищий, богатый, имущий, неимущий, бедный*.

и) Подмножество «городской». В данное подмножество входят шесть субстантиватов, характеризующие лицо по среде обитания: *городской, сельский, деревенский, фабричный, заводской, посадский*.

Внутри множества «предмет пользования» также обнаруживается ряд подмножеств.

а) Подмножество «столовая». Самое многочисленное подмножество данного множества, которое включает в себя название всевозможных помещений, например: *котельная, щитовая, ванная, дикторская, ротаторская, парадное, молочная*.

б) Подмножество «докладная». Подмножество объединяет субстантиваты со значением официальной бумаги, документа: *купчая, вольная, докладная, накладная, проездной, дарственная* и др.

в) Подмножество «наличные». Подмножество представлено субстантиватами со значением «деньги»: *красенькая, зеленые, деревянные, синенькая, целковый, суточные, подотчетные, авторские, квартирные* и др.

г) Подмножество «штатское». Субстантиваты, которые представляют данное подмножество, отличаются общностью значения «одежда»: *штатское, военное, летнее, зимнее, парадное, повседневное, вечернее, теплое* и др.

д) Подмножество «вторая» объединяет субстантиваты со значением части от целого: *вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, сотая, тысячная* и др.

е) Подмножество «скорый». В данном подмножестве субстантиваты представляют собой название транспортного средства: *пассажирский, литерный, скорый, грузовой, дневной, ночной, утренний, товарный*.

ж) Подмножество «постоялое» объединяет вышедшие из употребления названия всевозможных платежей: *постоялое, пожилое, поличное, зажилое* и др.

з) Подмножество «приданное» включает субстантиваты с общим значением имущества: *приданое, краденое, нажитое, зажитое*.

Кроме данных подмножеств в рамках этого же множества возможно выделение и других – чисто терминологических подмножеств, которые имеют отношение к разнообразным областям знаний: подмножество «линия»: *кривая, ломаная, косая*; подмножество «число»: *делимое, искомое, кратное, вычитаемое*; подмножество «именная часть речи»: *прилагательное, числительное, существительное* и т.п.

В рамках множества «вещество» обнаруживаются два подмножества: «пирожное» и «снотворное».

а) Подмножество «пирожное» объединяет субстантиваты со значением пищи или напитка: *горячее, первое, второе, холодное, заливное, бургонское, горькая, сельтерская, кахетинское* и др.

б) Подмножество «снотворное» представлено субстантиватами со значением лекарственного препарата: *потогонное, наружное, рвотное, отхаркивающее, полоскательное, промывательное* и др.

Множества «животное», «овеществленное свойство» и «событие» малочисленны по своему составу и выделение внутри их подмножеств лишено смысла, поэтому ограничимся приведением некоторых примеров субстантиватов, которые относятся к данным множествам.

Множество «животное»: *гнедой, вороной, сохатый, коренная, борзая, легавая, косой, косолапый* и др.

Множество «событие»: *настоящее, бывшее, ночное, жилое, прошедшее, пережитое, грядущее* и др.

Множество «овеществленное свойство»: *новое, старое, близкое, родное, передовое, частное, общее, известное, малое, целое, полежалое* и др.

Таким образом, можно констатировать, что в русском языке существуют специфические лексемообразовательные модели, реализуемые в рамках выделенных множеств и подмножеств. По этим моделям, используя потенциал внутренней формы имен прилагательных и причастий, образованы специфические по содержанию лексемы, способные не только выразить идею о предмете в широком смысле слова, но и указать на него через отношение к родовому понятию. В результате субстантиваты в сочетании с «классическими» существительными образуют очень тонко настроенную подсистему номинаций предметного мира, которая полностью подчинена «сверхзадаче» русского языка – тенденции изображать по возможности любой замысел через образ развивающегося события через максимальную охарактеризованность всех участников события.

3.2 Типы носителей признаков

Помимо принадлежности того или иного субстантивата к одному из выделяемых множеств, субстантиват может быть охарактеризован с точки зрения особенностей строения внутренней формы, т.е. по типу связи между носителем признака и причиняющей признак составляющей – вещью или действием. Тип связи, в свою очередь, во многом зависит от того, что понимается под причиной, следствием которой становится признак, представляемый носителем. В качестве причины, по которой возникает тот или иной признак, может выступать вещь или носитель, отождествляемый с вещью, либо действие, которое производит или испытывает на себе носитель.

3.2.1 Носители предметно-мотивированных признаков

Если в качестве причины, порождающей признак, выступает предмет, то между носителем признака и данным предметом прежде всего возможны пространственные отношения. Объективно предметы относительно друг друга могут располагаться в самом общем виде следующим образом:

- находиться рядом и не контактировать;
- находиться в поверхностном контакте;
- находиться один в другом.

Кроме пространственных отношений, предметы могут находиться в отношениях обусловленности, когда существование одного обусловлено наличием другого, при этом степень обусловленности может быть разной. Назовем такой тип внутренней формы субстантивата, в котором появление признака у носителя мотивировано отношением к предмету, «носителем предметно-мотивированных признаков». Можно предполагать, что в целом особенности внутренней формы отыменных субстантиватов должны различать указанную выше типологию отношений. С учетом этой типологии можно выделить следующие разновидности носителей предметно-мотивированных признаков: носитель объектно-зависимого признака, носитель признака внутреннего обладания, носитель признака внешнего обладания. Рассмотрим особенности каждого типа.

Носитель объектно-зависимого признака

Первый тип связи признака с носителем обусловлен тем, что признак возникает как результат совместного действия носителя с каким-либо предметом, который служит причиной появления данного признака. При тесном, неразрывном взаимодействии носителя и предмета возникает ситуация, когда характеристика данного носителя становится возможной только через выражение причастности его к данному предмету, через признак принадлежности к нему. В соответствии с таким типом связи носителя и признака определим данного носителя как «носителя объектно-зависимого признака». Следовательно, словоформа, которая выражает такой тип носителя признака, должна содержать формальный показатель предмета, по которому характеризуется данный носитель, выраженный корнем, и показатель принадлежности носителя к данному предмету.

При человекоподобном восприятии предмета, который причиняет признак, представляемый носителем, наиболее уместным оказывается суффикс *-ов-* (*-ев-*) со значением притяжательности к предмету как к лицу, особи (*крюковой, горновой, столовой*). Интересно, что вне субстантивации прилагательные с суффиксом *-ов-* утрачивают притяжательность и тяготеют к относительности: ср. *марсовый – марсовый матрос, мачтовый –*

мачтовый матрос, рулевой – рулевой механизм. Это, очевидно, объясняется различным восприятием мыслимого при производном прилагательном предмета, который в случае субстантивации понимается как самостоятельно действующее лицо, а в случае прилагательного тот же предмет воспринимается как представитель рода вещей.

Однако степень взаимодействия носителя и предмета в разных ситуациях оказывается различной. Если взаимодействие носителя и предмета ограничивается простым контактом, то признак, который возникает в результате такого контакта, будет носить характер свойственности, а не принадлежности, как в первом случае. Для выражения такого признака обычно используется суффикс *-ск-* со значением «*свойственности чему-либо*» (*городской, заводской, штатское, лекторская, кучерская, дворницкая, мертвецкая, арестантская, детская*).

К этому же типу связи носителя и признака относятся несколько архаичные субстантиваты на *-чий*: *сокольничий, постельничий, колесничий, лесничий, кормчий, городничий, возничий, ясельничий, скарбничий*. Данные субстантиваты называют также носителя объектно-зависимого признака, так как причиной признака также выступает вещь, с которой взаимодействует носитель. Отличительной особенностью данной группы субстантиватов является то, что в качестве причиняющей признак вещи выступает вещь одушевленная: *сокольник, постельник, возница* и т.д. В связи с этим в качестве словообразовательного средства используется суффикс *-ий-* с сохраняемым значением принадлежности лицу, причем данный суффикс материально выражен только в форме именительного падежа в отличие от собственно прилагательных, где данный суффикс сохраняется во всех падежных формах: ср. *возничего – у возничьего дома, лесничему – к лесничьему дому*. Ввиду этого, очевидно, можно говорить о том, что в данных архаичных субстантиватах суффикс *-ий-* уже переосмыслен как флексия.

Носитель признака внутреннего обладания

Другой тип связи носителей признака заключается в том, что та или иная вещь мыслится внутри носителя, в результате у носителя возникает признак обладания данной вещью. Поскольку данный признак обнаруживает вещь внутри носителя, определим такого носителя как носителя признака внутреннего обладания. В свою очередь субстантиват, представляющий такой тип носителя признака, должен содержать показатель вещи, которая мыслится внутри носителя, выраженный корнем, и показатель признака обладания носителем данной вещи, представленный суффиксом. Под вещью мы понимаем здесь не только материально выраженный предмет, но и то, что мыслится вещью. В качестве показателя признака обладания в субстантиватах такого рода выступает суффикс *-н-* со значением «*внут-*

ренного обладания» (*больной, чахоточный, шашлычная, булочная, фасовочная, прачечная, спиртное, скоромное, сердечная, увечная* и т.п.). Как мы отмечали выше, на основе значения «внутреннего обладания» могут развиваться вторичные значения, которые являются следствием невидимости предмета с внешней стороны, если он располагается внутри носителя, поэтому неудивительно, например, появление этого же суффикса в тех случаях, когда связь носителя с мотивирующим предметом внешне не очевидна (*горничная, фабричная*).

Носитель признака внешнего обладания

В случае, когда в качестве причины признака, возникающего у носителя, выступает вещь, которая связана с внешней стороной носителя, являясь при этом его неотъемлемой частью (или мыслимой таковой), обнаруживается третий тип носителя признака - носителя признака внешнего обладания, который выражает подобные отношения между носителем и признаком. Структура субстантивата со значением носителя признака внешнего обладания представляет собой сочетание корневой морфемы со значением вещи, которая контактирует с внешней стороной носителя, и суффикса *-ат-* со значением «внешнего обладания» (*сохатый, горбатый, пернатое, богатый, носатый, усатый*).

Все три данных типа носителей признака обнаруживают сходство. Оно проявляется в том, что в качестве причины для возникновения признака выступает вещь или то, что мыслится вещью. Поэтому в тех случаях, когда закономерный применительно к данному типу отношений суффикс вступает в фонетическое противоречие с корнем, ситуация может разрешаться с помощью наиболее удобного с точки зрения произношения суффикса. Это, в частности, может наблюдаться при взаимодействии суффикса с заимствованными корнями (*ламповая, левофланговый*). В этом случае типология отношений оказывается необозначенной, и значение суффикса сжимается до простой констатации наличия недифференцированных отношений. Подобные образования оказываются противопоставленными всем остальным типам с дифференцированными отношениями, а также типам носителей признаков, отличительной особенностью которых является то, что причиной представляемого ими признака выступает не вещь, а действие.

3.2.2 Носители акционально-мотивированных признаков

Кроме предмета, в качестве причины, порождающей признак, представляемый носителем, может выступать действие. По отношению к данному действию носитель может занимать только две позиции: субъектную или объектную. Назовем такой тип внутренней формы субстантивата *носителем акционально-мотивированных признаков*. Черты внутренней формы подобных отглагольных субстантиватов должны прежде всего различать указанные субъектную и объектную позиции, а также в целом отличать эти формы отыменных субстантиватов. Вместе с тем признак, сформированный по действию, может содержать признак постоянства / временности, и на эту характеристику в том числе способна указывать внутренняя форма рассматриваемых субстантиватов. С учетом этих параметров можно выделить следующие типы носителей акционально-мотивированных признаков: носитель акционально-зависимого признака, носитель акционально-навязанного признака.

Носитель акционально-зависимого признака

Данный тип связи носителя и признака основывается на представлении носителя как производителя действия, в результате которого носитель получает соответствующий признак, характеризующий носителя как субъекта действия. Данный тип носителя акционально-зависимого признака распадается на два подтипа в зависимости от характера действия, которое может производиться носителем постоянно или в настоящий момент, либо действие состоялось в прошлом.

В случае, когда действие, порождающее признак, понимается отнесенным к настоящему моменту или осуществляется носителем постоянно, субстантиват, называющий такого носителя, должен содержать указание на действие и, кроме того, указание на то, что речь идет не о собственно действии, а о носителе признака, возникающего как следствие данного действия. Ввиду того, что действие выступает в качестве причины признака, оно получает право быть выраженным через корневую морфему и аффиксы, которые характеризуют особенности протекания этого действия. Значение признака реализуется через специализированные для настоящего времени суффиксы *-ущ-(-ющ)* и *-ащ-(-ящ)*.

Переменность гласного в суффиксах *-ущ-(-ющ)*, *-ащ-(-ящ)* объясняется исследователями по-разному. Так, И.Г. Милославский связывает изменение гласного с усечением конечного *-т* в форме 3 лица множественного числа и присоединением *-щий*: *несут – несущий, кричат – кричащий* [111; С. 510]. Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов видят зависимость выбора *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*) от типа спряжения исходного глагола: *пиш(ут) –*

пиш-ущ-ий, рису(ют) – рису-ющ-ий (1 спряжение); *крич(ат) – крич-ащ-ий, смотр(ят) – смотр-ящ-ий* (2 спряжение) [176; С. 207].

Другой подтип носителя акционально-зависимого признака связан с представлением о действии, которое состоялось в прошлом, и признак, связанный с данным действием, является следствием выполнения носителем этого действия. Так же, как и в предыдущем случае, действие, как причина признака, выражается корневой морфемой, а признаковость, в свою очередь, представлена суффиксом *-ви-*, если конец корневой морфемы представлен гласным, или осложняется промежуточным суффиксом, который характеризует собственно действие: *потерпевший, новоприбывший, пострадавший, почивший, провинившийся*. В случае, когда промежуточный суффикс отсутствует и суффикс *-ви-* присоединяется непосредственно к корню, который оканчивается на согласный, возникает труднопроизносимое стечение согласных на морфемном шве, что приводит к выпадению начального [в] в суффиксе *-ви-*, и он выступает в варианте *-и-*: *умерший, усопший, вошедший, погибший*. Поскольку признак, возникающий у носителя в результате его действия, сохраняется и после прекращения действия, определим значение суффикса *-ви-* как «значение сохраненного признака». К данному подтипу примыкают субстантиваты с суффиксом *-л-*, который восходит к суффиксу *-л-* старых форм причастий прошедшего времени, однако в комбинации с местоименной флексией данный суффикс, кроме значения отнесенности действия к прошлому, выражает значение признака возникшего по причине действия, которое состоялось в прошлом, причем действие имело длительный характер: *постоялое, пожилое, взрослый, беглый, хожалый*.

Носитель акционально-навязанного признака

В отличие от предыдущего типа носителя признака, где носитель мыслится производителем действия, в результате которого у него образуется признак, данный тип носителя признака представляет носителя как объект действия, у которого под влиянием испытываемого действия формируется признак как следствие этого действия. Поскольку признак у такого носителя возникает по действию, направленному на него извне, охарактеризуем его как «носителя акционально-навязанного признака».

Ввиду того, что причиной признака у рассматриваемого типа носителя признака является действие, которое может иметь отношение либо к настоящему моменту, либо состоялось в прошлом, данный тип также обнаруживает два подтипа в зависимости от того, к какому из временных планов относится действие.

В случае, когда действие, которое испытывает на себе носитель, имеет отношение к настоящему моменту, значение носителя акционально-

навязанного признака у субстантиватов выражается через взаимодействие значений глагольного корня в сочетании с характеризующими специфику протекания действия аффиксами и суффиксами *-им-*, *-ом-*.

Суффикс *-им-* может быть представлен двумя вариантами в зависимости от предшествующего ему звука: после согласного – в основном варианте *-им-* (*содержимое, одержимый, любимый, подсудимый, множимое*), после гласного с [j] – в варианте *-ьм-* (*ископаемое, слагаемое, обвиняемый, испытываемый, преследуемый*).

Значение данного суффикса можно определить как «*значение временной страдательности*», так как данный признак обнаруживается у носителя только на период испытываемого им действия и утрачивается вместе с прекращением действия. Ввиду этого значение суффикса *-им-* совмещается только с корнем или аффиксально-корневым комплексом со значением отсутствия естественного исхода, внутреннего предела действия. В связи с этим признак, возникающий у носителя, представляет собой результат длящегося действия, процесса, не ограниченного достижением предполагаемой цели.

Суффикс *-ом-* обнаруживается у незначительного количества субстантиватов и по значению сходен с суффиксом *-им-*: *искомое, ведомый, знакомый*. Ограниченность сферы употребления данного суффикса не позволяет точно определить отличие его значения от значения *-им-*. Однако можно предположить, что эти различия не являются существенными поэтому ими можно пренебречь и рассматривать *-ом-* как вариант *-им-* после твердых согласных.

Другой подтип носителя акционально-навязанного признака отличается тем, что действие, по которому характеризуется носитель, состоялось в прошлом, достигло, как правило, своего предела и прекращено на настоящий момент, однако признак, возникший в результате данного действия, сохраняется у носителя и после окончания воздействия. Такой тип отношений между носителем, действием и признаком выражается через значение суффиксом *-нн-(-ьнн-; -онн-), -т-*.

Суффикс *-нн-(-ьнн-, -онн-)* со значением «*признака сохраненной страдательности*» видоизменяется в зависимости от того, какой звук предшествует ему. При соединении суффикса с корнем или аффиксально-корневым комплексом с конечным гласным [а], суффикс выступает в основном варианте *-нн-* (*арестованный, задержанный, подданный*). Когда *-нн-* примыкает непосредственно к корню, который оканчивается на согласный, избыточное стечение согласных разрежается через варианты *-ьнн-* в безударном положении (*возлюбленный, новопреставленный, ослабленный, новорожденный*) и через вариант *-онн-* под ударением (*влюбленный, приближенный, прокаженный, осужденный, заключенный,*

непосвященный). Кроме указанных аффиксов, с тем же значением «признака сохраненной страдательности» может употребляться суффикс *-т-*. Данный суффикс присоединяется к аффиксально-корневому комплексу на *-ну-* и в ограниченных случаях на корневой гласный (*чокнутый, понятой, битый, убитый, нажитое, пережитое, зажитое*).

Нетрудно заметить, что выбор того или иного суффикса определяется характером связи носителя признака с действием, которое послужило причиной образования признака. Кроме того, причастная природа аффикса в большинстве случаев хотя и преломленном виде, но сохраняет видовую идею и идею времени.

3.2.3 Носитель независимого признака

Самый простой вид отношений между носителем и признаком обнаруживается в шестом типе носителя признака. Это объясняется тем, что причиной представляемого признака выступает сам носитель, который отождествляется с некой вещью, самостоятельно порождающей представляемый носителем признак независимо от того, действует ли вещь или находится в спокойном состоянии. Такого носителя охарактеризуем как «носителя независимого признака». «Независимость признака» реализуется через отсутствие аффикса, указывающего на тип зависимости признака. Структура субстантиватов, относящихся к данному типу, представлена корневой морфемой и местоименной флексией (*целое, малое, милый, немилый, прямая, кривая, глухой, рыжий, лысый, чернокожий, темнокожий, членистоногое, старое*). Аффиксация корневой морфемы (если она есть) направлена исключительно на характеристику собственно признака: *синенькая, зелененькая (купюра), маленький, старшенький*.

Таким образом, по типу связи носителя и признака выделяются следующие типы носителей признака.

1. Носитель объектно-зависимого признака (*марсовой, луковой, гороховой, городской, мертвецкая, детская*).

2. Носитель признака внутреннего обладания (*больной, чахоточный, булочная, спиртное*).

3. Носитель признака внешнего обладания (*горбатый, сохатый, пернатое, носатый*).

4. Носитель акционально-зависимого признака.

а) Носитель поддерживаемого акционально-зависимого признака (*ведущий, гулящая, успокаивающее, лежащий, ловчий*).

б) Носитель сохраненного акционально-зависимого признака (*навший, умерший, беглый, взрослый, хожалый*).

5. Носитель акционально-навязанного признака.

а) Носитель поддерживаемого акционально-навязанного признака (*подсудимый, любимый, ископаемое, слагаемое*).

б) Носитель сохраненного акционально-навязанного признака (*арестованный, осужденный, влюбленный, убитый, нажитое*).

6. Носитель независимого признака (*милый, целое, маленькое, темнокожий, старое*).

Все сказанное подтверждает нашу мысль о том, что номинативная единица может рассматриваться с точки зрения ее производности в двух аспектах: в словообразовательном и лексеобразовательном в указанном выше понимании. На примере субстантивированных прилагательных и причастий мы показали, что каждый субстантиват на уровне лексеобразовательной модели может быть охарактеризован по отнесенности к одному из шести множеств / подмножеств, а на уровне словообразовательной модели он может быть отнесен к одному из шести типов носителей признака на основе сходства строения внутренней формы. Кроме того, субстантиват может выражать определенную степень инициативности называемого предмета в зависимости от грамматического рода, в котором субстантивируется слово. Характеристика субстантиватов по данным параметрам приводится в приложении к данной работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед исследователем в любой области рано или поздно встает вопрос: ради чего он вступил на непростой путь научного познания? Очевидно, ответ на этот вопрос в каждом конкретном случае будет разным. Кого-то привлекает приобретаемый статус ученого, и прилагаемые усилия оцениваются с точки зрения их значимости по отношению к занимаемому статусу. Кем-то движет природное любопытство, которое не дает спокойно жить, и целью научного познания становится постоянный поиск предмета, способного удовлетворить это любопытство. Для кого-то один раз осознанная проблема трансформируется в глобальную, определяющую все состояние научной отрасли, и все интеллектуальные усилия направляются именно на решение этой глобальной проблемы...

Этот ряд может оставаться бесконечно открытым, поскольку действующих мотивов может быть сколь угодно много. Но независимо от того, какой ответ на поставленный выше вопрос дает себе конкретный исследователь, значимость его усилий в науке будет оцениваться уж точно не им самим, а научным сообществом. Поэтому, когда автор в заключении пытается дать оценку того, насколько успешно достигнута поставленная цель и в полной ли мере решены соответствующие задачи, он рискует еще больше, чем когда решает поделиться результатами своей работы.

Полностью погружаясь в решение конкретной проблемы, исследователь невольно попадает под «обаяние» собственной концепции, поскольку поглощен ею полностью, но в этом и состоит опасность: азарт нередко приводит к тому, что факты, противоречащие принятой концепции, исключаются из поля исследования, игнорируются. В результате имеем стройную систему взглядов, очищенную от всех несоответствий, но как раз эта видимая бесспорность и настораживает. Но бывает наоборот, когда плодотворная идея, скрытая за громоздкими формулировками, не может пробиться через нагромождение терминологии и «достучаться» до того, кто мог бы воспользоваться ею для решения своих собственных задач. Извечная проблема – соответствие формы содержанию.

Если говорить о том, что заставило автора этой работы поделиться своими соображениями с научной общественностью, то ответ будет достаточно прост: чувство долга. Но отнюдь не чувство долга перед наукой, как может показаться, а чувство долга перед человеком, которого я считал и считаю своим учителем – Геннадием Прокопьевичем Мельниковым. Жизнь повернулась так, что нам не удалось довести до конца начатую с ним работу: перестройка, кризис, развал СССР, новые государства, новые границы, а потом случилось непоправимое – моего учителя не стало... Не знаю, что он думал о том, чего мы не успели доделать, но мне кажется, бы-

ло бы несправедливым продолжать хранить незавершенным то, к чему хотя бы в самом начале был причастен Геннадий Прокопьевич. Думаю, что многое в нашей работе выглядело бы по-другому, если бы у меня сейчас была возможность посоветоваться, но одно могу утверждать уверенно: с общей концепцией работы Геннадий Прокопьевич был согласен. И короткий ответ «получилось» на мой вопрос, удалось ли то, что я ему показал, для меня останется мерилom потраченных мной усилий.

Сказанное вовсе не означает, что автору безразлично мнение заинтересованных исследователей. Всякие конструктивные замечания будут приняты с искренней благодарностью и по возможности учтены в дальнейшей разработке проблемы. Предлагаемое исследование лишь в общих чертах намечает возможные подходы к разработке как новой теории русского словообразования, отражающей закономерности образования внутренней формы слова, так и теории лексемообразования, объясняющей механизм связи внутренней формы со смыслом.

Рассмотрение с указанных позиций широко описанного в литературе явления субстантивации позволяет и в такой, достаточно изученной области обнаружить вопросы, на которые системная лингвистика может дать свои ответы, опираясь при этом на единые принципы анализа для всех языковых уровней, что лишний раз подчеркивает эффективность системного подхода в решении конкретных задач. Еще раз подчеркнем: излагаемая концепция не претендует на роль аспектирующей, направленной на смену другой аспектирующей концепции, наоборот, мы попытались предложить концепцию, которая стала результатом синтеза существующих теорий в той части, где они не противоречат системному подходу. Автор надеется, что предлагаемая концепция окажется востребованной не только при рассмотрении общих проблем языковой системы, но и при решении более частных задач, стоящих перед теорией современного словообразования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данное приложение содержит список наиболее употребительных субстантивов с указанием их характеристик как слов и лексем. Принадлежность к множеству/подмножеству характеризует лексеμοобразовательную модель, а отнесенность к типу/подтипу носителя признака указывает на словообразовательную модель исходного прилагательного или причастия. В приложении также содержатся данные о степени относительной инициативности, закреπленной формой грамматического рода.

В приложении используются следующие условные обозначения:

I – Множество «лицо»

- I а** – подмножество «больной»
- I б** – подмножество «рабочий»
- I в** – подмножество «виновный»
- I г** – подмножество «взрослый»
- I д** – подмножество «покойный»
- I е** – подмножество «верующий»
- I ж** – подмножество «суженый»
- I з** – подмножество «имуций»
- I и** – подмножество «городской»

II – Множество «животное»

III – Множество «предмет пользования»

- III а** – подмножество «столовая»
- III б** – подмножество «докладная»
- III в** – подмножество «наличные»
- III г** – подмножество «штатское»
- III б** – подмножество «вторая»
- III е** – подмножество «скорый»
- III ж** – подмножество «постоялое»
- III з** – подмножество «приданое»

IV – Множество «вещество»

V – Множество «овеществленное свойство»

VI – Множество «событие»

- 1 – Носитель объектно-зависимого признака
- 2 – Носитель признака внутреннего обладания
- 3 – Носитель признака внешнего обладания
- 4 – Носитель акционально-зависимого признака

- 4 а – Носитель поддерживаемого акционально-зависимого признака
- 4 б – Носитель сохраненного акционально-зависимого признака
- 5 – Носитель акционально-навязанного признака
- 5 а – Носитель поддерживаемого акционально-навязанного признака
- 5 б – Носитель сохраненного акционально-навязанного признака
- 6 – Носитель независимого признака

М – мужской род

Ж – женский род

С – средний род

pl – только форма множественного числа

Степени инициативности:

- +** – максимальная инициативность
- ~** – детерминированная инициативность
- 0** – нейтральная инициативность

Таблица – Наиболее употребительные субстантиваты и их характеристики

СУБСТАНТИВАТ	МНОЖЕСТВО	ТИП	ИНИЦИАТИВНОСТЬ	РОД
авторские	Шв	1	+	рl
акцизный	Ш	2	+	м
амнистированный	Ив	5б	+/~	м/ж
аппаратная	Ша	2	~	ж
арестантская	Ша	1	~	ж
арестованный	Ив	5б	+/~	м/ж
артистическая	Ша	1	~	ж
бастующий	И	4а	+/~	м/ж
батальонный	Иб	2	+	м
беглый	Ив	4б	+/~	м/ж
бедный	Из	2	+/~	м/ж
безработный	Иб	2	+/~	м/ж
безумная	Иа	2	+/~	м/ж
белый	И	6	+/~	м/ж
бельевая	Ша	1	~	ж
беременная	И	5б	+	ж
беспартийный	И	2	+/~	м/ж
беспризорный	И	2	+/~	м/ж
бильярдная	Ша	2	~	ж
благодарный	Ие	2	+/~	м/ж
благодарный	Ие	2	+/~	м/ж
благородный	И	2	+/~	м/ж
благочинный	И	2	+/~	м/ж
блаженненский	И	2	+/~	м/ж
блаженный	И	5б	+/~	м/ж
блатной	И	2	+/~	м/ж
ближний	И	2	+/~	м/ж
близкое	VI	6	0	с
блинная	Ша	2	~	ж
богатый	Из	3	+/~	м/ж
бойлерная	Ша	2	~	ж
больной	Иа	2	+/~	м/ж
большенький	Иг	6	+/~	м/ж
большой	Иг	6	+/~	м/ж
болящий	Иа	4а	+/~	м/ж
борзая	II	6	~	ж
брюшнотифозный	Иа	2	+/~	м/ж

Продолжение таблицы

будущее	V	4а	0	с
булочная	IIIa	2	~	ж
бургонское	IVa	1	0	с
буфетная	IIIa	2	~	ж
былое	V	4б	0	с
вагоновожатый	Iб	3	+/~	м/ж
вальцевой	Iб	1	+	м
ванная	IIIa	2	~	ж
вахтенный	Iб	2	+	м
ведущий	Iб	4а	+/~	м/ж
венгерское	IVa	1	0	с
верноподданный	I	5б	+/~	м/ж
верующий	Ie	4а	+/~	м/ж
верхоконный	Iб	2	+	м
вестовой	Iб	1	+	м
вечернее	IIIг	2	0	с
взводный	Iб	2	+	м
взрослый	Iг	4б	+/~	м/ж
взрывной	Iб	2	+	м
виновный	Iв	2	+/~	м/ж
влюбленный	I	5б	+/~	м/ж
внутреннее	IVб	2	0	с
водяной	I	2	+/~	м/ж
водящий	Iб	4а	+	м
военнообязанный	Iв	5б	+/~	м/ж
военное	IIIг	2	0	с
военнопленный	I	5б	+/~	м/ж
военнослужащий	Iб	4а	+	м
военный	Iб	2	+	м
вожатый Iб		3	+/~	м/ж
возлюбленный	I	5б	+/~	м/ж
возничий	Iб	1	+	м
вольная	IIIб	2	~	ж
вольноотпущенный	Iв	5б	+/~	м/ж
вольный	Iв	2	+/~	м/ж
вороной	II	2	+	м
восьмая	IIIд	6	~	ж
впередсмотрящий	Iб	4а	+	м

Продолжение таблицы

вселенная	IIIa	5б	~	ж
всенощная	III	2	~	ж
встречный	I	2	+	м
вторая	IIIд	6	~	ж
второе	IVa	6	0	с
второе	VI	6	0	с
выборный	I	2	+/~	м/ж
выпускающий	I	4a	+	м
высокопреосвященный	Ie	5б	+/~	м/ж
выходной	III	2	+	м
вычитаемое	III	5a	0	с
гардеробная	IIIa	2	~	ж
главное	VI	2	0	с
главнокомандующий	Iб	4a	+	м
гласный	Iб	2	+	м
гласный	III	2	+	м
глухой	Ia	6	+/~	м/ж
глухонемой	Ia	6	+/~	м/ж
гнедой	II	6	+	м
головной	Iб	2	+	м
голодающий	I	4a	+/~	м/ж
голодный	I	2	+/~	м/ж
гончая	II	6	~	ж
горбатый	Ia	3	+/~	м/ж
горничная	Iб	2	~	ж
горновой	Iб	1	+	м
горнорабочий	Iб	1	+	м
городничий	Iб	1	+	м
городской	Ии	1	+/~	м/ж
горькая	IVa	6	0	с
горючее	IV	4a	0	с
горячее	IVa	6	0	с
горячительное	IVa	2	0	с
гостиная	IIIa	2	~	ж
грамотный	I	2	+/~	м/ж
гримерная	IIIa	2	~	ж
гриппозный	Ia	2	+/~	м/ж
грядущее	V	4a	0	с

Продолжение таблицы

гулящая	I	4а	+	ж
дарственная	Шб	5б	~	ж
дворецкий	Iб	1	+	м
дворницкая	Ша	1	~	ж
дворовой	Iб	1	+/~	м/ж
дворовый	Iб	1	+	м
девятая	Шд	6	~	ж
дежурный	Iб	2	+/~	м/ж
делимое	Ш	5а	0	с
демобилизованный	Iв	5б	+/~	м/ж
деревенский	Ии	1	+/~	м/ж
десятая	Шд	6	~	ж
десятский	Iб	1	+	м
детская	Ша	1	~	ж
диванный	Iб	2	+	м
дикторская	Ша	1	~	ж
диспетчерская	Ша	1	~	ж
дневальный	Iб	2	+	м
дневной	Ше	2	+	м
доверенный	Iб	5б	+/~	м/ж
дозжачий	Iб	4а	+	м
дозорный	Iб	2	+	м
докладная	Шб	2	~	ж
должное	VI	2	0	с
душевнеобольной	Iа	2	+/~	м/ж
жаропонижающее	IVб	4а	0	с
жвачное	II	2	0	с
желающий	I	4а	+/~	м/ж
желтокожий	Iа	6	+/~	м/ж
живой	I	6	+/~	м/ж
животное	II	2	0	с
жидкое	IVа	6	0	с
жилое	V	4б	0	с
заведующий	Iб	4а	+/~	м/ж
заводской	Ии	1	+/~	м/ж
заграничное	VI	2	0	с
загребной	Iб	2	+	м
зажитое	Шз	5б	0	с

Продолжение таблицы

закладная	ШБ	2	~	Ж
заключенный	Ів	5б	+/~	М/Ж
закусочная	Ша	2	~	Ж
заливное	IVa	2	0	с
замыкающий	І	4а	+	М
запасной	Іб	2	+/~	М/Ж
заразный	Іа	2	+/~	М/Ж
застольная	Ш	2	~	Ж
зачумленный	Іа	5б	+/~	М/Ж
звеновой	Іб	1	+/~	М/Ж
зелененькая	Шв	2	~	Ж
зеленое	Шг	2	0	с
земноводное	ІІ	2	0	с
зимнее	Шг	2	0	с
злотый	Шв	6	+	М
знакомый	І	5а	+/~	М/Ж
зодчий	Іб	1	+	М
зубной	Іб	2	+	М
известное	VI	2	0	с
имуций	Із	4а	+/~	М/Ж
иноверный	Іе	2	+/~	М/Ж
инструментальная	Ша	2	~	Ж
искомое	Ш	5а	0	с
ископаемое	ІІ	5а	0	с
исподнее	Шг	2	0	с
кандальный	Ів	2	+/~	М/Ж
караульная	Ша	2	~	Ж
караульный	Іб	2	+	М
касательная	ІІ	2	~	Ж
каторжный	Ів	2	+/~	М/Ж
кахетинское	IVa	1	0	с
квартильный	Іб	2	+	М

Продолжение таблицы

квартирные	Шв	2	+	рl
кипяточная	Ша	2	~	ж
кладовая	Ша	1	~	ж
клейменный	Ив	5б	+/~	м/ж
коверный	Иб	2	+	м
ковшевой	Иб	1	+	м
колесничий	Иб	1	+	м
колонновожатый	Иб	3	+/~	м/ж
командировочные	Шв	2	+	рl
командировочный	И	2	+/~	м/ж
командующий	Иб	4а	+	м
камаринская	Ш	1	~	ж
комическое	VI	1	0	с
компрессорная	Ша	2	~	ж
конвойный	Ив	2	+/~	м/ж
кондитерская	Ша	1	~	ж
конный	Иб	2	+	м
копровой	Иб	1	+	м
копытное	II	2	0	с
коренная	II	2	~	ж
коридорный	Иб	2	+/~	м/ж
кормчий	Иб	1	+	м
корректорская	Ша	1	~	ж
косая	Ш	6	~	ж
косой	Iа	6	+/~	м/ж
косой	II	6	+	м
косолапый	II	6	+	м
костровой	Иб	1	+	м
костюмерная	Ша	2	~	ж
котельная	Ша	2	~	ж
кошевой	Иб	1	+	м
кравчий	Иб	4а	+	м
краденое	Шз	5б	0	с
красенькая	Шв	2	~	ж

Продолжение таблицы

красное	IIIг	2	0	с
красное	IVa	2	0	с
краснокожий	Ia	6	+/~	м/ж
красный	I	2	+/~	м/ж
кратное	III	2	0	с
крепостной	Iв	2	+/~	м/ж
крестный	Ie	2	+/~	м/ж
крещенный	Ie	56	+/~	м/ж
кривая	III	6	~	ж
кривой	Ia	6	+/~	м/ж
купчая	IIIб	4a	~	ж
куренной	Iб	2	+	м
курительная	IIIa	2	~	ж
курносая	Ia	6	+/~	м/ж
кухмистерская	IIIa	1	~	ж
кучерская	IIIa	1	~	ж
лакейская	IIIa	1	~	ж
ламповая	IIIa	1	~	ж
левофланговый	Iб	1	+	м
левый	I	6	+	м
леговая	II	6	~	ж
легавый	Iб	6	+	м
лекторская	IIIa	1	~	ж
летнее	IIIг	2	0	с
леший	I	1	+	м
литейная	IIIa	2	~	ж
ловчий	Iб	4a	+	м
ломаная	III	56	~	ж
лотовый	Iб	1	+	м
лукавый	I	6	+/~	м/ж
лысый	Ia	6	+/~	м/ж
любимый	I	5a	+/~	м/ж
любопытный	I	2	+/~	м/ж
людская	IIIa	1	~	ж
маленький	Iг	6	+/~	м/ж
малое	VI	6	0	с
малолетний	Iг	2	+/~	м/ж
малый	Iг	6	+	м

Продолжение таблицы

манная	III	2	~	ж
марсовой	Iб	1	+	м
масленая	III	2	~	ж
массажная	IIIа	2	~	ж
мастеровой	Iб	1	+	м
мастерская	IIIа	1	~	ж
махальный	Iб	2	+	м
мачтовой	Iб	1	+	м
меньшенький	Iг	6	+/~	м/ж
мертвецкая	IIIа	1	~	ж
мертвый	Iд	6	+/~	м/ж
милый	I	6	+/~	м/ж
мировая	III	1	~	ж
млекопитающее	II	4а	0	с
мнимобольной	Iа	2	+/~	м/ж
мобилизованный	Iв	5б	+/~	м/ж
моечная	IIIа	2	~	ж
молельная	IIIа	2	~	ж
молодой	Iж	6	+/~	м/ж
молочная	IIIа	2	~	ж
молочное	IVа	2	0	с
монтажная	IIIа	2	~	ж
мороженое	IVа	5б	0	с
мочегонное	IVб	2	0	с
мясная	IIIа	2	~	ж
набольший	Iб	6	+	м
наборная	IIIа	2	~	ж
нажитое	IIIз	5б	0	с
накладная	IIIб	2	~	ж
наличные	IIIв	2	0	pl
нападающий	Iб	4а	+	м
направляющий	Iб	4а	+	м
нареченный	Iж	5б	+/~	м/ж
наружное	IVб	2	0	с
насекомое	II	5а	0	с
настоящее	V	4а	0	с
начинающая	I	4а	+/~	м/ж
неблагонадежный	I	2	+/~	м/ж

Продолжение таблицы

неверный	Ie	2	+/~	м/ж
неверующий	Ie	4a	+/~	м/ж
невоеннообязанный	Iв	5б	+/~	м/ж
неграмотный	I	2	+/~	м/ж
неизвестное	VI	2	0	с
неизвестный	I	2	+/~	м/ж
неимуций	Iз	4a	+/~	м/ж
некрещенный	Ie	5б	+/~	м/ж
нелегкая	III	6	~	ж
немилый	I	6	+/~	м/ж
немой	Ia	6	+/~	м/ж
непосвященный	I	5б	+/~	м/ж
нервнобольной	Ia	2	+/~	м/ж
несовершеннолетний	Iг	2	+/~	м/ж
нестроевой	Ia	1	+/~	м/ж
несчастненький	I	2	+/~	м/ж
несчастный	I	2	+/~	м/ж
неуспевающий	I	4a	+/~	м/ж
нищий	Iз	6	+/~	м/ж
новенький	I	6	+/~	м/ж
новенький	I	6	+/~	м/ж
новобрачный	Iж	2	+/~	м/ж
новое	VI	6	0	с
новообращенный	Ie	5б	+/~	м/ж
новопосвященный	Ie	5б	+/~	м/ж
новопреставленный	Iд	5б	+/~	м/ж
новоприбывший	I	4б	+/~	м/ж
новоприезжий	I	4a	+/~	м/ж
новорожденный	Iг	5б	+/~	м/ж
номерной	Iв	2	+/~	м/ж
ночное	V	2	0	с
ночной	IIIe	2	+	м
обвиняемый	Iв	5a	+/~	м/ж
обозный	Iб	2	+	м
образная	IIIa	2	~	ж
общее	VI	6	0	с
овинный	Iб	2	+	м
овощная	III	2	~	ж

Продолжение таблицы

одержимый	I	5a	+/~	м/ж
одержимый	I	5a	+/~	м/ж
одинокий	I	6	+/~	м/ж
околесная	III	2	~	ж
околоточный	Iб	2	+	м
окольный	Iб	1	+	м
окружающее	VI	4a	0	с
операционная	IIIa	2	~	ж
ординаторская	IIIa	1	~	ж
осужденный	Iв	5б	+/~	м/ж
отвальный	Iб	2	+/~	м/ж
отдыхающая	I	4a	+/~	м/ж
отпускная	IIIб	2	~	ж
отпускные	IIIв	2	0	pl
отхаркивающее	IVб	4a	0	с
отходная	III	2	~	ж
отъезжающая	I	4a	+/~	м/ж
отъезжающий	I	4a	+/~	м/ж
официантская	IIIa	1	~	ж
очищенный	Ie	5б	+/~	м/ж
парадное	IIIa	2	0	с
парадное	IIIг	2	0	с
параличный	Ia	2	+/~	м/ж
парикмахерская	IIIa	1	~	ж
парная	IIIa	2	~	ж
парнокопытное	II	2	0	с
партийный	I	2	+/~	м/ж
пассажирский	IIIe	1	+	м
паштетная	IIIa	2	~	ж
певчий	Iб	4a	+	м
первое	IVa	6	0	с
первое	VI	6	0	с
перевязочная	IIIa	2	~	ж
передовое	VI	1	0	с
пережитое	V	4б	0	с
пернатое	II	3	0	с
пивная	IIIa	2	~	ж
пионервожатый	Iб	3	+/~	м/ж

Продолжение таблицы

пирожное	IVa	2	0	с
пленный	I	56	+/~	м/ж
плитовой	Iб	1	+	м
поверенный	Iб	56	+/~	м/ж
повседневное	IIIг	2	0	с
повторнородящая	I	4a	+	ж
подвахтенный	Iб	2	+	м
подданный	Iв	56	+/~	м/ж
поддужный	Iб	2	+	м
подзащитный	Iв	2	+/~	м/ж
подзащитный	Iв	2	+/~	м/ж
подконвойный	Iв	2	+/~	м/ж
подконюший	Iб	6	+	м
подлежащее	III	5a	0	с
подлунная	III	2	~	ж
поднадзорный	Iв	2	+/~	м/ж
поднебесная	III	2	~	ж
подноготная	III	2	~	ж
подопечный	Iв	2	+/~	м/ж
подорожная	IIIб	2	~	ж
подотчетные	IIIв	2	0	pl
подручный	Iб	2	+/~	м/ж
подследственный	Iв	56	+/~	м/ж
подследственный	Iв	56	+/~	м/ж
подсудимый	Iв	5a	+/~	м/ж
подушное	IIIж	2	0	с
подхорунжий	Iб	6	+	м
подчиненный	I	56	+/~	м/ж
подчиненный	I	56	+/~	м/ж
подшефный	I	2	+/~	м/ж
подъемные	IIIв	2	0	pl
подьячий	Iб	4a	+	м
пожарный	Iб	2	+	м
пожилое	IIIж	46	0	с
покойницкая	IIIa	1	~	ж
покойный	Iд	2	+/~	м/ж
полежалое	VI	46	0	с
политзаключенный	Iв	2	+/~	м/ж

Продолжение таблицы

политический	Ів	1	+/~	м/ж
полицейский	Іб	1	+	м
поличное	Шж	2	0	с
полоскательное	ІVб	2	0	с
полубезработный	Іб	2	+/~	м/ж
полуротный	Іб	2	+	м
полусредний	Іб	2	+	м
помешанный	Іа	5б	+/~	м/ж
понятой	Ів	5б	+/~	м/ж
портерная	Ша	2	~	ж
посадский	Іи	1	+/~	м/ж
посевная	Ш	2	~	ж
последнее	VI	2	0	с
постельничий	Іб	1	+	м
постовой	Іб	1	+	м
постоялое	Шж	4б	0	с
пострадавший	Ів	4б	+/~	м/ж
посыльный	Іб	2	+/~	м/ж
потерпевший	Ів	4б	+/~	м/ж
потогонное	ІVб	2	0	с
похоронная	Шб	2	~	ж
почивший	Ід	4б	+/~	м/ж
почтовый	Ше	1	+	м
правоверный	Іе	2	+/~	м/ж
православный	Іе	2	+/~	м/ж
правый	І	б	+	м
прачечная	Ша	2	~	ж
председательствующий	Іб	4а	+	м
премиальные	Шв	2	0	рl
преосвященный	Іе	5б	+/~	м/ж
приближенный	І	5б	+/~	м/ж
приданое	Шз	5б	0	с
придворный	Іб	2	+/~	м/ж
приезжающий	І	4а	+/~	м/ж
приезжий	І	4а	+/~	м/ж
приемная	Ша	2	~	ж
приемная	Ша	2	~	ж
приказный	Ів	2	+/~	м/ж

Продолжение таблицы

припадочный	Ia	2	+/~	м/ж
припарковочная	IIIa	2	~	ж
пристяжная	II	2	~	ж
присутствующий	I	4a	+/~	м/ж
присяжный	Iб	2	+	м
прихожая	IIIa	1	~	ж
проводящий	Iб	3	+/~	м/ж
прогрессивное	VI	2	0	с
продокторская	IIIa	1	~	ж
проездной	IIIб	2	+	м
проездные	IIIв	2	0	pl
проезжающий	I	4a	м/ж	+/~
производная	III	2	~	ж
происшедшее	V	4б	0	с
прокаженный	Ia	5б	+/~	м/ж
промывательное	IVб	2	0	с
прорабская	IIIa	1	~	ж
простейшее	II	6	0	с
профессорская	IIIa	1	~	ж
проходная	IIIa	2	~	ж
прохожий	I	6	+/~	м/ж
прошедшее	V	4б	0	с
прямая	III	6	~	ж
психическое	VI	1	0	с
пятая	IIIд	6	~	ж
рабочий	Iб	1	+/~	м/ж
радиомастерская	IIIa	1	~	ж
радужная	III	2	~	ж
разводящий	Iб	4a	+	м
разное	VI	2	0	с
разнорабочий	Iб	1	+	м
раненый	Ia	5б	+/~	м/ж
распивочная	IIIa	2	~	ж
расслабленный	I	5б	+/~	м/ж
рассыльный	Iб	2	+/~	м/ж
рвотное	IVб	2	0	с
реабилитированный	Iв	5б	+/~	м/ж
рейнское	IVa	1	0	с

Продолжение таблицы

репрессированный	Iв	5б	+/~	м/ж
ризнчий	Iб	1	+	м
родное	VI	2	0	с
родословная	IIIб	2	~	ж
рольная	IIIа	2	~	ж
ротаторная	IIIа	2	~	ж
ротный	Iб	2	+	м
рукопашная	III	2	~	ж
рулевой	Iб	1	+	м
русский	I	1	+/~	м/ж
рыжий	Iб	6	+	м
рядный	Iб	2	+	м
рядовой	Iб	1	+/~	м/ж
ряженный	I	5б	+/~	м/ж
сапная	II	2	ж	~
сборная	III	2	~	ж
сверхурочные	IIIв	2	0	pl
светлейший	I	6	+	м
свободный	I	2	+/~	м/ж
свободный	III	2	+	м
связной	Iб	2	+/~	м/ж
связной	Iб	2	+/~	м/ж
святой	Ie	6	+/~	м/ж
седьмая	IIIд	6	~	ж
сельский	Iи	1	+/~	м/ж
сердечный	I	2	+/~	м /ж
серое	IIIг	6	0	с
серый	II	6	+	м
синенькая	IIIв	2	~	ж
сказуемое	III	5а	0	с
скарбничий	Iб	1	+	м
скорый	IIIe	6	+	м
скромное	VI	2	0	с
слабительное	IVб	2	0	с
слагаемое	III	5а	0	с
сладкое	IVа	6	0	с
слепой	Iа	6	+/~	м/ж
слесарная	IIIа	2	~	ж

Продолжение таблицы

слизистая	III	6	~	ж
служащий	Iб	4а	+	м
служивый	Iб	4а	+	м
смертный	I	2	+/~	м/ж
снотворное	IVб	2	0	с
совершеннолетний	Iг	2	+/~	м/ж
согласный	III	2	+	м
содержимое	IV	5а	0	с
сокольничий	Iб	1	+	м
сопроводительная	IIIб	2	~	ж
сопровождающий	I	4а	+/~	м/ж
сосисочная	IIIа	2	~	ж
сосланный	Iв	5б	+/~	м/ж
сотая	IIIд	6	~	ж
сотенная	IIIв	2	~	ж
сотенный	Iб	2	+	м
сотский	Iб	1	+	м
сохатый	II	3	+	м
сочувствующий	I	4а	+/~	м/ж
спальная	IIIа	2	~	ж
спиртное	IVа	2	0	с
сподручный	Iб	2	+/~	м/ж
среднее	VI	2	0	с
ссылнокасторжный	Iв	2	+/~	м/ж
ссылный	Iв	2	+/~	м/ж
старое	VI	6	0	с
старослужащий	Iб	4а	+	м
старослуживый	Iб	4а	+	м
старшенький	Iг	6	+/~	м/ж
старший	Iб	6	+/~	м/ж
старшой	Iб	6	+	м
статский	Iб	1	+	м
столовая	IIIа	1	~	ж
столярная	IIIа	2	~	ж
стопорный	Iб	2	+	м
стремянной	Iб	2	+	м
стряпчий	Iб	4а	+	м
судейская	IIIа	1	~	ж

Продолжение таблицы

судорабочий	Іб	1	+	м
суженый	Іж	5б	+/~	м/ж
сумасшедший	Іа	4б	+/~	м/ж
суточные	ІІв	2	+	рІ
сущечная	ІІа	2	~	ж
существительное	ІІ	5а	0	с
съезжая	ІІа	1	~	ж
сыпнотифозный	Іа	2	+/~	м/ж
табельная	ІІа	2	~	ж
темная	ІІа	2	~	ж
темнокожий	Іа	6	+/~	м/ж
теплое	ІІг	6	0	с
тифозный	Іа	2	+/~	м/ж
товарный	ІІе	2	+	м
токарная	ІІа	2	~	ж
трагическое	ІІ	1	0	с
трапезная	ІІа	2	~	ж
транспортные	ІІв	2	0	рІ
третье	ІІа	6	0	с
третья	ІІд	6	~	ж
туберкулезный	Іа	2	+/~	м/ж
тысячная	ІІв	2	~	ж
тысячная	ІІд	6	~	ж
тяжелобольной	Іа	2	+/~	м/ж
убитый	Ід	5б	+/~	м/ж
убогий	Іа	6	+/~	м/ж
уборная	ІІа	2	~	ж
уборочная	ІІ	2	~	ж
увечный	Іа	2	+/~	м/ж
уголовный	Ів	2	+/~	м/ж
умалишенный	Іа	5б	+/~	м/ж
уменьшаемое	ІІ	5а	0	с
умерший	Ід	4б	+/~	м/ж
умирающий	І	4а	+/~	м/ж
умывальная	ІІа	2	~	ж
упаковочная	ІІа	2	~	ж
уполномоченный	Іб	5б	+	м
управляющий	Іб	4а	+	м

Продолжение таблицы

услужающий	I	4а	+/~	м/ж
усопший	Id	4б	+/~	м/ж
успевающий	I	4а	+/~	м/ж
успокаивающее	IVб	4а	0	с
утренний	IIIe	2	+	м
участковый	Iб	1	+	м
ученый	Iб	2	+	м
учительская	IIIa	1	~	ж
фабричный	Iи	2	+/~	м/ж
фасовочная	IIIa	2	~	ж
физиологическое	VI	1	0	с
флотский	Iб	1	+	м
фотомастерская	IIIa	1	~	ж
хожалый	Iб	4б	+	м
хожалый	Iб	4б	+	м
холерный	Ia	2	+/~	м/ж
холодная	IIIa	2	~	ж
холодное	IVa	2	0	с
хорунжий	Iб	6	+	м
хромой	Ia	6	+/~	м/ж
цветной	Ia	2	+/~	м/ж
целковый	IIIв	1	+	м
целое	VI	6	0	с
цимлянское	IVa	1	0	с
чайная	IIIa	2	~	ж
часовой	Iб	1	+	м
частное	VI	2	0	с
чахоточный	Ia	2	+/~	м/ж
чебуречная	IIIa	2	~	ж
челобитная	IIIб	2	~	ж
черное	IIIг	2	0	с
чернокожий	Ia	6	+/~	м/ж
чернорабочий	Iб	1	+/~	м/ж
черный	Ia	2	+/~	м/ж
чесоточный	Ia	2	+/~	м/ж
четвертая	IIIд	6	~	ж
четвертная	IIIв	2	~	ж
числительное	III	5а	0	с

Окончание таблицы

чокнутый	Ia	56	+/~	м/ж
чужой	I	6	+/~	м/ж
чумной	Ia	2	+/~	м/ж
чумовая	I	1	+/~	м/ж
шашлычная	IIIa	2	~	ж
швейцарская	IIIa	1	~	ж
шемая	I	6	+/~	м/ж
шестая	IIIд	6	~	ж
штабной	Iб	2	+	м
штатский	Iб	1	+	м
штатское	IIIг	1	0	с
штрафной	III	2	+	м
штрафованный	Iв	56	+/~	м/ж
штурвальный	Iб	2	+	м
щитовая	IIIa	1	~	ж
эскадронный	Iб	2	+	м
юродивый	Ia	1	+/~	м/ж
ясельничий	Iб	1	+	м

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, Г.В. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка / Г.В. Адмони – Л. : Наука, 1966. – 256 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская Энциклопедия, 1968. – 608 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь омонимов русского языка / О.С. Ахманова. – М. : Советская Энциклопедия, 1974. – 448 с.
4. Бабайцева, В.В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка / В.В. Бабайцева // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 81–84.
5. Бабайцева, В.В. Классификация частей речи с учетом существования гибридных слов / В.В. Бабайцева // Вопросы синтаксиса русского языка. – Тамбов, 1973. – С. 102–112.
6. Бабайцева, В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В.В. Бабайцева // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35–42.
7. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения / В.В. Бабайцева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1988. – С. 3–13.
8. Бабайцева, В.В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) / В.В. Бабайцева // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. : Прометей, 1991. – С. 3–14.
9. Балкина, Н.В. К вопросу о семантической классификации субстантивов со значением лица в русском и английском языках / Н.В. Балкина // Сопоставительный анализ языков в учебных целях : сб. науч. тр. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1983. – С. 35–41.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; под ред. Р.А. Будагова. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
11. Барзилович, А.М. Субстантивация прилагательных в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М. Барзилович. – Киев, 1952. – 15 с.
12. Баудер, А.Я. Словообразовательный аспект явлений переходности в системе частей речи / А.Я. Баудер // Науч. тр. Курского пед. ин-та. – Т. 175 : Проблемы ономазиологии. – Вып. 4. – С. 122–123.
13. Баудер, А.Я. К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом строе русского языка / А.Я. Баудер // Филологические науки. – 1980. – № 5. – С. 79–83.

14. Баудер, А.Я. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления / А.Я. Баудер // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1988. – С. 13–19.

15. Баудер, А.Я. Лексико-семантический аспект явления переходности в системе частей речи / А.Я. Баудер // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. : Прометей, 1991. – С. 22–31.

16. Бедняков, А.С. Явление переходности грамматических категорий в современном русском языке / А.С. Бедняков // Русский язык в школе. – 1941. – № 3. – С. 28–31.

17. Блюмина, И.К. Двойное функционирование как основной критерий выделения переходных явлений в области морфологии (На материале адъективированных причастий и отглагольных прилагательных) / И.К. Блюмина // Функционирование языка и норма. – Горький, 1986. – С. 101–109.

18. Бологан, Т.С. Транспозиция частей речи в русском и румынском языках (на материале произведений А.П. Чехова) / Т.С. Бологан // Probleme de filologie slava. – Timisoara, 1997. – С. 13–20.

19. Бондарко, А.В. К вопросу о «транспозиции» / А.В. Бондарко // Ученые записки ЛГПИ имени А.И. Герцена. – Л., 1963. – Т. 248 : Вопросы языкознания. – С. 51–60.

20. Булгаков, М.А. Собрание сочинений : в 5 т. / М.А. Булгаков. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1 : Записки юного врача ; Белая гвардия ; Рассказы ; Записки на манжетах / редкол.: Г. Гоц [и др.]. – 623 с.

21. Бунина, М.С. Явление переходности в области частей речи / М.С. Бунина // Современный русский язык : сб. тр. – М. : Просвещение, 1976. – С. 47–76.

22. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка : в 2 ч. / Ф.И. Буслаев. – 4-е изд. – М. : Бр. Салаевы, 1875. – Ч. 1. – 264 с.

23. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка : в 2 ч. / Ф.И. Буслаев. – 4-е изд. – М. : Бр. Салаевы, 1875. – Ч. 2. – 382 с.

24. Верницкая, С.Г. Характеристика типов позиционно субстантивированных коммуникативных единиц / С.Г. Верницкая // Науч. тр. Кубанского ун-та. – Краснодар, 1973. – Вып. 171 : Сложное предложение в языке и речи. – С. 16–23.

25. Верницкая, С.Г. О свойствах позиционно субстантивированных коммуникативных единиц / С.Г. Верницкая // Науч. тр. Кубанского ун-та. – Вып. 216 : Единицы различных уровней в языке и речи. – Ч. 3. – Краснодар, 1976. – С. 87–94.

26. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
27. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку. / Г.О. Винокур – М. : Учпедгиз, 1959 – С. 419–442..
28. Востоков, А.Х. Русская грамматика / А.Х. Востоков. – 12-е изд. – СПб., 1874. – 216 с.
29. Вуттке, Н.А. О лингвистическом статусе предлогов / Н.А. Вуттке // Семантика. Функционирование : межвуз. сб. науч. тр. – Киров, 2001. – С. 67–73.
30. Вьлева, Р.Н. Субстантивация наречий в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Н. Вьлева. – М., 1974. – 22 с.
31. Гайсина, Р.М. Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики : учеб. пособие / Р.М. Гайсина. – Уфа : Изд-во БашкГУ, 1985. – 81 с.
32. Галкина-Федорук, Е.М. О форме и содержании в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Мышление и язык. – М., 1957. – С. 5–21.
33. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Фонетика и морфология (Теор. курс) : учеб. пособие для филол. ф-тов пед. вузов и ун-тов / А.Н. Гвоздев. – 5-е изд. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1997. – Вып. 2 : Морфология. – С. 9–15, 130–133.
34. Георгиева, В.Л. О субстантивации как языковом явлении / В.Л. Георгиева // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1963. – Т. 242 : Материалы конференций Северного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. – С. 97–108.
35. Голубева, Н.П. Изменения лексико-грамматических признаков, связанные с субстантивацией (К вопросу об изменчивых и постоянных признаках трансформированных грамматических категорий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Голубева. – Киев, 1963. – 19 с.
36. Голубева, Н.П. К вопросу о причинах возникновения так называемых субстантивированных прилагательных / Н.П. Голубева // Филологические науки. – 1970. – № 2. – С. 125–131.
37. Грамматика русского языка : в 2 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 139–241.
38. Граудина, Л.К. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М. : Наука, 1976. – С. 242–247.
39. Греч, Н.И. Практическая русская грамматика / Н.И. Греч. – СПб. : Тип. имп. СПб. воспитат. дома, 1834. – 526 с.
40. Гречко, В.А. Теория языкознания : учеб. пособие : в 2 ч. / В.А. Гречко. – Н. Новгород, 1998. – Ч. 2. – С. 131–137.

41. Громова, Д.А. К вопросу о субстантивации прилагательных в современном английском языке / Д.А. Громова. – Харьков : Изд-во ХПИ, 1990. – 24 с.
42. Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам развития / В. Гумбольдт // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1964. – 466 с.
43. Демьянова, Е.М. О переходе действительных причастий прошедшего времени в прилагательные / Е.М. Демьянова // Русский язык в школе. – 1973. – № 5. – С. 88–90.
44. Доконова, О.М. Субстантивация прилагательных и причастий в древнерусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.М. Доконова. – М., 1953. – 18 с.
45. Дружинин, Е.О. О номинативной способности частей речи и о влиянии конверсии на номинативную емкость слова / Е.О. Дружинин // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – М., 1982. – Вып. 6. – С. 46–51.
46. Дьячук, И.В. Проблема транспозиции на уровне частей речи / И.В. Дьячук // Развитие частей речи в истории русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – Рига : Изд-во ЛатвГУ, 1988. – С. 42–46.
47. Елистратов, В.С. Арго и культура / В.С. Елистратов // Словарь русского арго / В.С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – С. 574–692.
48. Ерастова, Н.Ф. К вопросу о соотношении формы и содержания субстантиватов-прилагательных (на материале субстантивированных прилагательных из поэтических произведений Н.А. Некрасова) / Н.Ф. Ерастова // Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та. – Ярославль, 1971. – Вып. 96 : Вопросы русского языка. – С. 57–67.
49. Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – М., 1967. – 372 с.
50. Зализняк, А.О. Внутренняя форма слова [Электронный ресурс] / А.О. Зализняк. – 2009. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html. – Дата доступа : 02.12.2009.
51. Зданевич, И.К. К вопросу о переходе одних частей речи в другие / И.К. Зданевич // Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та. – Горький, 1971. – Вып. 128. Сер. филол. наук. – С. 49–58.
52. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М., 1973. – С. 277–279.
53. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М., 1992. – 221 с.

54. Иванов, В.В. Проблемы структурной типологии / В.В. Иванов, Ю.К. Лекомцев // Лингвистическая типология и восточные языки. – М., 1965. – С. 19–24.

55. Игнатъева, Л.И. Субстантивация как фактор вариантности в группе неизменяемых прилагательных / Л.И. Игнатъева // Науч. тр. Латвийского ун-та. – Т. 558. – Рига, 1992. – С. 64–71.

56. Ильенко, С.Г. Явления грамматической переходности и их отражение при обучении русскому языку (на примере субстантивации имен прилагательных) / С.Г. Ильенко // Семантика переходности : сб. науч. тр. – Л., 1977. – С. 23–30.

57. Калакуцкая, Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке / Л.П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1971. – 227 с.

58. Каламова, Н.А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие / Н.А. Каламова // Русский язык в школе. – 1961. – № 5. – С. 56–59.

59. Калечиц, Е.П. О грамматических признаках слов, образованных морфолого-синтаксическим способом / Е.П. Калечиц // Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе: материалы III науч.-метод. конф. – Свердловск, 1963. – С. 146–152.

60. Калечиц, Е.П. Переходные явления в области частей речи : учеб. пособие по спецкурсу / Е.П. Калечиц. – Свердловск, 1977. – 78 с.

61. Калечиц, Е.П. О составе явлений, рассматриваемых как переходные в области частей речи / Е.П. Калечиц // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. : Прометей, 1991. – С. 38–43.

62. Камчатнов, А.М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова [Электронный ресурс] / А.М. Камчатнов // Русский филологический вестник. – М., 1998. – № 1/2. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/kamchatnov-98.htm>. – Дата доступа : 01.09.2009.

63. Карашук, П.М. Некоторые теоретические замечания о субстантивации прилагательных и причастий как способе словообразования / П.М. Карашук // Системный анализ научного текста. – Владивосток, 1984. – С. 56–67.

64. Кацнельсон, С.Д. Основные задачи лингвистической типологии / С.Д. Кацнельсон // Лингвистическая типология и восточные языки. – М., 1965. – С. 71–76.

65. Кизюкевич, А.А. Безаффиксная транспозиция личных субстантивов (на материале русского и польского языков) / А.А. Кизюкевич // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках : материалы III респ. конф., Гродно, 5–6 окт. 1989 г. – Гродно, 1990. – С. 166–171.

66. Ким, О.М. Омонимия на уровне частей речи ее отражение в словаре / О.М. Ким // Актуальные проблемы русского словообразования : ма-

териалы респ. науч. конф., Самарканд, 12–15 сент. 1972 г. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – С. 102–107.

67. Ким, О.М. К проблеме транспозиции на уровне частей речи (на материале русского языка) / О.М. Ким // Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. – Ташкент, 1974. – Вып. 466. – С. 18–29.

68. Климовская, Г.И. Исчезло ли имя субстанции из современного русского языка? (К вопросу о так называемых субстантивированных прилагательных) / Г.И. Климовская // Тр. Томского ун-та. – Томск, 1973. – Т. 84 : Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Вып. 3. – С. 9–15.

69. Ковалевская, Е.Г. Субстантивированные прилагательные, их функционирование в текстах художественных произведений / Е.Г. Ковалевская // Семантика переходности : сб. науч. тр. – Л., 1977. – С. 59–68.

70. Кодухов, В.И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие / В.И. Кодухов // Семантика переходности / под ред. проф. В.И. Кодухова. – Л., 1977. – С. 5–16.

71. Колыханова, Е.Б. О толковании функциональных омонимов в словарях русского языка / Е.Б. Колыханова // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1988. – С. 110–116.

72. Кубрякова, Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.

73. Кубрякова, Е.С. Некоторые особенности процесса транспозиции прилагательных в существительные со словообразовательной точки зрения / Е.С. Кубрякова, А.А. Кизюкевич // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей : сб. / отв. ред. Б.И. Бартков. – Владивосток, 1988. – С. 52–58.

74. Кузнецов, В.Я. Семантика субстантивации / В.Я. Кузнецов // Языковые значения : сб. науч. тр. / В.Я. Кузнецов ; под ред. В.И. Кодухова. – Л., 1976. – С. 100–107.

75. Кузнецов, В.Я. Лексико-семантические и лексико-грамматические особенности имен существительных женского рода с флексиями прилагательных в русском языке (группа слов со значением лица) / В.Я. Кузнецов // Проблемы современной русской лексикологии. – Калинин, 1983. – С. 120–127.

76. Купина, Н.А. К проблеме выделения семантической модели / Н.А. Купина // Науч. тр. Курского пед. ин-та. – Курск, 1980. – Т. 205 : Закономерности словопроизводственного процесса в ономаσιологическом аспекте. – С. 3–7.

77. Левковская, К.А. О словообразовании и его отношении к грамматике / К.А. Левковская // Вопросы теории и истории языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 153–181

78. Липкин, С.Д. Явления субстантивации прилагательных и причастий в языке советской художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Д. Липкин. – Самарканд, 1949. – 19 с.

79. Листрова, Ю.Т. Субстантивированные (в форме среднего рода) прилагательные и причастия в романе «Анна Каренина» / Ю.Т. Листрова // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля : Доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула, 1971. – С. 36–45.

80. Лопатин, В.В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию / В.В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1966. – № 5. – С. 37–47

81. Лопатин, В.В. О понятии и термине модель в словообразовании / В.В. Лопатин // Науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. – Курск, 1977. – Т. 175 : Проблемы ономазиологии. – С. 13–16.

82. Лопатин, В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В.В. Лопатин // Русский язык. Грамматическое исследование. – М., 1967. – С. 205–232.

83. Лукин, М.Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ф. Лукин. – Киев, 1965. – 18 с.

84. Лукин, М.Ф. О подлинной и ложной субстантивации прилагательных и причастий в современном русском литературном языке / М.Ф. Лукин // Филологические науки. – 1969. – № 6. – С. 109–114.

85. Лукин, М.Ф. Об особенностях перехода наречий в существительные в современном русском литературном языке / М.Ф. Лукин // Русский язык в школе. – 1969. – № 6. – С. 75–80.

86. Лукин, М.Ф. О субстантивном употреблении глагола в современном русском литературном языке / М.Ф. Лукин // Исследования по русскому языку. – Днепропетровск : Изд-во Днепропетр. ун-та, 1970. – С. 65–73.

87. Лукин, М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке : учеб. пособие / М.Ф. Лукин. – Донецк : Изд-во Донецк. ун-та, 1973. – 100 с.

88. Лукин, М.Ф. Переход слов из одной части речи в другую и их трансформационные причинно-следственные связи в современном русском литературном языке / М.Ф. Лукин // Проблемы словообразования русского и украинского языков : сб. ст. – Киев ; Донецк : Выща школа, 1976. – С. 5–33.

89. Лукин, М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке / М.Ф. Лукин // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 49–56.

90. Лукин, М.Ф. Лексико-грамматическая специфика наречных субстантиватов в современном русском языке / М.Ф. Лукин // Русское языкознание : респ. межведомств. науч. сб. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1986. – Вып. 13. – С. 65–70.

91. Лукин, М.Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ф. Лукин. – Киев, 1965. – 18 с.

92. Ляхнович, Т.Л. Принципы построения морфемно-грамматического словаря русских глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Л. Ляхнович – М.: Изд-во РУДН, 1990. – 16с.

93. Малеева, М.С. Синтаксический контекст и явления субстантивации / М.С. Малеева // Русское предложение: исследование и преподавание в школе и вузе : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – С. 131–138.

94. Маловицкий, Л.Я. Переходность как отражение исторических изменений в языке / Л.Я. Маловицкий // Семантика переходности : сб. науч. тр. – Л., 1977. – С. 17–23.

95. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.

96. Марков, В.М. К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке / В.М. Марков // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. – Казань : Изд-во КГУ, 1961. – Т. 119, кн. 5 : Памяти В.А. Богородицкого (к 100-летию со дня рождения) : сб. ст. – С. 94–109.

97. Меликова, Л.М. Субстантивация личных местоимений в атрибутивных словосочетаниях / Л.М. Меликова // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. : Прометей, 1991. – С. 54–61.

98. Мельников, Г.П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка / Г.П. Мельников // Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А.А. Реформатского). – М. : Наука, 1971. – С. 359–367.

99. Мельников, Г.П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях [Электронный ресурс] / Г.П. Мельников // Беседы в Обществе любителей российской словесности : сб. науч. тр. – 1998. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm>. – Дата доступа : 14.06.2009.

100. Мельников, Г.П. Морфологический строй языка и средства словоразграничения / Г.П. Мельников // Исследования по фонологии. – М. : Наука, 1966. – С. 263–284.

101. Мельников, Г.П. Принципы и методы системной типологии языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.П. Мельников ; Воен. ин-т. – М., 1989 – 38 с.

102. Мельников, Г.П. Психолингвистические особенности грамматического строя языков (на примере анализа атрибутивных конструкций) / Г.П. Мельников // Теория речевой деятельности (проблемы психолингви-

стики). Семинар по психолингвистике. Тезисы докладов и сообщений. Институт языкознания АН СССР. – М. : Наука, 1968. – С.104–119.

103. Мельников, Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной / Г.П. Мельников // Проблемы языкознания: Докл. и сообщ. советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. – М. : Наука, 1967. – С. 98–102.

104. Мельников, Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной : курс лекций / Г.П. Мельников. – М. : Изд-во РУДН, 2000. – 90 с.

105. Мельников, Г.П. Системный подход в лингвистике / Г.П. Мельников // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 183–204.

106. Мельников, Г.П. Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики / Г.П. Мельников // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Изд-во ПГУ, 1977. – С. 64–92.

107. Мельников, Г.П. Язык как система и языковые универсалии / Г.П. Мельников // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 183–204.

108. Меркулова, М.Г. Морфологическая транспозиция в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Г. Меркулова. – М., 1997. – 17 с.

109. Мигрин, В.Н. Трансформациология языка / В.Н. Мигрин // Известия Крымского пединститута. – Симферополь, 1957. – Т. 23. – С. 3–11.

110. Мигрин, В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке : учеб. пособие для студентов / В.Н. Мигрин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

111. Милославский, И.Г. Словообразование / И.Г. Милославский // Современный русский язык / под ред. Л.А. Новикова. – СПб. : Лань, 2001. – С. 330–378

112. Миллионщикова, О.П. Субстантивация притяжательных местоимений / О.П. Миллионщикова // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Бабайцева. – М. : Прометей, 1991. – С. 61–69.

113. Михеева, К.М. Субстантивация прилагательных в народно-разговорном языке XVII – начала XVIII вв. / К.М. Михеева // Науч. тр. Тюменского гос. ун-та. – Тюмень, 1976. – Сб. 25 : Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в школе. – С. 75–82.

114. Мишаева, М.Д. К вопросу о субстантивации прилагательных в современном русском языке / М.Д. Мишаева // Уч. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та. – Т. 17. – Вып. 7. – Ульяновск, 1963. – С. 57–80.

115. Молочко, Г.А. Субстантивация в русском и белорусском языках / Г.А. Молочко // Русский язык как объект изучения и преподавания : материалы конф. – Минск : Изд-во МГПИ, 1991. – С. 64–68.

116. Мошева, А.А. Субстантивированные прилагательные цвета в акчимском говоре / А.А. Мошева // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1979. – С. 25–44.

117. Мошева, А.А. Субстантивация в синхроническом и диахроническом аспектах (на материале диалектного словообразования) / А.А. Мошева // Деривация и история языка : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1987. – С. 29–37.

118. Немировский, М.Я. К вопросу о так называемой субстантивации / М.Я. Немировский // Вопросы славянского языкознания. – Львов ; Харьков, 1953. – Кн. 3. – С. 58–70.

119. Немченко, В.Н. Основные понятия словообразования в терминах / В.Н. Немченко. – Красноярск, 1985. – С. 188–189.

120. Низинская, В.А. К вопросу о способах образования существительных адъективного типа склонения / В.А. Низинская // Науч. тр. Ташкентского пед. ин-та. – Т. 174 : Актуальные проблемы русского словообразования. – Вып. 2. – С. 221–225.

121. Низинская, В.А. К истории существительных адъективного типа склонения, обозначающих помещения / В.А. Низинская // Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. – Ташкент, 1979. – Т. 580. – С. 21–29.

122. Низинская, В.А. Из истории существительных адъективного типа склонения в русском языке / В.А. Низинская // Историческое развитие грамматической и словообразовательной системы русского языка. – Ташкент, 1992. – С.

123. Никитевич, В.М. Переход, конверсия и транспозиция / В.А. Низинская // Русское языкознание : тематич. сб. науч. тр. проф.-препод. состава высш. учеб. заведений Мин. высш. и сред. спец. образования Казах-ССР. – Алма-Ата, 1971. – Вып. 1. – С. 102–108.

124. Никитевич, В.М. Словообразование и транспозиция / В.М. Никитевич // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1971. – Вып. 10. – С. 94–103.

125. Никитевич, В.М. Субстантиваты и деривационные сочетания в синтаксическом целом / В.М. Никитевич // Вопросы языкознания и литературоведения. – Алма-Ата : Изд-во Казах. гос. ун-та, 1977. – С. 26–35.

126. Николина, Н.А. Экспрессивные возможности транспозиции в художественной речи / Н.А. Николина // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1988. – С. 116–119.

127. Новиков, Л.А. Лексическая семантика / Л.А. Новиков // Современный русский язык / под ред. Л.А. Новикова. – СПб. : Лань, 2001. – 864 с.

128. Носкова, В.В. К истории вопроса об изучении взаимодействия субстантивированных прилагательных и суффиксальных существительных / В.В. Носкова // Уч. зап. МГПИ имени Ленина. – М., 1971. – Т. 423 : Современный русский язык. – С. 81–94.

129. Носкова, В.В. К вопросу о субстантивации относительных прилагательных и их соотношении с суффиксальными существительными / В.В. Носкова // Уч. зап. МГПИ имени Ленина. – М., 1971. – Т. 423а : Современный русский язык. – С. 213–231.

130. Носкова, В.В. Субстантиваты лица и их соотношение с суффиксальными существительными : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Носкова. – М., 1971. – 23 с.

131. Остапенко, С.А. Субстантивация как процесс взаимодействия грамматических классов слов и проблемы ее изучения / С.А. Остапенко // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения. Вопросы русского языка и литературы : межвуз. сб. – Кишинев : Штиинца, 1990. – С. 38–45.

132. Пайкина, А.Р. Субстантивированные причастия в функциональных стилях современного немецкого языка / А.Р. Пайкина // Лексическая и грамматическая семантика. – Минск, 1985. – С. 148–155.

133. Панов, М.В. О членимости слов на морфемы / М.В. Панов // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова : сб. ст. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – С. 170–179.

134. Парикова, Н.Б. Еще о субстантивации в русском языке / Н.Б. Парикова // Вопросы грамматики русского языка. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1974. – С. 25–35.

135. Перльмуттер, Л.Б. Переход прилагательных в существительные / Л.Б. Перльмуттер // Русский язык в школе. – 1948. – № 1. – С. 12–20.

136. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1938. – 452 с.

137. Плоткин, В.Я. Динамика английской фонологической системы / В.Я. Плоткин. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1967. – 169 с.

138. Плотникова, Г.Н. Взаимосвязь изменений грамматического и лексического значений в слове / Г.Н. Плотникова // Сб. науч. тр. Свердловского пед. ин-та. – Свердловск, 1979. – Вып. 314. – С. 14–20.

139. Подгаецкая, И.М. Переход прилагательных и причастий в существительные в истории русского литературного языка (XVIII–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.М. Подгаецкая. – М., 1950. – 17 с.

140. Подгаецкая, И.М. Субстантивированные прилагательные и причастия в специальной сфере / И.М. Подгаецкая // Уч. зап. Южно-Сахалинского гос. пед. ин-та. – Ю.-Сахалинск : Сов. Сахалин, 1957. – Т. 1. – С. 291–333.

141. Полякова, И.М. Субстантивация и процесс включения (На материале разговорной речи металлургов) / И.М. Полякова // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. – Куйбышев, 1971. – Вып. 82. – Ч. 1. – С. 37–53.

142. Попов, А.С. Номинация и ее типы / А.С. Попов // Науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. – Т. 175 : Проблемы ономазиологии. – Курск, 1977. – С. 31–34.

143. Постникова, И.И. К вопросу о субстантивированных прилагательных в современном русском языке / И.И. Постникова // Уч. зап. Казанского пед. ин-та. – Казань, 1960. – Вып. 1.

144. Поташкина, М.В. К вопросу о переходности частей речи в русском языке / М.В. Поташкина // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения. Вопросы русского языка и литературы : междунар. сб. – Кишинев : Штиинца, 1990. – С. 106–111.

145. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М., 1958. – Т. 1–2. – 554 с.

146. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М., 1968. – Т. 3. – С. 42–50.

147. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – 3-е изд. – Харьков : Мирный труд, 1913. – 225 с.

148. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.

149. Протченко, И.Ф. О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица / И.Ф. Протченко // Русский язык в школе. – 1958. – № 4. – С. 7–11.

150. Протченко, И.Ф. Прилагательные-субстантиваты в роли названий лиц / И.Ф. Протченко // Памяти акад. В.В. Виноградова : сб. ст. / отв. ред. В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – С. 184–190.

151. Протченко, И.Ф. О субстантиватах и новообразованиях, создаваемых по их типу / И.Ф. Протченко // Проблемы истории и диалектологии славянских языков : сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.И. Борковского. – М. : Наука, 1971. – С. 230–235.

152. Радзиховская, В.К. К проблеме морфолого-синтаксического способа словообразования в современном русском языке / В.К. Радзиховская // Вопросы грамматического строя современного русского языка. – М., 1972. – С. 272–283.

153. Ремчукова, Е.Н. Понятие транспозиции, ее разновидности и функции в современном русском языке (КЛЯ, разговорная речь и поэтический язык) / Е.Н. Ремчукова // Тр. по рус. и славян. филологии. Новая серия. Лингвистика. – № 1. – Тарту, 1997. – С. 154–172.

154. Ремчукова, Е.Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы / Е.Н. Ремчукова // Про-

блемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб. : Наука, 2000. – С. 79–90.

155. Реформатский, А.А. О членности слова / А.А. Реформатский // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членность слова / сб. статей / отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1975. С. 5–13

156. Реформатский, А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строя языка / А.А. Реформатский // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. – М.–Л., 1965. – С. 64–116.

157. Родзиевская, Я.К. Особенности глагольной субстантивации в научном тексте на немецком языке / Я.К. Родзиевская // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. – Л., 1978. – Вып. 1. – С. 3–7.

158. Ройзензон, Л.И. К типологии субстантивированных прилагательных и причастий в русском языке / Л.И. Ройзензон // Труды Самаркандского гос. ун-та. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1962. – Вып. 118 : Исследования по русскому языку. – С. 121–139.

159. Ройзензон, Л.И. Русские фразеологизмы и субстантивированные прилагательные / Л.И. Ройзензон // Труды Самаркандского гос. ун-та. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1962. – Вып. 118 : Исследования по русскому языку. – С. 15–30.

160. Руднев, А.Г. Синтаксис простого предложения / А.Г. Руднев. – М. : Учпедгиз, 1960. – С. 89–91.

161. Сазонова, И.К. Субстантивация / И.К. Сазонова // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 339–340.

162. Светлова, В.Н. Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей / В.Н. Светлова // Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та. – Свердловск, 1969. – Т. 96. – С. 21–31.

163. Сепир, Э. Язык: Введение в изучение речи / Э. Сепир ; пер. с англ. А.М. Сухотина. – М.–Л., 1934. – 224 с.

164. Скитова, Ф.Л. Процессы субстантивации при освоении говорами прилагательных литературного языка / Ф.Л. Скитова, М.Н. Мушкина // Литературный язык и народная речь. – Пермь, 1986. – С. 38–47.

165. Смольянинова, М.И. К вопросу о субстантивации в современном русском языке / М.И. Смольянинова // Уч. зап. Калужского пед. ин-та. – Вып. 10. Филол. серия. – Калуга, 1961. – С. 48–68.

166. Смольянинова, М.И. Значение и некоторые особенности именных категорий в структуре субстантивированных причастий / М.И. Смольянинова // Вопросы истории и теории русского языка. – Калуга, 1969. – Вып. 2. – С. 35–42.

167. Смольянинова, М.И. Субстантивация причастий в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.И. Смольянинова. – М., 1970. – 17 с.

168. Смольянинова, М.И. Субстантивация причастий в форме среднего рода / М.И. Смольянинова // Вопросы истории и теории русского языка. – Тула, 1970. – Вып. 3. – С. 187–204.

169. Смольянинова, М.И. К вопросу о синтаксических условиях субстантивации и функциональных возможностях субстантиватов / М.И. Смольянинова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга, 1971. – С. 96–104.

170. Смольянинова, М.И. К вопросу о степени субстантивации причастий / М.И. Смольянинова // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. – Тула, 1976. – С. 42–58.

171. Снетова, Г.П. Морфолого-синтаксический способ номинации в терминологии XIV–XVI вв. (На материале социально-экономической группы лексики со значением «пошлины – повинности») / Г.П. Снетова // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. – Т. 66. – Вып. 2. – С. 91–110.

172. Снетова, Г.П. Процесс субстантивации в старорусском языке / Г.П. Снетова // Лексико-грамматические исследования по русскому языку. – Калинин, 1977. – С. 97–122.

173. Снетова, Г.П. Субстантивированные прилагательные среднего рода в старорусском языке / Г.П. Снетова // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин, 1980. – С. 109–126.

174. Современный русский язык / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук, А.И. Горшкова, Н.М. Шанского. – М., 1957.

175. Современный русский язык : в 2 ч. / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. – М. : Изд-во МГУ, 1964. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис. – С. 89–91.

176. Современный русский язык : в 3 ч. – М., 1987. – Ч. 2 : Словообразование. Морфология / под ред. Н.М. Шанского, А.Н. Тихонова.

177. Современный русский язык : учеб. пособие для филол. спец. вузов / сост.: Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. – 5-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 1987. – 480 с.

178. Соколова, Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных / Г.Г. Соколова. – М., 1973. – 175 с.

179. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 426 с.

180. Стернина, М.А. Лексико-грамматическая полисемия и переход частей речи / М.А. Стернина // Языковые единицы в системе языка и в тексте. – Воронеж, 1991. – С. 24–32.

181. Судакова, А.И. Соотносительность прилагательных и существительных в субстантивной функции (на материале словарей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.И. Судакова. – Алма-Ата, 1971. – 24 с.

182. Суник, О.П. Общая теория частей речи / О.П. Суник. – М. ; Л., 1966. – С. 50–53.

183. Таджикибаев, Б.Б. Функционирование субстантиватов в структуре отадъективных словообразовательных цепочек / Б.Б. Таджикибаев // Филологические науки. – 1993. – № 1. – С. 84–93.

184. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с франц. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

185. Тихомирова, Т.С. К вопросу о переходности частей речи / Т.С. Тихомирова // Филологические науки. – 1973. – № 5. – С. 78–87.

186. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1 / под ред. В.А. Звегинцева. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 464 с.

187. Уфимцева, А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М, 1980. – С. 32–51.

188. Филиппова, Л.С. К вопросу о субстантивации частей речи в современном русском языке / Л.С. Филиппова // Науч. тр. Тюменского гос. ун-та. – Тюмень, 1976. – Т. 25 : Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в школе. – С. 3–8.

189. Фролова, И.А. К истории субстантивного употребления именных и местоименных форм прилагательных в древнерусском языке / И.А. Фролова // Эволюция и предыстория русского языкового строя. – Горький, 1983. – С. 18–26.

190. Цой, А.Г. Функционирование языка и явление субстантивации / А.Г. Цой // Структура и функционирование единиц русского языка : сб. науч. тр. – Ташкент, 1986. – С. 16–21.

191. Чижова, В.А. К сопоставительному изучению субстантивации в русском и чешском языках / В.А. Чижова // Славянская филология : межвуз. сб. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – Вып. 4. – С. 66–72.

192. Чижова, В.А. Субстантивация прилагательных и причастий в современных русском и чешском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Чижова. – Волгоград, 1997. – 19 с.

193. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

194. Шляйхер, А. Теория Дарвина в применении к науке о языке / А. Шляйхер // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М. : Просвещение, 1964. – Ч. 1. – 466 с.

195. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М., 1973. – С. 27.

196. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63–85.

197. Щербаков, В. О так называемых субстантивированных прилагательных и причастиях среднего рода / В. Щербаков // Тез. докл. и сообщ. XI науч. конф. проф.-препод. состава. Секция филол. наук. – Фрунзе, 1962.

198. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.
199. Якобсон, Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике. – М., 1963. – С. 95–105.
200. Янценецкая, М.Н. Семантические вопросы теории словообразования / М.Н. Янценецкая. – Томск, 1979. – 242 с.
201. Яцкевич, Л.Г. О контекстуальных условиях субстантивации прилагательных в речи / Л.Г. Яцкевич // Вопросы общественных и гуманитарных наук : материалы II науч. конф. – Гомель : Полеспечать, 1974. – Вып. 1. – С. 196–198.
202. Яцкевич, Л.Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи / Л.Г. Яцкевич // Филологические науки. – 1977. – № 4. – С. 101–106.
203. Capell, A. Typology of Concept Domination / A. Capell // *Lingua*. – 1965. – Vol. 15. – S. 451–462.

Словари

1. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР – М. : Рус. яз., 1991.
2. Зализняк, А.А. Грамматический словарь русского языка / А.А. Зализняк. – М. : Рус. яз., 1977. – 880 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 683 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1994. – 944 с.
6. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А.Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1990. – 856 с.
7. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб. : Фолио-Пресс, 2000. – 944 с.